

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

А Л Ь М А Н А Х

· ВОСПОМИНАНИЯ · ДОКУМЕНТЫ ·
· СТИХИ · ОЧЕРКИ · РАССКАЗЫ ·
· ФОТОГРАФИИ · РИСУНКИ · ПЕСНИ ·

ТОМ III

МОСКВА
2013

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,
ОБАГРЕННЫЕ СОЛДАТСКОЙ КРОВЬЮ,
ПОСВЯЩАЮТСЯ

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

СКОЛЬКО ВЕКОВ
БУДЕТ ЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ, —
СТОЛЬКО ДОЛЖНА ЖИТЬ ПАМЯТЬ.

ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО НЕ ЖАЛЕЛ СВОИ ЖИЗНИ
И ПОЛОЖИЛ ИХ НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА
ВО ИМЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И ПРОЦВЕТЕНИЯ
ДРУГИХ ЖИЗНЕЙ — ВЕЧНА.

СОХРАНИМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО
ИМЕНА ВСЕХ СОЛДАТ,
КТО ВЫСТОЯЛ И ПОБЕДИЛ
СТРАШНЕЙШУЮ ВОЙНУ XX ВЕКА!

Автор-составитель, главный редактор –
Мария Веселовская-Томаш

Редакционная коллегия:
Н. Зими́на, Н. Морсова, В. Опойков, М. Стрелова, Л. Туманова

Издание осуществлено на финансовые средства государственной поддержки,
выделенные в качестве субсидии в соответствии с Договором с Комитетом
общественных связей города Москвы № 71С от 13.06.2012 г.,
на реализацию проекта «Потомки, достойными будьте!»

А-52 **Алтарь Отечества.** Альманах (воспоминания, документы, фотографии, очерки, рассказы, фотографии, рисунки, стихи, песни, адреса плаэйкастов). Посвящается защитникам Отечества. Автор-составитель М.М.Веселовская-Томаш. Т.3. – М.:ПРОБЕЛ-2000,2013. – 244 с.: ил.

ISBN 978-5-98604-374-6

Альманах издан в год празднования великих юбилеев: 70-летия Победы советского народа в Сталинградской и Курской битвах, которые коренным образом изменили ход Великой Отечественной войны.

Мы отдаём героям того времени свою дань памяти. Альманах посвящается защитникам Отечества, сражавшимся за его свободу в разные периоды исторического развития, в том числе, и воинам современных боевых действий на Северном Кавказе и других локальных войн и военных конфликтов.

Воспоминания ещё живущих ныне фронтовиков Великой Отечественной войны, их родных и близких о тех, кто дошёл до великого и святого Дня Победы, и о тех, кто навечно остался на своём боевом посту, нашли в этом томе своё отражение...

Герои альманаха в своих рассказах упоминают имена однополчан, сослуживцев, друзей (выделены в тексте и в Содержании книги).

Впервые говорят о войне очевидцы-дети, которые не воевали, но война в их судьбах оставила очень глубокий, жёсткий след.

О «своём видении войны» высказываются уже внуки и пра...правнуки Победы. От того, как сможем мы, взрослые, передать им свою эстафету памяти, зависит их отношение к Родине и знание истории, а, значит, и будущее Отечества.

Представлены малочисленные, дорогие сердцу семейные реликвии: фотографии, документы. Чтобы сохранить для потомков имена наших героических предков, чьё мужество и доблесть привели к Победе добра над злом, чтобы привить подрастающему поколению высокое чувство патриотизма и гордости за своё героическое прошлое, мы издаём альманах «Алтарь Отечества».

Адреса плаэйкастов (ссылки) Л.Иванцовой из рубрики «Никто не забыт, ничто не забыто» помогут молодому поколению, растущему на достижениях Интернет-технологий, познакомиться со страницами истории именно через такие яркие, образные визуальные «средства», к которым можно отнести плаэйкасты.

Поэтические и музыкальные произведения также усиливают отношение авторов к героизму наших предков.

Книга представляет интерес как для фронтовиков, так и для их потомков, историков.

ББК 63.3(2)622+С62
А-52

ISBN 978-5-98604-374-6

© Веселовская-Томаш М.М., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
Пролог	14
ИМЕНА ИХ В ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ	
ВЬЮГИН Яков Михайлович. Главы из неопубликованной книги «В памяти живых»:	
Бой за живучесть самолётов	21
– БАРАН А.И.	
– БОГУНЕЦ	
– БОГУСЛАВЧИК В.Д.	
– ВОЛОСЕВИЧ Н.И.	
– ДЕНИСОВ К.Е.	
– ЗАПЕВАЛОВ Г.А.	
– КРАВЧЕНКО Пётр Зиновьевич	
– ЛОБАНОВ А.А.	
– ЛОМОВЦЕВ М.Ф.	
– МАЛЬЦЕВ Г.В.	
– ПОЛЯКОВ Р.И.	
– РУБАНОВ И.М.	
– СЕЛЕЦКИЙ Женя	
– СКЛАДАНЫЙ Е.Ф.	
– УСАТОВ И.А.	
– УСКОВ М.И.	
– ФИЛИМОНОВ С.И.	
– ЧИСТЯКОВ	
Необычный ремонт	23
– АРЦЕВ С.И.	
– СМИРНОВ П.П.	
Герой Советского Союза Майор Владимир Александрович МИХАЛЁВ	25
– ДЕНИСОВ А.А.	
– ДЪЯЧЕНКО Федот Гаврилович	

Самолёт будет летать	26
– БЕЗРУКОВ	
Выход найден	29
– БЕГУН Григорий	
– ГОРЕЛИКОВ Иван Фролович	
– ЁХИН Яков	
– СЕЛДЯКОВ Константин	
– ШИТОВ Александр Михайлович	
Гибель Петра Зиновьевича Кравченко	31
– КУДРЯВЦЕВ	
– ПЕТРЕНКО И.П.	
– ИЛЬИЧЁВ Алексей	
Истребитель «МиГ–3» в клещах	33
– КРАЙНОВ Г.В.	
– ТРОШИН А.А.	
– ХРОМОВ Н.П.	
Вынужденная посадка	37
– ГОРБАЧЁВ	
– САФОНОВ Б.Ф.	
– СГИБНЕВ Пётр Георгиевич	
День Победы	41
– КУРЗЕНКОВ	
– НОСКОВ М.Н.	
– РЯБОШАПКА Владимир	
– ХУДОЖИЛОВ Алексей	
На Дальний Восток	43
СОЛДАТОВ Алексей Михайлович. Память военных лет	49
<i>Фотографии помогут вернуть имена.</i>	
– 270 фотографий. Названы 145 фамилий	
Хопёрский Мирослав Алексеевич. Американец с русской кровью	61
– Михей ДРОЖАНЫЙ	
– ДЮПОН Джон	

– КИРИЛЛОВ Александр
– КОЗЬМИН Вячеслав
– КОШКАРОВ Пётр
– МАЗУРЕНКО Владимир
– НАЗИКЯН Артём
– НЕЙМАН Изо Яковлевич
– ХОХЛОВ Сергей

Хопёрский Мирослав Алексеевич. ВОЛОДЯ-журналист	65
– ВЛАСОВ, подполковник	
– Мишка-татарин	
– БИТЮКОВ	
– УСМАНОВ	
– ФУРСОВ	
– ШЕПЕТЯ	

ГОВОРЯТ ДЕТИ ВОЙНЫ...

*Отражалась в глазах война,
В криках, столах и в детских слезах*

Веселовская-Томаш Мария Максимовна. Осознание слова «война» <i>Рассказы из неопубликованной книги «Осколки памяти»</i>	70
– БЕНДРЮК Никита	
– ГИЛИТЮК Михайло	
– НАКАЙ Иван	
– ТОМАШ Максим Парфеньевич	
– ТОМАШ Парфений Васильевич	
Веселовская-Томаш Мария Максимовна. На этом жизнь не кончается	97
– ИЛЛАРИОНОВ Василий	
Измайлов Вячеслав о Василии Илларионове	101
– КОЗЛОВ	
– МАНИЛОВ	
Кириллов Роман о Василии Илларионове	102
– БЕЛОУСОВ Анатолий	
– МАКЕЕВ Александр	
– СИМОНОВСКИХ Антон	
– ШАВЛОВСКИХ Михаил	

Козлов Анатолий Александрович	104
– КОЗЛОВ Александр Гаврилович	
Кульпин Антон (Анатолий Николаевич Кульпин)	110
– Иван	
– Дмитрий	
– КУЛЬПИН Антон Фёдорович	
– КУЛЬПИН Семён Антонович	
– Николай	
– Павлик	
– Семён	
Липин Анатолий Алексеевич. «Это было в Краснодаре...»	114
Лошаков Владимир Григорьевич. Боец Плесецкого космодрома	132
– КОЛДЫШЕВ Анатолий Акимович	
– ЗАВЬЯЛОВ Виктор	
– СИНЯКОВА Зинаида	
– ЗАХАРОВ Виктор	
– БРЫЛЁВ Владимир	
– ШИРЯЕВ Сергей	
– ШАТАЛОВ Виктор	
Морсова Наталья Евгеньевна. Детство, опалённое войной. <i>Очерки</i>	139
ПЛАТОНОВА Алла Юрьевна	142
– ПЛАТОНОВ Юрий Николаевич	
– ПЛАТОНОВА Наталья Андреевна	
ПОТЁМКИНА (ШМЕЛЁВА) Нелли Михайловна	151
– АНФИНОГЕНОВ Вовка	
– ВОЛКОВА Валентина Васильевна	
– ПОТЁМКИН Михаил	
– ПОТЁМКИНА Антонина	
ЮХНЕВИЧ (ТЕРВОНЕН) Людмила Ивановна	159
– Иван	
– УГЛОВ Фёдор Григорьевич	
– ЧИЛИНГАРОВ Артур Николаевич	
– ЮХНЕВИЧ Елизавета Устиновна	
– ЮХНЕВИЧ Иван Борисович	

СЛОВО ВНУКАМ И ПРА...ПРАВНУКАМ ПОБЕДЫ

*В руках мы держим щит и меч:
Мы не позволим мир поджечь*

Война глазами юных художников

из Детско-юношеского Центра «Виктория»:

Гречанинова Юлия, Мешкова Анастасия, Назаренко Мария,
Седова Мария, Феденко Дарья

170

Климанова Татьяна Ивановна. Герои. *Из воспоминаний бабушек*

172

– КУЗНЕЦОВА Мария

– СТЕНЯКИН Пётр

– ПОЗДНЫШОВ – *средний*

– ПОЗДНЫШОВ – *старший*

– КЛИМАНОВА

– НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ (*советский лётчик*)

Стрелова Мария Андреевна. Стреловы – Фомичёвы

175

– ДАНИЛОВА Мария

– СТРЕЛОВ Пётр Павлович

– СТРЕЛОВА Антонина Михайловна

– ФОМИЧЁВ Афанасий

– ФОМИЧЁВ Василий

– ФОМИЧЁВ Михаил Афанасьевич

– ФОМИЧЁВА (БАДАЕВА) Лидия Григорьевна

Куканова Анастасия Сергеевна

183

Чурсинов Дмитрий Владимирович

186

Песни, рождённые эхом войны:

Сказ о Большом Дубе («Не забывайте!»)

191

Потомки, достойными будьте

218

Скрылось солнце

222

– Евгений РОДИОНОВ

Плэйкасты – это тоже память

228

Эпилог

231

Об авторе

242

Безвозвратно ушедший в прошлое XX век был полон драматических событий: Первая Мировая война 1914-1918 гг., Гражданская война 1918-1920 гг. (ранее указывался период 1918- 1922 гг.), которая началась вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Голод в СССР 1930-1934 годов. Вторая Мировая война 1939-1945 годов – ей предшествовал целый ряд локальных войн и вооруженных конфликтов, инициаторами которых были Япония, Италия и Германия.

Территориальные споры, борьба за передел мира были одной из причин начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, самого страшного, изуверского преступления против человечества: она унесла десятки миллионов жизней. Точное количество потерь неизвестно и уже никогда не установить – масштаб как солдатского состава, так и мирного населения, взрослых, детей, женщин огромен...

Послевоенный голод 1946–1947 годов также оставил неизгладимый след в истории нашего государства... Народ поднимался с колен, держа, как греческий Атлант, на своих плечах разрушенную страну.

Победители Великой Отечественной войны – доблестные воины, добывшие Великую Победу – «одну на всех», являются основными героями альманаха «Алтарь Отечества». Сейчас предлагается много разных политических трактовок Второй Мировой войны, и за ними подчас «затирается» в памяти самое главное – подвиг советских солдат и солдат стран союзников. Тех, кто своей кровью избавил мир от фашизма. Они, трактовки, звучат на разных языках, они разных идеологий, но речь в них идёт одинаково о страданиях, унижениях, ужасах, бессмысленном уничтожении Человека. И пусть никогда мир не забудет: ПОБЕДУ ПРИНЁС СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ! При содействии стран-союзников, а – не наоборот.

Альманах – воспоминания самих фронтовиков, тех, кто, к счастью, ещё жив, или родных и близких о тех, кто дошёл до великого и святого дня, или навечно застыл на своём боевом посту... Когда над страной нависла смертельная опасность, в военкоматах стояли огромные «живые» очереди из добровольцев: то наши мужчины – отцы и деды, наши мальчишки и девчонки стремились на фронт, чтобы скорее уничтожить врага.

О некоторых из них не осталось ни строчки, ни следа на земле, но их подвиг, самопожертвование во имя продолжения жизни других мы обязаны чтить

и помнить. О них сложены стихи и песни, написаны рассказы, очерки, снято множество фильмов. Нереально показать ВСЕХ героев, а ЗНАТЬ ИХ ИМЕНА И ПОМНИТЬ ВСЕХ – НАШ ДОЛГ. Об этом просил в своём произведении–завете «Репортаж с петлей на шее» бессмертный Юлиус Фучик:

«Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас». И напоминает всем об этом Мирослав Хопёрский в своём очерке «Володя-журналист». Столько лет прошло, а мысль эта остро актуальна и сегодня!

В книге представлены редкие семейные, дорогие сердцу реликвии: письма с фронта, документы, фотографии. Их мало: не каждой семье удалось сохранить тончайшую нить с прошлым. Но без семени прошлого не прорастёт деревце будущего...

Когда готовилась книга к изданию, автору-составителю посчастливилось поработать с архивами фотографий Великой Отечественной войны в интернете. Глазам предстала лишь толика немых, но кричащих во всю мощь свидетельств страшных преступлений XX века.

Несколько дней комок в горле не проходил. Не отпускало сердце от беды, о которой говорили свидетельства-фотографии. Как много мы знаем о войне тех лет! Но как мало мы знаем о тех злодеяниях, которые чинили фашистские изверги на нашей земле!.. И показалось: не надо вести какой-либо специальной работы по патриотическому воспитанию молодёжи, детей!!! Не надо! Надо просто знакомить их с фотографиями, которые нам оставлены фоторепортёрами, фотокорреспондентами. И с фотографиями, которым несть числа! – безымянных авторов. Авторы, скорее всего, погибли. Архивы Великой Отечественной войны должны говорить во весь голос о трагедии нашего народа.

Каждый год неумолимо уносит Великую Отечественную войну 1941-1945 годов вглубь истории, всё дальше и дальше от участников и свидетелей страшнейших событий. Как ни печально, но наступит день, когда мы не сможем назвать ни одного имени ещё живущих фронтовиков. А потому дорого каждое слово, каждая строчка, каждая памятная вещь о героизме людей. Человеческое сердце отзывчиво на боль. А боли в фотографиях отражено безмерно много.

Говорят о войне очевидцы-дети: не воевали, но война по их судьбах прошла очень глубоко, оставив жёсткий, кровоточащий след.

О «своём видении войны» высказываются наши внуки и пра...правнуки Победы. От того, как сможем мы, взрослые, передать им свою эстафету памяти, зависит их отношение к Родине и знание истории. Зависит от этого и будущее Отечества.

Некоторые из внуков-правнуков, как ни горестно это звучит, – не знают имён и отчеств своих прабабушек, прадедушек, близких родных...

«Деление» авторов воспоминаний, конечно, носит условный характер. Не столько важно, кто рассказал, а то, какие рассказы сохранились в памяти людской и к нам дошли.

В «Вальсе забвения» (первый том) – акцент ставится на недопустимо небрежное отношение живых к памяти павших на фронтах войны, о запустении на военно-мемориальном комплексе города Кисловодска. Такое положение не только в этом городе, увы! И даже не это самое страшное, а то, как сегодня молодые, не видевшие войны, ведут себя у святых мест: танцуют на братских могилах, оскверняя их, гасят вечный огонь. Потрясение, всколыхнувшее меня при первом посещении военно-мемориального комплекса более двадцати пяти лет тому назад, подтолкнуло к написанию первого стихотворения «Пусть не будет могил неизвестных» (положено на музыку композитором Э.Сторожевым, г. Калининград, и А. Ломовицкой, певицей, г. Москва; оба – лауреаты Артиады народов России). С этого произведения веду отсчет своей творческой биографии.

В 2007 году при спонсорской поддержке Компании 1ТАльянс был открыт и продвигается до сих пор сайт ПараАртийского Центра «Иван да Марья» <http://www.paraartiada.com/>.

При заполнении рубрики «Алтарь Отечества» сайта использовались и средства, полученные в виде гранта от Государственного учреждения города Москвы «Дома общественных организаций» (Центр по связям с общественными объединениями) – по проекту «Интернет-галерея Алтарь Отечества» – в рамках Фестиваля художественного творчества инвалидов – «ПараАртиада – 2006–2007». На эти цели использовались также финансовые «средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта на реализацию Проектов: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет – и не может...» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 года № 192-рп» и «Пусть не гаснет свеча на ветру» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 16 марта 2009 года № 160-рп». Одна из рубрик сайта – «Алтарь Отечества». Её материалы лежат в основе альманаха.

Использованы стихи Ю. Друниной, М. Геттуева, М. Исаковского и литературно-музыкальные произведения членов ПараАртийской Лиги России: А. Алфёровой, Л. Бикбаевой-Занозиной, В. Вознесенского (Россия – Украина), Н. Гончара, П. Горшкова, М. Гулинкина, О. Гулинкиной, В. Илюшкина, И. Исаева, А. Козлова, А. Липина, В. Мелешкина, М. Стреловой, Ф. Хаирова и автора-составителя.

В подготовке рукописи альманаха к изданию оказали помощь: Е.Веселовский, С.Евсеева, Т.Максименко, В.Резчикова, за что выражаю всем сердечную благодарность.

С признательностью примем замечания, пожелания, новые материалы и документы для их размещения в Интернет-галерее и издания в будущих альманахах.

*Член Международной Ассоциации Писателей и Публицистов
и Международного Союза славянских журналистов*

Мария Максимовна ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ

Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной...

Я – связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несущу.

Юлия ДРУНИНА

«Благословенны солдаты,
которые умирали во имя любви к Родине».

*Евгений ШВАРЦ.
«Обыкновенное чудо»*

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

Цену Победы над Германией нельзя измерить. Советский Союз победил, но Победа досталась сверхвеликой ценой:

Из 33,4 миллионов человек, надевших шинели, оставалось в живых 12,8 миллионов человек.

Безвозвратные человеческие потери Вооружённых сил СССР составили 11 миллионов 944,1 тысячи человек.

Общие демографические потери СССР составили 27 миллионов человек. (По последним источникам – 30 миллионов человек).

Во Второй мировой войне мир потерял 55 миллионов человек.

(По материалам Интернета)

Прошло более 67 лет после смертельных, незабываемых, полных незаживающей боли, слёз и горьких утрат событий!

Имена многих погибших солдат неизвестны: они просто входят в цифры «12,8» или «55 миллионов».

Солдаты ВЕЛИКОЙ Отечественной войны, не пожалевшие свои жизни во имя Победы, погибли, пропали без вести или вернулись с трагической отметиной – глубокими ранами, если не на теле, то на душе...

В бой за Родину! Фото Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

На Алтарь Отечества положены жизни детей, юных и взрослых людей. О них нигде не рассказано: они входят только в общее число миллионов.

Некогда великая держава разрушилась. Её восстановить удастся не скоро. И удастся ли?..

Своей Интернет-галереей и издаваемыми альманахами «Алтарь Отечества» мы хотим поднять дух и силу солдата, общее чувство единой Родины. А ещё, чтоб молодое поколение научилось любить свою Родину так, как любили её их предки!

Пусть на «стендах» галереи виртуального музея воинской славы будут размещены необычные экспонаты: фотографии, письма военных лет и рассказы о солдатах тех войн, о которых мы не вправе забывать – об участниках Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Их стихи, проза, песни. Или всё это – в честь их...

Если вам есть о ком рассказать, напишите нам: мы с радостью пополним Интернет-галерею именами новых героев и появится материал для следующего тома альманаха.

Посещайте галерею! Она будет наполняться – мы надеемся на то, что читатели откликнутся и будут присылать копии своих реликвий.

Давайте назовём всех-всех солдат поимённо!

Мы должны оставить свой добрый след на нашей прекрасной планете Земля. Вернее сказать – своеобразный след в космосе. Души погибших, вознёсшихся на небеса, сердца ещё живущих ныне фронтовиков будут благодарны памяти их потомков.

Мы должны быть достойны своих предков!

*Три поколения: ветеран Великой Отечественной Иван Никонов,
М.Веселовская-Томаш, Дима Чурсинов.
Фото Юрия Измалкова*

Контакты:

т/ф: 8 (495) 386-65-12; 388-42-27

8-915-314-39-86

E-mail: altar-07@mail.ru paraartiada@yandex.ru

www.paraartiada.com

THE PROLOGUE

**“Blessed are the soldiers,
who died in the name of their love for Fatherland”**

*From the play E.Shwartz
“Simply a miracle”*

THE ALTAR OF FATHERLAND

The price of our Victory over fascist Germany can't be measured.

The Soviet Union has won in the war, but the price of the Victory was too great.

Out of 33,4 millions people who wore uniforms only 12,8 million stayed alive.

Human losses in the military forces of the USSR are about 11,944 thousand but on the whole the USSR made 27 millions . The whole world lost 55 millions people.

(Based on the internet materials)

Since the time of the end of the most terrible war in history more than 67 years passed. The names of many soldiers are still unknown, and they are just included in the indicated above figures.

The soldiers of the World War II sacrificed their lives and died for the Victory, many of them became MIAS (missing in action), — they never returned from the front: others came back with wounds not only on their bodies, but in their souls.

The lives of children, youths and adults are to be found on the Altar of Fatherland. Nobody has told us their stories – they are included in the general member of millions. The former great power broke up.

It won't be restored soon.

In our “internet- gallery” we want to bring back the spirit and strength of the soldier. The spirit of the common Fatherland and we want the younger generation to learn how to love our Fatherland as it was loved by their forefathers.

Let the stands of “the gallery”, the virtual museum of military glory have unusual exhibits: the letters of war years, the stories of those years about the soldiers, who participated in the war of 1941-1945, their verses, fiction and songs – all that should be in their glory.

Come to see “the gallery”, it will be expanded, we hope that people will respond! Let’s call every soldier by name!

We must leave our good footprints on our beautiful planet – Earth in our words , our good memory in outer space.

The souls of those, who died and found their way to Heaven as well as those still living war veterans will be grateful to us for the memory of thankful descendants.

We must be worthy of our forefathers!

(Translated by Nina Lukina)

The Contacts:

т.: 8 (495) 386-65-12; 388-42-27

8-915-314-39-86

E-mail.: altar-07@mail.ru paraartiada@yandex.ru

www.paraartiada.com

Солдат Второй Мировой

ИМЕНА ИХ В ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

«НЕТ БОЛЬШЕ ТОЙ ЛЮБВИ,
КАК ЕСЛИ КТО ПОЛОЖИТ ДУШУ СВОЮ
ЗА ДРУЗЕЙ СВОИХ»

Евангелие от Иоанна, Ин. 15, 13.

Яков Вьюгин справа. 1936 год

Яков Вьюгин. 1944 г

Фронтовик, участник трёх войн: Финской (Северной войны), Второй Отечественной войны, Японской войны 1945 года. Кадровый военный. Предлагаем главы из неизданной книги «В памяти живых» Якова Михайловича Вьюгина.

Книга о себе и сослуживцах – лётчиках 12-й Краснознамённой Отдельной Истребительной Авиаэскадрильи (КОИАЭ) Балтийского флота со дня её формирования в 1936 году до конца войны. Автор писал её 15 лет, неоднократно приезжая и работая в архивах Ленинграда, Гатчины, Кронштадта, музея на острове Курессааре.

12 лет его нет с нами. Рукопись, которая ждёт своего издания, станет большой ценностью, ибо это подлинное свидетельство грозových, трагических лет истории государства нашего. В ней нет ни одного вымышленного героя! Все события подлинны! По достоинствам, количеству выпущенных героев и объёму книгу можно смело назвать романом.

Сам Яков Михайлович в ней выступает в образе Егора Буранова.

БОЙ ЗА ЖИВУЧЕСТЬ САМОЛЁТОВ

Шесть дней прошло с момента прибытия самолётов 12-го КОИАЭ на аэродром Кагул. Стояла сухая погода, и лётное поле медленно зарастало травой. Пыль проникала вовнутрь цилиндров двигателей: поршневые кольца катастрофически изнашивались, падала компрессия цилиндров.

Гул моторов не прекращался сутками. То тут, то там виднелись шлейфы густой пыли. При перелёте с аэродрома Липово технического состава не разрешили брать инструмент для ремонта самолётов, даже личных вещей, во избежание перегрузки самолёта «ПС-84». Не было у него самого необходимого в обеспечении боевых вылетов, даже тормозных колодок – всё это было в пути.

Обстановка требовала постоянной готовности самолётов к боевым вылетам, в Липово принимались срочные меры доставки. Всё имущество техников, включая всякие козелки и стремянки, погрузили на автомашины для следования на остров Эзель. В итоге вместе с бензозаправщиками и маслозаправщиками образовался эшелон из 27 автомашин. Командиром этого эшелона был назначен начальник материально-технического обеспечения техник-интендант М.И.УСКОВ, комиссаром эшелона – батальонный комиссар А.А.ЛОБАНОВ, инженером по поддержанию исправности автомашин – инженер по эксплуатации ЧИСТЯКОВ. Вместе с этим эшелонem выехал старший техник В.Д.БОГУСЛАВЧИК, который опоздал к вылету самолёта «ПС-84». Этому эшелону предстояло проехать большой путь с риском налётов вражеских самолётов.

Эшелон с нетерпением ждали эксплуатационники. Приходилось самолёты выпускать подручными средствами. Авиатехник Г.А.ЗАПЕВАЛОВ сменил подкос пирамиды шасси, была крайняя необходимость опробовать уборку и выпуск шасси. Для этого надо было поставить самолёт на козелки – а их нет.

– Давайте поставим самолёт на пустые бочки, – предложил Иван УСАТОВ.

– Они продавят плоскости, – ответил БОГУНЕЦ.

– Постелем самолётные чехлы, будем удерживать руками от скольжения.

Так и сделали. Ремонт оказался трудным, но удачным. Не было спецмашин для заправки горючим, маслом, сжатым воздухом. Их временно доставили из Таллина. Не было запасных частей. Вся тяжесть по эксплуатации самолётов легла на плечи зам.инженера 12-й КОИАЭ И.А.Усатова – любимого всеми баяниста. Он был выше среднего роста и немного сухощав, а теперь стал высохшим и согнутым.

Историк 12-й КОИАЭ, анализируя работу технического состава, сделал запись: «В этот период хорошо работали техники: К.Е.ДЕНИСОВ, Н.И.ВОЛОСЕВИЧ, М.Ф.ЛОМОВЦЕВ, Р.И.ПОЛЯКОВ, С.И.ФИЛИМОНОВ, Г.В.МАЛЬЦЕВ, Я.М.ВЬЮГИН (Егор Буранов), И.М.РУБАНОВ, механики Е.Ф.СКЛАДАНЫЙ, А.И.БАРАН, и другие. Особенно трудно пришлось авиатехнику Рубанову. Имея свой самолёт, он одновременно обеспечивал самолёт Богуславчика, пока тот был в пути с эшелонном. С подготовкой к боевому вылету авиатехник И.М.Рубанов справлялся, самолёты вылетали без задержки».

Лишь на шестые сутки прибыл автоэшелон, наконец-то техники вздохнули. Ночью, в условиях строгой светомаскировки, они меняли цилиндры моторов. Забравшись под чехлы с миниатюрной переносной лампочкой, они творили сложную и ответственную работу.

Егор со своим мотористом Женей СЕЛЕЦКИМ не помнили, когда были в бане, их командир Пётр Зиновьевич КРАВЧЕНКО летал днём и ночью. Прилетит, полежит на траве возле самолёта и снова улетает. На его глазах ремонтировался и готовился к вылету самолёт, всё делалось, как на пожаре, только бегом.

– Нам достаётся, – подумал Пётр Зиновьевич, – но им тоже не сладко, может и труднее.

Тишину нарушил стон моториста Жени Селецкого.

– Что случилось? – Спросил его Егор.

– Палец придавило, ключ сорвался.

Егор посмотрел на палец: крупными каплями с него стекала кровь. Это обстоятельство приостановило движение. Егор поднял глаза на Женю. Хлопчатобумажный комбинезон блестел от масла и грязи, как кожаный. Губы покрыты незаживающими болячками, голубые глаза стали красными от бессонных ночей, веки припухли. На сон время не отводилось, если оно и выпадало, то это были считанные минуты прямо под самолётом на брезентовых чехлах. Заснуть сразу было невозможно, от нервного напряжения мелькали перед глазами краны и гайки, и всё казалось, что они не совсем закрыты, недовернуты и не законтрены. Техник вставал и снова всё проверял. Вот так ковалась победа на ремонтируемых самолётах.

НЕОБЫЧНЫЙ РЕМОНТ

Командир экипажа лётчик П.З.Кравченко прилетел с боевого задания. Посадку произвёл как обычно, но в конце пробежки опустилось правое крыло, знаменитая «Чайка» стала похожа на пришибленную пчелу. Его техник Егор Буранов помог зарулить на стоянку, внимательно осмотрел самолёт и обнаружил разрушение лонжерона нижнего крыла. Верхняя и нижняя плоскости соединялись стойкой, между ними проходили ленты-расчалки (*создают дополнительные опоры для лонжеронов крыльев и разгружают их от изгиба в вертикальной плоскости – гл.ред.*). В воздухе верхнее крыло держалось на лентах-расчалках, а когда подъёмная сила пришла к нулю, крыло опустилось.

– Менять нижнее крыло на новое! – Сказал техник отряда.

– Нового на складе нет! – Ответил Егор.

– Тогда ждите!

«Чайка»* стояла, сиротливо опустив крыло, и будто жаловалась, что ей больно. Егор распорол обшивку: повреждена деревянная часть.

– Будем ремонтировать! – Сказал Егор мотористу С.И.АРЦЕВУ.

Из фанеры выпилили боковые пластины, поставили самолёт на козелки так, чтобы ленты-расчалки натянулись, как в полёте. Пластины посадили со всех сторон на казеиновый клей и закрепили гвоздями, затянули шпагатом и пропитали клеем «АК-20». Приходил Кравченко и с нетерпением ждал конца ремонта. Подошёл командир отряда старший лейтенант П.П.СМИРНОВ, внимательно посмотрел на проворные руки Егора.

– Химичите... – Сказал он.

– А что поделаешь, – ответил Егор, – на складе нового крыла нет.

Пётр Петрович улыбнулся своей доброй улыбкой и отошёл.

– Товарищ стартех, – спросил Арцев, – что означает эта улыбка?

– Означает «Так держать!», – ответил Егор.

Когда обшивка была восстановлена, Арцев сказал:

– Теперь надо пронивелировать, вы сами учили нас на занятиях.

– Да, надо, но где взять нивелир, его нет. Мы специально расчалки натянули, как они были в воздухе, чтобы нивелировка не изменилась.

Арцев недоверчиво посмотрел на своего техника, Егор это заметил. Всю ночь он не спал, обдумывал всё до мелочей. Рано утром прибежал к самолёту П.П.Смирнов, быстро надел парашют и сел в кабину. Запустили двига-

* Самолёт «Чайка» И-153 применялся, в основном, в качестве штурмовика. По сравнению со своими предшественниками, имел улучшенную аэродинамику, усиленную конструкцию. Самолёт получил название «чайка» по форме верхнего крыла. С 1939-го по 1940 год было выпущено 3437 таких истребителей.

тель – работает отлично. Смирнов даёт команду убрать тормозные колодки. Всё сделано. Вылет!

Вместе со всеми лётчиками Пётр Петрович полетел на боевое задание. Буранов и Арцев с нетерпением ждали его возвращения. Обрадовались, когда увидели в воздухе все самолёты, которые взлетали. Садилась и их «Чайка» с номером «пять» на киле.

– Посадка классная, – сказал Арцев.

Пётр Петрович подрулил к стоянке, вылез из кабины, Егор подошёл помочь снять парашют.

Смирнов похлопал его по плечу, сказал:

– Молодец, Егор, самолёт исправный, может летать куда угодно!

У Егора камень с души свалился, он так обрадовался, что ему захотелось обнять Петра Петровича, но не решился, субординация и природная скромность не позволили.

После ремонта самолёт летал на любое задание и днём и ночью.

Маскировка самолёта. Воентехник 2-го ранга Я.М.Вьюгин

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МИХАЛЁВ

В свободное от полётов время парторг 12-й КОИАЭ Федот Гаврилович ДЪЯЧЕНКО собрал всех на политинформацию. На этот раз он говорил о подвиге лётчика Михалёва. В 12-й КОИАЭ его все знали, он прибыл из училища и служил длительное время в подчинении А.А. ДЕНИСОВА, затем его перевели в 71-й авиаполк.

Началась война. В задачу 71-го авиаполка входила охрана железнодорожного моста через реку Нарву. Этот мост связывал сообщение Ленинграда с Таллинном. Налёт фашисты производили группами и в одиночку. Это повторялось несколько раз в день.

Восемнадцатого июля 1941 года В.А.Михалёв вылетал на боевое задание восемь раз. Почувствовав усталость, он вылез из кабины самолёта, отошёл в сторону, опустился на траву и закрыл глаза.

– Полежать бы хоть с полчасика, – подумал он.

Оружейники не успели пополнить запас патронов, как объявили вылет. Вражеский бомбардировщик «Хе-125» летел к мосту с полным боезапасом. Послать было некого, все самолёты находились в воздухе.

Михалев спросонья услышал хлопок ракеты, быстро вскочил на ноги, надел на ходу парашют и взлетел. Фашисту осталось лететь до моста несколько секунд, бандит уже держал руку на пульте сбрасывания бомб, как увидел сза-

ди себя приближающуюся краснозвёздную «Чайку». Михалёв настиг врага, а поразить нечем.

– Таранить и немедленно! – Мгновенно возникла мысль.

Подлетая сверху, он придавил собой хвост врага, где сидели стрелки, и воздушным винтом начал рубить всё хвостовое оперение. Фашист потерял устойчивость, свалился в штопор и не вышел из него, подорвался на собственных бомбах.

Сделав своё дело, «Чайка» затряслась, накренилась влево, но отличная тренировка и мужество Владимира привели её в горизонтальный полёт. Долетел до своего аэродрома. Посадка. Нормально. Заруливание на стоянку. Подбежавшие техники увидели погнутые лопасти винта, верхнее крыло изуродовано, элероны не работают.

Тринадцатого августа 1941 года Указом Президиума Верховного совета СССР Владимиру Александровичу Михалёву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Уходя с политинформации, каждый тихо сказал:

– Честь и слава тебе, наш дорогой Володя Михалёв!

САМОЛЁТ БУДЕТ ЛЕТАТЬ!

К середине сентября 1941 года бои на о. Эзель достигли наивысшего накала. Фашисты выполняли приказ фюрера захватить остров Эзель и уничтожить там авиацию, летающую на Берлин, она не давала немцам по ночам спать.

Советские патриоты стремились удержать остров всеми силами, держать неприступными морские пути в Финский залив, не дать на растерзание любимый город Ленинград. Пропустить караван судов с озверелыми фашистами – значит быть недостойными жизни на этой прекрасной земле. А силы иссякали. Трудяги «Чайки», изношенные и израненные, едва поднимались в воздух. Красные лётчики, верные сыны Родины, на залатанных от пуль и снарядов крылышках смело вступали в бой с первоклассными «Me-109» и бой выигрывали! Если бы их, фашистов, посадить на такие израненные пчёлки, они бы выли от страха, как бешеные шакалы.

Лётчик Пётр Кравченко прилетел с боевого задания не только усталым, но и больным. Цилиндры моторов были изношены сверх всякого предела. Угарный газ от сгораемого масла попадал в кабину и отравлял воздух. Дальше выпускать такой самолёт стало невозможным. Кому скажешь, кому пожалуешься? Критическая военная обстановка. Авиатехнику Буранову Егору надо было найти выход. Запасных моторов нет. Нет, и не предвидится. Подошла трудовая ночь: самолёты чинили только по ночам. Все техники копошились

с миниатюрными переносками около своих самолётов, а Егор ходил, как неприкаянный. Всё сделано, – а самолёт летать не может. Всю ночь не спал от дум, даже не мог забыться. Наступил рассвет, лежать не было сил, пошёл бродить по окраине аэродрома. Увидел разбитую «Чайку». Её, сбитую в боях, оставили в покое. Она уткнулась носом в землю, рули и элероны беспомощно болтались на ветру, издавая скрип, похожий на раздирающий душу стон.

– Здорово тебя потрепали, беднягу, – сказал Егор.

Он вынул из кармана плоскогубцы и отвёртку, открыл капоты. Цилиндры двигателя были со свежей краской, значит, мотор работал не много. Нижние цилиндры были изуродованы от удара, налипла грязь. Егор пошёл к своим братьям, авиатехникам Борису БЕЗРУКОВУ и Григорию ЗАПЕВАЛОВУ. Их самолёты вместе с командирами экипажей не вернулись с поля боя. Поделится впечатлениями о виденном самолёте.

– Мотор почти новый, – сказал он, – только изуродованный при падении.

Пошли все, посмотрим!

Оттянули самолёт назад, поставили на колёса. Липкая грязь падала комьями. Их волновал вопрос: не побита ли кулачковая шайба, не нарушены ли шатуны? Отделили мотор от самолёта, подвели подъёмный кран, поставили мотор на автомашину и привезли к стоянке самолёта Егора. Сняли нижние цилиндры. Шатуны оказались целыми. Поставили нижние цилиндры от старого мотора.

А в это время налетели восемнадцать фашистских «Ю-88». Пришлось срочно укрыться в щели. Один фашист заметил самолёт Егора, начал заходить для штурмовки. За ним следили друзья Егора, труженики, затаив дыхание. Вот уже видна на киле свастика, кресты на плоскостях. Фашист идёт точно на цель.

– Сейчас будет крышка моему трудяге, – сказал Егор.

Но фашист, не долетев до самолёта, вдруг резко взмыл вверх.

– Что случилось, почему он не стрелял? – Спросил Борис.

– Дерево помешало снизиться, – сказал Григорий, – побоялся в него вреяться.

Только улетели варвары, ребята снова принялись за дело. Григорий пошёл в баталерку* за шплинтами и нужными трубками. Не успел вернуться, как снова появились «юнкерса». Эти были ещё наглее, уничтожали всё, что только попадалось им на глаза. Григория они прихватили на полпути. Хорошо, что близко оказался глинобитный сарай. Григорий забежал за противоположную сторону укрыться от наседавшего самолёта. Фашист развернулся в его сторо-

* баталерка (баталёрка, разг. – у моряков; кандейка – у лётчиков) – нестандартное помещение на аэродроме; кладовая, небольшое хранилище на корабле или в береговом помещении.

ну, Григорий перебежал на другую сторону – фашист тоже ринулся в ту сторону. Так он заходил на «цель» несколько раз, потом ему, наверно, надоело.

Другой лётчик заметил щель, в которой укрывались Борис и Егор. Он начал снижаться по прямой на эту щель. Борис не выдержал и лёг рядом с Егором.

– Егор, – сказал он, – долго мы были вместе, как родные братья. Если убьют, то пусть нас найдут рядом и похоронят в одной могиле.

Егор прижал к себе его худенькое тело, пропахшее бензином. Мимо них промелькнуло брюхо фашистского самолёта, засвистели пули, но ни одна не попала. Второй раз спасло дерево.

Расстреляв боезапас, фашисты улетели. Подошёл Григорий. Его лицо было белое, как мука, руки держали нужные трубки и дрожали. Он рассказал, как это было, как за ним гонялся «юнкерс».

Ещё три раза фашисты прерывали работу друзей, но дело двигалось. Работали всю ночь.

– Осталось проверить работу мотора, – сказал Егор.

Он сел в кабину, по обеим сторонам самолёта стояли Григорий и Борис. Винт закрутился, мотор заработал. Все трое стали прислушиваться, не стучит ли что внутри. Пока всё нормально. Дал высокие обороты. Мотор работал чётко, посторонних шумов не было.

– Как часы! – Сказал Егор.

Гриша захлопал в ладоши, а Боря стоял и платком вытирал слёзы.

Этим закончилась страница незабываемых трудных дней, согретых теплом дружбы и преданности. Много вылетов сделал Пётр Кравченко на этом самолёте с установленным мотором.

*Борис Безруков, друг с 1936 года.
Всю войну были вместе. 1940 год*

ВЫХОД НАЙДЕН!

На ночном отдыхе лётчики находились в поповском доме. Чистые и светлые просторные комнаты вполне были подходящими для отдыха, но вот беда, в комнатах было множество блох. Они безжалостно набрасывались на лётчиков и не давали спать. Кто-то во сне всё время разговаривал.

Долго ворочались и не могли уснуть Григорий БЕГУН и Александр Шитов. Они обдумывали предстоящий полёт до Нового Петергофа. Цель полёта – замена отработанных двигателей.

На второй рейс полетели четыре лётчика: Яков ЁХИН, Константин СЕЛЬДЯКОВ, Александр Шитов и Иван ГОРЕЛИКОВ. Лететь предстояло более 600 километров и всё время над морем. На стоянке их поджидали самолёты с подвешенными дополнительными бензобаками. Чтобы облегчить полётный вес, было сброшено всё излишнее. Даже боезапас был уменьшен.

Полёт проходил на предельно малой высоте в целях маскировки. Если собьют, то на парашюте уже не спастись – нет высоты. Двигатели едва держали обороты, всё время дымили и «чихали». Прилетели и сразу же в мастерской приступили к замене двигателей. Выход найден: самолёты будут летать с заменёнными двигателями.

Вечером пришли в гостиницу. Первым делом решили пойти в баню. Хорошо, что бельё прихватили с острова. В бане не были давно, мылись с наслаждением и долго. На обратном пути шли через парк. Осенняя прохлада с грибным запахом и разноцветными листьями, к тому же на родной земле, казалась раем. Они сели на скамейку, чемоданы с грязным бельём поставили рядом.

– Куда его девать? – Спросил Ёхин. К носке оно не пригодно, разъедено потом.

– Давайте его похороним! – Шутливо предложил Фролович, как все называли Ивана Гореликова.

Так и решили. На окраине парка нашли незаметное место, вырыли небольшую яму, уложили, забросали землёй и поставили фанерную табличку на колышке с надписью: «Здесь захоронено бельё лётчиков 12-й КОИАЭ».

В зале гостиницы стояло пианино. К нему не спеша подошёл Александр Шитов, также не спеша открыл крышку, проверил инструмент и начал играть «Лунную сонату» Бетховена.

Играл прекрасно. Никто не ожидал, что Александр мог так играть: в гарнизоне Липово инструмента не было.

Стройная фигура, манера держаться с достоинством, красивые волнистые волосы, тонкие и длинные пальцы – всё гармонировало с прекрасной игрой.

– Как кенарь, вырвавшийся на свободу, – сказал Костя Сельдяков.

Александр играл самозабвенно, будто навёрстывал упущенное.

Послушать музыку пришли многие обитатели гостиницы, в том числе обслуживающий персонал.

Игра прекратилась, пианист сидел неподвижно, как будто вспоминал что-то. Неожиданно все громко зааплодировали. Александр встал, поправил упавшие на лоб волосы и слегка поклонился. К нему подошла молодая женщина с кителем в руках. Это была горничная гостиницы. Она протянула китель и сказала:

– Возьмите, это китель моего мужа, носите его на здоровье!

Только теперь все обратили внимание на китель пианиста. Он был не только пропылённым, но и с худым от пота воротником. Заменить его времени не было.

Подаренный китель с нашитыми двумя полосками на рукавах Александр носил до последнего дня...

В гостиничный номер пришли под впечатлением прекрасной музыки. Понимая это, Александр тихо сказал:

– Кончится война, прогоним фашистов – и я пойду учиться в консерваторию. Это моя давнишняя мечта.

В конце августа на Гатчинском аэродроме скопилось множество фашистских самолётов. На их уничтожение вылетел Александр Шитов.

В воздушном бою самолёт загорелся на низкой высоте. Спасаться на парашюте – невозможно, и чтобы как можно больше уничтожить вражеских самолётов, Александр развернул свой самолёт, объятый пламенем, и врезался в скопление фашистских «юнкеров», готовых к взлёту, и вместе с ними сгорел. Как факел...

Так оборвалась жизнь Александра Михайловича Шитова, верного сына своего многострадального Отечества. Не стало замечательного человека, хорошего товарища, прекрасного пианиста.

...Первую часть «Лунной сонаты» Бетховена Александр Шитов играл в Ленинградской гостинице последний раз в своей жизни. Мечта Александра не осуществилась. Ему было всего 23 года.

В обратный путь на остров Эзель лётчиков непустили, оставили защищать Ленинград. На отремонтированных самолётах их направили на прифронтовой аэродром в Куплю.

12 сентября Ивана Фроловича Гореликова ранило в воздушном бою над аэродромом Низино. В конце августа не вернулся с боевого задания – сопровождение бомбардировщиков – Константин Сергеевич Сельдяков, а 26 августа – Ёхин Яков Иванович.

*Лётчики 12-й КОИАЭ:
Александр Михайлович Шитов (слева)
и Пётр Зиновьевич Кравченко*

ГИБЕЛЬ ПЕТРА ЗИНОВЬЕВИЧА КРАВЧЕНКО

При осмотре самолёта после возвращения его с боевого полёта техники знали, на каких режимах шёл бой. Если лобовые капоты и жалюзи разворочены пулями и осколками снарядов, значит, бой был в лобовую. Тогда смотри, не пробиты ли цилиндры и воздушный винт. Не имея достаточной брони, иногда лётчик спасался от пуль, подставляя мотор и одновременно производя стрельбу из пулемётов.

Вот так Егор осматривал свой самолёт, на котором прилетел лётчик Пётр Кравченко. При очередном осмотре самолёта, только что возвратившегося из боя, сразу же были обнаружены отбитые рёбра охлаждения цилиндров, а на бензобаке образовалась шишка, будто кто-то под протектор положил буханку хлеба. Пуля пробила бензобак, но резиновый протектор растворился и заклеил на короткое время пробоину. Егора это не удивило, он готовился к ремонту. Пришлось менять бензобак. Хорошо, что в баталёрке оказался запасной. Петру дали немного отдохнуть, а затем послали в бой на самолёте техника В. Богунца.

Возвратившись с полёта, Пётр выпустил шасси, но одна нога не выпустилась. Ему ракетой запретили посадку, радиации на самолёте не было. Вылетел П.Смирнов, на его самолёте сбоку написали мелом: «Делай, как я!».

Смирнов крутил бочки, чтобы выпустилась нога, Кравченко повторял. Нога так и не выпустилась. Разрешили посадить на одну ногу. Кравченко был опытным лётчиком, он долго служил в Ейском лётном училище инструктором, знал самолёт прекрасно.

Он посадил самолёт на две точки: на одну ногу и костыль. Посадил ровно, как говорят, «притёр», но на пробеге самолёт развернулся в сторону невыпущенной ноги и опрокинулся вверх колесом.

Подъехала санитарная машина, а Пётр был уже мёртв. Он головой ударился о прицел, рана оказалась смертельной.

Его увезли туда, откуда никто не возвращался.

Командир эскадрильи подполковник КУДРЯВЦЕВ подозвал Ивана Усатова, который был старшим техником отряда. Поводив пальцем около носа, сказал Усатову:

– Если это будет по вине техников, я расстреляю вас на месте!

Самолёт оттащили с лётной полосы, поставили на козелки. Усатов не подходил, руководил техниками с других самолётов старший техник отряда И.П.ПЕТРЕНКО. Оказалось, что тягу щитка шасси вырвало на взлёте при сильном развороте, она заклинила выпуск ноги. Вины техников не было. Тягу поставили на место, и нога свободно стала выпускаться. Надо было себе представить, в каком состоянии был Иван Усатов. Он видел, как Петра мёртвого положили в санитарную машину и увезли. Егор тоже всё видел, стоял возле своего исправного самолёта, слёзы текли по его лицу. К самолёту тихо подошёл лётчик Алексей ИЛЬИЧЁВ и сказал:

– Егор, теперь я буду твоим командиром экипажа.

ИСТРЕБИТЕЛЬ «МИГ-3» В КЛЕЩАХ

Рассказ лётчика И.Ф. Гореликова

Командир авиазвена, заместитель секретаря комсомольской организации 12-й КОИАЭ (18 лет) Иван Фролович Гореликов. Фото 1942г.

**Храбрый не тот, который не боится,
Храбрый тот, который умеет свою трусость подавить.**

А. Макаренко

В июне 1942 года 12-я КОИАЭ базировалась на аэродроме около деревни Выстав, выполняла задачу по охране «Дороги жизни» и её перевалочных баз.

Сентябрь 1942 года. Четыре самолёта «Миг-3» с лётчиками – ведущими Г.В.КРАЙНОВЫМ и А.А.ТРОШИНЫМ, ведомыми Н.П.ХРОМОВЫМ и И.Ф. Гореликовым – были подняты в воздух на отражение налёта фашистских самолётов «Ю-88», летающих над трассой и угрожающих кораблям, которые доставляют груз в Ленинград.

Прилетели на трассу. Всё было спокойно. В небе кучевая облачность, в окна между облаков просвечивало солнце. И вдруг на расстоянии одного километра выскочили из облаков шесть вражеских «Ю-88». Они летели под нижней кромкой облаков на высоте 2000 метров. Летели без истребителей прикрытия, их не было видно рядом.

Ведущие передали команды:

– Всем сразу перейти в атаку! Каждый выбирает себе цель самостоятельно.

Перешли в атаку, но единого кулака не получилось. Это была ошибка. Все азартно увлеклись атакой, позабыв про самозащиту от нападения истребителей. К увлечённому атакой И.Гореликову пристроились в хвост два фашиста на «Ме-109», один – справа, другой – слева. Летели параллельно на близком расстоянии, видны были их лица и даже заклёпки самолётов. Атаку бомбардировщиков пришлось прекратить. Надо было думать, как выбраться из «клещей» фашистских лётчиков. Фашист справа показывает рукой следовать вперёд по прямой.

– Как я мог так увлечься атакой, – казнил себя Иван, – полтора года войны провоявал, командир комсомольского экипажа, на борту самолёта комсомольский значок. Как выйти из этой ситуации? Думай, Иван, думай!

Иван крутил головой, искал своих лётчиков, а «телохранители» слева и справа неотступно следовали на самом близком расстоянии.

– Новичок, – ругал себя Иван, – цыплёнок!

Фашист ещё раз показал рукой направление полёта в сторону линии фронта, где неподалеку был их аэродром.

– В плен хотят взять, гады, меня, зам.секретаря комсомольской организации!

Иван посмотрел вниз, увидел сторожевой корабль – канонерскую лодку и решил воспользоваться её помощью. Принял маневр полёта теряя высоту скольжением без крена, чтобы приблизиться к лодке.

«Моряки отгонят фашистов выстрелами из орудий», – подумал Иван.

Теперь Иван продолжит рассказ сам:

– Фашистские лётчики разгадали мой манёвр. Левый «телохранитель» дал короткую очередь из пулемётов и показал рукой направление полёта. Для убедительности провёл рукой по горлу, дескать, будет «капут», если буду вертеться. Что делать? Думай, Иван, думай!

– Надо идти на таран, – придумал я. Врезаться в бок левого фашиста, если останусь жив, спущусь на парашюте. Моряки канонерской лодки подберут. Правого вижу плохо, ослепляет солнце, левого – хорошо. С левого надо начинать, он меня видит плохо. Жду момента, когда левый перестанет смотреть на меня. Он смотрел и прикрывал глаза ладонью от солнца. Настроение у него весёлое.

Посмотрел на правого, тот смотрел и тоже улыбался от удовольствия. Оба смотрели только на меня. Я крутил головой во все стороны, хотелось увидеть своих лётчиков. Вспомнил, как вражеские бомбардировщики бросали бомбы, куда попали при виде нас. Боятся, гады!

Жду момента, когда левый отвернётся от меня, но он не отворачивает голову. Кручу головой во все стороны, и это действует на их нервы. Левый немец не выдержал, и повернул голову влево. Тогда я мгновенно перевёл ручное и ножное управление влево, самолёт стремительно повернулся на «мессера». Тот повернул голову в мою сторону и увидел летящий на него самолёт. Избегая моего удара, он резко взмыл вверх. Тогда я повторяю такой же маневр на правого. Правый, очевидно, не понял случившегося. Стал уходить в правую сторону. Тогда я стал уходить со снижением в сторону канонерской лодки. Не выпуская из виду своих «телохранителей».

Первый момент я выиграл, вышел из «клещей». Помогло то, что противники летели очень близко ко мне, на расстоянии нескольких метров. Я не расслаблялся, знал, что они меня не оставят, будут стараться уничтожить. Их двое, я один.

Левый, который ушёл вверх, стал атаковать меня сзади, и мне пришлось развернуться на 180 градусов, чтобы встретить его. Я был по высоте ниже его, тогда он увеличил угол атаки, тем самым уменьшилась его вероятность попадания. На выходе из атаки он терял высоту, и я оказался в выгодном положении. Атаковать его мне не удалось, второй «мессер», набрав высоту, атаковал меня сверху сзади. Я опять развернулся на 180 градусов в его сторону, ушёл из-под атаки со снижением под самолёт атакующего. Он вынужден был сильно увеличить угол атаки, но промахнулся и провалился: стал ниже моего

самолёта на 200 метров. Я снова сделал резкий разворот на 180 градусов, разворот «на костыле», глубокий вираж (крен крыла равен 60 градусов), неправильный, ручка управления почти до борта влево – и на себя, правая нога до упора вперёд, сектор газа до упора вперёд. Лечу в сторону его пикирования. Он, очевидно, потерял меня из виду и стал выходить из пикирования. Я уловил его в прицеле, нажал на гашетки. Трассирующие пули пулемётов Березина и «Шкас» прошли по фашисту, он, будто нехотя, упал в воду. Второй видел неудавшуюся атаку напарника, отказался от атаки и ушёл за линию фронта. Я сделал круг, проводил своего «телохранителя», направил свой самолёт в сторону канонерской лодки. Моряки стреляли по фашистам, когда те пролетали над ними, и тем самым вели вместе со мной бой.

Я снизился на низкую высоту и пролетел вокруг канонерской лодки. Моряки приветствовали меня, сняв бескозырки и бросая их в воздух, я их приветствовал, покачивая крыльями, и полетел на свой аэродром. Посмотрел на бортовые часы. Было 18 часов 20 минут. Небо было чистое.

Посадил самолёт нормально, зарулил на стоянку, снял парашют и положил на крыло. Подошли лётчики и техники. Закурили. Пошёл на КП доложить о выполнении полёта.

«МиГ-3» самолёт-истребитель высотный, конструкции А.И. Микояна и М.И. Гуревича.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Пётр Георгиевич Сгибнев

28 августа 1941 года.

Пётр Сгибнев, лётчик 12-й КОИАЭ Краснознамённого Балтийского авиационного полка вместе со своим ведомым, младшим лейтенантом ГОРБАЧЁВЫМ, вылетают на боевое задание: произвести разведку в районе острова Рухну.

Небо безоблачное. Настроение бодрое, оба молодые и энергичные.

Вылетели нормально, полёт начался спокойно. Подлетая к острову, они заметили ниже себя четырёх «Me-109». Пётр дал знать своему ведомому, но тот уже и сам их заметил.

– Если их не атаковать, – подумал Пётр, – то они набросятся первыми.

Дал команду ведомому приступить к атаке. Одновременно вошли в пикирование. В какой-то миг они были уже сзади фашистских самолётов. Пётр выбрал ведущего, его ведомый – второго.

С предельно близкого расстояния дали пулемётные очереди по кабинам. Оба фашистских лётчика начали беспорядочно пикировать.

– Ура! Победа! Теперь сравнялись! Их двое и нас двое!

Пётр увидел, как мимо него пролетел фашист. Промелькнула паучья свастика. Разворот в его сторону сделать не успел. Фашист промахнулся. Сделав небольшой разворот, он снова нападает. Пётр взял его в прицел. Небольшая точка росла мгновенно.

– Свернёшь, гад, струсишь! – Кричал Пётр.

Над его головой промелькнуло брюхо вражеского самолёта, тонкий фюзеляж был похож на щуку. Пётр успел дать очередь из всех четырёх пулемётов. Самолёт врага удалялся. Пётр приготовился отразить следующую атаку, но её не последовало. Видно, враг получил причитающееся и решил убраться.

Своего ведомого Пётр не нашёл, с горечью подумал, что он был сбит, и посмотрел на свою «Чайку». Из правой плоскости торчали клочья перкали, мотор слабо тянул и давал перебои.

– Здорово досталось тебе, мой дорогой друг мотор. Спасибо тебе, спас меня, весь удар взял на себя! Спаси ещё раз, дотяни до своего аэродрома!

Тряска не прекращалась, не работали все верхние цилиндры.

– Тяни, родной, тяни!

Показалась суша, синяя бездна моря осталась позади. Пётр посмотрел вниз. Кругом чахлый кустарник, в просветах воды торчали большие кочки.

– Это не для нас, тяни, друг, тяни!

Высота пятьсот метров, это маловато для планирования. Мотор чихнул и встал, затем снова затрясся и остановился. Теперь уж насовсем. Впереди оказались деревья, самолёт задрожал, будто от страха, по крыльям стали бить верхушки деревьев. Пётр отстегнул привязные ремни. Мелькали в глазах зелёные верхушки деревьев, скорость сбита, сила инерции выбросила Петра из кабины, он упал на дерево и скатился вниз. Недалеко от него упала «Чайка» мотором вниз, рули безжизненно болтались. Птицы и звери разбежались и разлетелись. Лес погрузился в гробовое молчание. Пётр лежал вниз лицом без сознания.

Так прошло четверть часа. И, будто сквозь сон, Пётр услышал разговор двух женщин. Он стал припоминать, где он. Разговор не унимался, женщины говорили между собой тихо, будто боялись кого-то разбудить. Пётр поднял голову, но какая-то сила резко рванула его на землю. Он опять потерял сознание.

Снова услышал разговор, он был не на русском языке.

– Кто вы, немки? – Спросил в тревоге Пётр, и опять могучая сила прижала его к земле.

– Нет, мы эстонки, – ответили женщины, но их ответ Пётр уже не слышал.

Две немолодые женщины стояли в недоумении, на лицах были страх и жалость. Они смотрели на окровавленного парня. Волнистая прядь густых волос выбилась из-под кожаного шлема на бледный лоб, пересошьшие губы что-то шептали. Одна из женщин низко наклонилась и расслышала:

– Мама, мама, дай воды, хочу пить, пить... – шептали губы.

Женщина рассмотрела его лицо, нежную кожу с небритым пушком.

– Он совсем юный, – сказала она, вытирая слезу рукавом.

– Что будем делать? Его надо спасать. Сюда могут быстро прийти немцы или кайцелиты*.

– Он тяжёлый, мы его не донесём.

– Надо попытаться. Грешно оставлять человека в беде беспомощного.

– Давай попробуем, берись за ноги.

Они подняли и понесли. Обвисшее тело было им не под силу. Остановились.

– Давай возьмём его за руки.

Подхватили под плечи, ноги волоклись, оставляя полосу на примятой траве.

– Вот уже полпути прошли, – сказала женщина. Её разговор Пётр услышал и пришёл в сознание. Спасительницы облегчённо вздохнули, им стало легче. Теперь они его вели, поддерживая с обеих сторон. Пётр шёл с опущенной головой, едва переставляя ноги.

Привели на хутор, перевязали раны, напоили молоком, уложили спать. Через трое суток упорного лечения его переправили к своим. Надо представить себе радость однополчан, когда увидели Петра живым! Врачи направили его в госпиталь долечиваться. Из Курессаарского госпиталя его переправили на самолёте в глубокий тыл. В штабе подготовили документы. В них значилось, что лейтенант Сгибнев Пётр Георгиевич за время боевых действий Великой Отечественной войны успел совершить 186 боевых вылетов на самолёте «Чайка». В четырнадцати воздушных боях сбил четыре вражеских самолёта «Me-109», уничтожил много разной боевой техники и кораблей противника вместе с людьми. Был дважды ранен. Его привезли в Саранский госпиталь Мордовской АССР. Молодой организм быстро шёл на поправку, Пётр почувствовал силу и стал скучать по своим боевым друзьям. Начал упорно осаждать госпитальное начальство, упрашивал послать на фронт. Врачи колебались, ещё бы надо подлечить, но убедились, что его не удержать.

– Герой Советского Союза – это врождённый сокол, – сказал Пётр Георгиевич Сгибнев лечащему врачу. – Его место в небе!

Петра Георгиевича направили на Северный флот. Там он совершил ещё 72 боевых вылета, в воздушных боях сбил ещё шесть вражеских самолётов.

* кайцелиты – формирования, напоминавшие нацистские отряды (эстонские фашисты, тайно обмундированные и вооружённые ещё до начала войны): их преступная деятельность осуждена Нюрнбергским процессом, признаны преступными

В 1942 году ему, гвардии капитану Сгибневу присвоили высокое звание Героя Советского Союза. К трём орденам «Красного Знамени» прибавился ещё один, орден Ленина.

В том же 1942 году он вступает в должность командира Второго Гвардейского авиаполка имени Б.Ф.САФОНОВА (*о нём глава в первом томе альманаха*). Находясь на этой высокой должности, участвует в воздушных боях, постоянно совершенствует своё боевое мастерство. Его любимая фигура высшего пилотажа была «бочка».

Жизнь славного патриота нашей Родины, Петра Георгиевича Сгибнева оборвалась 3 мая 1943 года при выполнении боевого задания. Ему было отроду двадцать два года.

Он мечтал дожить до Великой Победы, поехать в Эстонию, там отыскать своих спасительниц и низко им поклониться.

Но ему не суждено было их отыскать, славные патриотки остались неизвестны и поныне.

Самолёт-истребитель И-153 «Чайка». Аэропорт Кронштадт. Весна 1942 года

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Пятого мая 1945 года 11-ый Краснознамённый истребительный авиаполк (КИАП) перелетел из Риги на аэродром Кагул острова Сааремаа. Перелёт был связан с концентрацией сил в районе Ирбенского пролива, чтобы не дать возможности фашистским войскам, зажатым в Курляндском мешке, уйти морем в Восточную Пруссию или в другие государства.

Егор, как и все техники, встал ни свет, ни заря, когда ещё было темно. Подходя к своему самолёту, он почувствовал, как он ему дорог, как он сроднился с ним, своим безмолвным другом, творением человеческого труда и разума. Егор мысленно разговаривал с ним.

– Потрудишься, мой дорогой, не подкачай, немного ещё осталось.

Егор знал, что в последнюю минуту враг будет наиболее злым и коварным. Не сумев покорить отважный народ, будет цепляться за каждую возможность сотворить подлость.

На аэродроме было тихо. Ни голоса, ни стука, ни рокота моторов. Светлая полоска утренней зари на небе приоткрывала ночное покрывало, под ногами оживала холодная земля.

Привычным движением он снял чехлы. Вот он, красавец «Ла-5», отдохнувший за ночь, радуется заботливым прикосновениям своего техника-хозяина. Мотор заработал, мощно возвещая на всю округу о своей готовности идти в бой с заклятым врагом. Всё сделано, самолёт приготовлен к вылету. Егор сделал запись в боржурнале и стал посматривать на землянку командного пункта, откуда должен выйти его лётчик Владимир РЯБОШАПКА.

Вдруг послышалась стрельба из пистолетов и винтовок.

– Уж не диверсанты ли? – подумал Егор.

К нему подбежал Алексей ХУДОЖИЛОВ и радостно закричал:

– Конiec войне! Ты понимаешь? Дожили до дня победы!

Таким Алексея не видел Егор. Вместе они стали кричать, смеяться, обниматься.

Из командного пункта выбежали лётчики. Егор увидел, как Владимир стал показывать крутящие сигналы, означающие немедленно запускать мотор. Егор быстро растащил маскировку, снял чехлы. Подбежал Владимир, на него надели парашют, пристегнули кабинные ремни, самолёт рулил на старт.

Три боевых вылета совершил Владимир Рябошапка в День Победы 9 мая. Они добивали фашистские корабли с гитлеровцами, которые с боями пробились в Швецию. Не захотели фашисты мирным путём принять капитуляцию. В день Победы, при разгроме фашистских кораблей мы потеряли одного лётчика, лейтенанта КУРЗЕНКОВА. Ему не суждено было радоваться победе. Это была самая горькая утрата.

После полётов в 15.00 состоялся митинг по случаю победы над фашизмом. Его открыл командир 11-го КИАП подполковник М.Н.НОСКОВ. Первое слово он дал Егору:

– 9 мая 1945 года войдёт в историю, как День Великой Победы над фашизмом. Навсегда рухнули оковы паучьей чёрной свастики. Слава советским воинам победителям, слава советскому народу, который выстрадал, выстоял и победил!

После митинга стали расходиться. Для многих радость омрачалась скорбью утрат близких. В каждой семье было горе. За годы Второй мировой войны человечество потеряло 56 миллионов в Европе и Азии. Из 18 миллионов, прошедших через концлагеря, замучено 11 миллионов. Неисчислимы материальные потери нанесены Советскому Союзу. Победу над врагом ковали все, от мала до велика. Благодаря труженикам колхозов и совхозов армия получала продовольствие и одежду, промышленность поставляла огромное количество танков, самолётов, орудий. Это всё делалось руками инвалидов, женщин и детей. 1418 дней войны враг топтал нашу землю, убивая и уничтожая всё, что было создано их трудом.

После митинга Егор подошёл к своему безмолвному другу, сел на торозную колодку. Рука невольно нашла карандаш и записную книжку, стали складываться строки:

*Пришёл и наш победный час,
Которого так долго ждали!
От счастья плакали сейчас,
Пилотки вверх бросали.*

*Нас не сломил блокадный голод,
Судьбу полегче не искали.
Обстрел, бомбёжки, ветер, холод,
К металлу руки прикипали.*

*Не все дождались этих дней,
Мы хоронили сердцу милых.
Навеки в памяти моей
Остались скромные могилы.*

*Вздохни, народ, ликуй Земля!
Кошмары прочь, конец разлуке,
Встречай, Любовь, жена моя!
Скорей сомкнуть бы наши руки.*

о.Эзель 9 мая 1945 г.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Война с фашистской Германией закончилась, на очереди стоял вопрос ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Пространство и богатство Дальнего Востока не давали покоя Японским милитаристам. Захватив Манчжурию в 1932 году, Япония вышла к границам СССР, что позволило ей к 1937 году создать мощную сеть укреплений, построить шоссейные дороги, военные гарнизоны, в которых была сосредоточена основная группировка Квантунской армии. Но поражение в пограничном конфликте 1939 года повлияло на решения правительства и оттянуло её участие в Великой Отечественной войне. Япония так и не открыла второй фронт на Дальнем Востоке, несмотря на настоятельные требования Гитлера. Однако на Ялтинской конференции были приняты союзнические обязательства, что через два-три месяца после капитуляции Германии Советский Союз вступит в войну с Японией.

Назревающая война с Японией не обошла Егора. 29 мая его вызвали в штаб полка и вручили проездные документы до Владивостока в распоряжение ВВС ТОФ (Тихоокеанский флот).

В то время, когда многие офицеры получили отпуска и поехали за своими семьями, Егору предстояло воевать с японцами.

– Вот ты какой, Дальний Восток, – сказал Егор, шагая по улицам Владивостока. Было пасмурно, будто промокшие дома стояли в густой пелене тумана. На центральной площади он узнал, где находится штаб ВВС ТОФ. Серое здание ничем не привлекало взгляд. В отделе кадров предъявил документы. Начальник отдела кадров посмотрел документы и сказал:

– Зайдите через два часа, будем решать, куда вас определить.

За это время Егор успел пообедать в общественной столовой.

– Должен вас огорчить, – сказал начальник отдела кадров, – штаты экспедиционных частей укомплектованы. Есть свободная должность начальника ПАРМа (полковые авиаремонтные мастерские). Согласны?

– Не ехать же мне обратно, решайте!

Начальник остался доволен, что не пришлось долго уговаривать. Получив документы, Егор направился на железнодорожный вокзал. Ехать надо было до города Артёма, потом на оказиях в посёлок Майхэ. Было поздно, когда Егор стоял на обочине дороги и голосовал, чтоб остановить попутную машину. Шофёр остановился, подвёз до перекрёстка и сказал:

– Идите долиной, там и будет Майхэ.

Совсем стемнело. Егору показалось, что на него бежит какое-то животное со сверкающими глазами. Он остановился. Ни шума, ни топота. Светящиеся глаза приближались, свернули в сторону. Егор махнул рукой и засмеялся, на ладони сидел светящийся жучок.

Нашёл подразделение и определился на ночлег. Утром принял обязанности начальника ПАРМа. Это была его стихия, ничего нового, те же самолёты-истребители.

Пришло время ехать в Корею, в морскую крепость Гензан – там назревали серьёзные события.

Егор пошёл в тайгу, она была близко. Речку Шиненгоу не стал переходить, помня пословицу «не зная броду, не суйся в воду». Это была быстрая горная речка, набегала на большие валуны, поднимая шипящую пену. Егор выбрал место под большим дубом, достал из кармана бумагу и карандаш, слова стали слагаться в строфы. Шум листьев грозного и величественного исполина тревожил воображение. Стихи получились длинные, все переживания последних лет теснились чередой, плавно ложились на бумагу. Последнее из двадцати четверостиший заканчивалось строчками:

*С тайгой прощаюсь. Стрелочки часов
Предупреждают: «Уходи скорее!»
С мольбою о защите хором голосов
Меня позвали жители Кореи.*

В апреле 1941 года с Японией был заключён Пакт о нейтралитете, но он потерял смысл, так как Япония, как союзник Германии, помогал ей в войне с СССР и находился в состоянии войны с союзниками СССР – Англией и США. Вблизи советских границ, в Манчжурии, Корею, Южном Сахалине и Курильских островах были сосредоточены лучшие соединения Квантунской армии, предназначенные для войны с Советским Союзом. Как ни трудно было, а на Дальнем Востоке приходилось держать сорок дивизий для отпора японцам. Война могла начаться в любое время.

С 1944 года японцы начали укреплять границу, строили железобетонные сооружения с прикрытием артиллерийского огня. Возглавлял Квантунскую армию генерал Отодзо Ямада, фанатичный и требовательный, имеющий большой опыт. Война ожидалась жестокой. На борьбу с Японией было отоблизено полтора миллиона советских воинов, имевшим отличное современное оружие и большой опыт ведения войны с сильнейшим врагом. Советская боевая техника превосходила японскую. На аэродромах Манчжурии находились самолёты устаревшей конструкции, японские танки не отвечали современным требованиям.

Успех был обеспечен внезапностью наступления, в строгой секретности держалось время наступления. Переписка запрещалась, приказания отдавались только устно. Передвижение войск производилось только ночью, переброска войск производилась под видом возвращения воинов с войны. Командующие фронтами и армиями ехали под другими фамилиями.

26 июля США, Англия, СССР обратились к правительству Японии с требованием о безоговорочной капитуляции. 28 июля Японское правительство отклонило эти требования. Советское руководство подтвердило готовность выполнить союзнические обязательства Ялтинской Конференции и вступить в войну против Японии в интересах скорейшего окончания войны и устранения угрозы войны в Азии.

Шестого и девятого августа США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Погибло более 100 тысяч человек, около 500 тысяч получили ядерное облучение.

8 августа было опубликовано заявление Советского правительства, в котором говорилось, что с 9 августа СССР аннулирует акт о нейтралитете. В ночь на 9 августа все части и соединения получили приказ о переходе к наступлению. 10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика. Наступление Красной Армии показало Японии безнадёжность положения. Советские войска заняли Манчжурию, Северную Корею, Монгольские войска – Внутреннюю Монголию, Американские – Южную Корею.

18 августа началась десантная операция на Курильские острова, где встретили упорное сопротивление. Бои продолжались пять дней.

В результате 23 дней упорных сражений Япония соглашается на капитуляцию, и 2 сентября был подписан акт о безоговорочной капитуляции. Но практически война не закончилась. Только на четвёртый день Квантунская армия получила приказ о капитуляции, но и он дошёл до всех не сразу. Некоторые японские солдаты действовали вопреки приказу, укрывались в сопках, устраивали диверсии, выслеживали и нападали на офицеров поодиночке.

Для Егора Буранова война закончилась 2-го сентября 1945 года, когда Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Началась мирная жизнь кадрового военного, служба в гарнизонах Гензан, г.Баку, Старого Крыма, Евпатории, Севастополя, Качинском лётном училище, а закончилась в 1962 году командиром воинской части Совгавань-10 в звании майора.

*Ветераны Великой Отечественной войны.
Защитники и освободители Моонзундских островов на встрече в Ленинграде 14.09.1985 г.
Я.М.Вьюгин в первом ряду 7-й справа.*

ОТ АВТОРА

Вот и подошло к концу моё повествование. Может быть, было бы интереснее, добавь я авторский вымысел? Я на это не пошёл, всё было написано на достоверной документальной основе. Все описанные лица проходят под своими собственными именами и фамилиями в не придуманной обстановке. Исключением является Егор Буранов. Мне, как автору, не хотелось писать о себе, легче было писать о своём современнике. Все события, которые пережил Егор, то есть я, были подлинные и достоверные, о чём могу подтвердить документально. Многочисленными документами будут фронтовые записи и воспоминания фронтовых друзей, их оказалось много.

Я приезжал и долго работал в центральных архивах Москвы, Гатчины, ездил по местам жительства фронтовиков в Москву, Ленинград, Орехово-Зуево, Таллин, Саранск и другие города, на встречи с ветеранами в Ленинград. Много получаю писем. Среди них это:

«Уважаемый Яков Михайлович!

Большое Вам спасибо за тёплое письмо. Очень жаль, что Вы не смогли приехать на встречу с ветеранами. Годы берут своё, и очень многие из числа тех, кому мы направили приглашения, с сожалением сообщают, что

не могут приехать по состоянию здоровья. Мы всё равно помним о Вас и отдаём Вам дань глубокого уважения и признательности за Ваш подвиг. Искренне желаю Вам всего самого наилучшего, успешного решения вопроса об издании Вашей книги. Рассказы очевидцев, свидетелей тяжёлых, но одновременно и героических событий Великой Отечественной войны очень необходимы особенно сейчас.

Крепкого Вам здоровья, личного счастья!

С уважением

Начальник политического отдела войсковой части 2133

А.Барышев (подпись) 11 июня 1991 года».

Это конец рукописи. Остаётся пожелать моему народу счастья и благополучия. Яков Вьюгин.

Фрагменты рукописи Я.М.Вьюгина предоставила мне его дочь – Нина Зимица-Вьюгина.

Она рассказала, как отец работал над рукописью, как в течение 15 лет приглашал друзей-фронтовиков, уточнял детали фронтовой жизни, чтобы не отступить от правды, или просил родственников тех, кто не дошёл до Победы, прислать фотографии и документы.

Нина Яковлевна научилась работать на компьютере, сама сверстала «макет» будущей книги. Это далеко не повесть. Это РОМАН. Более 400-х страниц! Уже несколько лет дочь, дав слово отцу издать книгу, не может найти спонсора, который бы помог выходу в свет уникальных свидетельств гибельных лет нашей истории.

У автора книги «В памяти живых» был явный дар хорошего писателя. Такой материал не грех и экранизировать: правдиво и точно описана борьба за жизнь нашего народа на протяжении всего периода Блокадного Ленинграда, за живучесть военных самолётов. Немыслимо сегодня в это поверить: взрываются в небе, падают современные самолёты – чудо техники, а тогда за Победу воевали – на фанерных! Ремонтировали на ходу, по ночам, под взрывами бомб. Подбитые в воздухе, падая, направляли свой самолёт на врага, тараня его. Хороня друзей, безусых, неоперившихся Героев!

Яков Михайлович Вьюгин так спешил завершить свой труд, чтобы при жизни почувствовать запах типографской краски, поддержать в руках изданную книгу... Увы, не успел... Жаль!

М.Веселовская-Томаш

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Получил боец задание,
В День Победы над Германией:
«Чтобы сдался быстро враг,
Водрузить советский флаг».

Взял он друга закадычного,
К боевым делам привычного,
Чтоб принять последний бой,
На дороге фронтовой.

Пули сыплют плотным градом.
Бомбы рвутся где-то рядом.
Трудно лезть на крышу здания,
Чтобы выполнить задание.

Но спасает тренировка,
Боевая подготовка.
И повержен был Рейхстаг,
И над ним алеет флаг!

Флаг от фронтового брата.
Флаг, впитавший кровь солдата.
Флаг – боец, и флаг – герой,
Красный флаг страны родной!

Михал Саныч

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛДАТОВ

ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Фотографии помогут вернуть имена

Нина Лукина проводила мужа в последний путь и решила провести в квартире генеральную уборку. Заодно проверила все бумаги, альбомы, фотографии... И тут её ждал сюрприз! Удивлению не было предела: среди множества альбомов-альбомчиков, хранившихся в семье от родителей, и собственных, она обнаружила драгоценную реликвию. Альбомчик-блокнотик, из страничек, склеенных гармошкой, полный фотографий (форматом не более 3x4), можно назвать именно так! Почти на каждой пожелтевшей страничке по 9 снимков (правда, некоторые встречаются дважды). А всего страничек 33!

Отец Нины, Алексей Михайлович СОЛДАТОВ (*о нём глава в первом томе альманаха*), был танкистом. Почерк у него был каллиграфический, его назначили писарем. Видимо, это и сыграло свою роль: во имя с охранения образов однополчан в людской памяти, стал собирать фотографии. Жаль, что не успел восстановить все фамилии – 270 фотокарточек фронтовиков! Они дышат историей, свидетели тех памятных событий... Они могут рассказать нам о многом и

многих солдатах Великой Отечественной войны. Вглядитесь пристальнее в их лица! Возможно, вы узнаете своих родных? Назовёте их имена и фамилии?

Сегодня можно только догадываться, с какой целью Алексей Солдатов собирал фотографии друзей. Три фотографии в три ряда... Назвал альбомчик «Память военных лет». Под некоторыми фотокарточками фамилии отчётливо написаны – читаются легко. Под другими – едва угадываются. Некоторые из них ещё следует «разгадать»: вся фамилия или её окончание написаны неразборчивы. Многие фамилии отсутствуют. Всего их 145.

Возможно, кто-то из родных узнает на любительских снимках своих родных. Большая просьба ко всем, кто восстановит фамилии и имена солдат на снимках 1941–1945 годов, сообщить по адресу paraartiada@yandex.ru. Хорошо бы узнать и назвать всех солдат поимённо. Спешите: время беспощадно стремительно несётся в безграничность! Ведь солдаты, освободившие мир от коричневой чумы, не были безымянными. Они кровью своей вписали страницы истории Родины в общую историю мира и подписали их! Вернём их имена!

Чтобы удобнее было ориентироваться в «альбоме», фамилии приведены в таблице постранично.

Страница	Подписи под фотографиями (почти на каждой странице по 9) и фамилии фронтовиков, выделены жирным шрифтом
Обложка	121 (27) 1941 – 1945 ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ Великая Отечественная война Алексея Михайловича СОЛДАТОВА
«Тит.л.»	<i>Боевые машины СУ-100 в парке 3 танк. Батальона. На переднем плане зам. к-ра б-на – Гвардии Капитан КОТОВ. Город Самбатель, Венгрия, XI.1945 год</i>
Стр. 1	А.Солдатов. 1945 г. май.
2	Памятник на братской могиле. Надпись: Героям-танкистам 27 Гвардейской Танковой Бригады, Участникам разгрома немецко-фашистских войск, павших в боях за освобождение Шебекинского района. Курская битва. 1943 Село Вознесеновка Шебекинский район Белгородской области Памятник воинам 27 Гв.т.Бр.
3	Справа Гвардии Полковник, зам. Командира Бригады Кашурников М.Н. и командир 3-го Танкового батальона, Герой Советского Союза – Гвардии капитан Ждановский Л.А.

4	Снегирёв; А.М.Солдатов
5	Галанов М.; А Хачак ; Сидько И.Ч. (А.Ч.?) – зам. командира Т.Б.
6	Лаврентьев; Н,Ермаков; Туз А.П.
7	Климов
8	Созинов (?); Орлов Н.А.; Лопшинский (Пошин?); М.И.Храмцов; А.Конин; Катушн... Николай (?)
9	Поляница; Сороковых; Бурмистров; К.Бушуев – капитан; Попов
10	Невценовский (?), Радкевич; Коваленко; Николай Чук (?), Васлочен... (Раслочен...?); Хнычков И.Д., Новиков А.Д.; Мальков, Комаров С.; Никитин (-ы?); А.Туз.
11	Минаев Сергей Фёдорович, Михайловска; мех.-вод. II т.б. Дмитриенко; Паламарчук; Оделадзе
12	Шадрин; адъютант II т.б. Усачёв; Горбачёв; Библик (?); капитан Котов В. (?); В.(?) Абрамов
13	Нестеренко – врач; Коцубин – фото нет; Воробьёв А.А.; Лензина – врач; Соколов; Ковальчук Н.А.; Гриневич (? Грисниевич); Тимченко
14	Бутылкин; Чонтлидзе (Чонтладзе ?); Крунидский (? Крунитский); Балагуров; Прокопович В.; Курган Сергей – нач. бат.; Соколов Ал. Алексеевич
15	Моргуновский; Лиханов (? Лихонов); Обселямов (? Отселямов); Минаев (?А.); А. (?) Южаков; Хасанов; Титов
16	Максимков; Попов; Лена; Чукичев; Переводчиков; Демидов; Повлуши... (?)
17	Ромасенко (?); Михаил Бобровников – мех.-вод.: нач. прод. Шушков М.И.; Крослюков (? Крословов...)
18	Дементьев (? Решетнев); Посяда (? Пояда)
19	Стучак А.Г.; Пятуев (?); Гусев; Куденко М.; Губкин М. (артист)
20	Обрезков; Козлов, дядя Вася; Финоген... (?); Тимофеев
21	Рассадин; Хомедулин (? Хошедули...); Усанов; Васильев И.В.
22	Твилов; Широков Н.И. – нач. бат.; Ганн – зав. Кладовой; Один из лучших к-ров рот Б.(?)А. Ермолаев; Бледнёв
23	Похтусов (?); Софин; Соломенный Гриша; Кульчавый; Серков; Щеголев; Закоровкин (? Закоровлин)
24	Герой Советского Союза Задоновский; Лихускин... (? Мнуски...); Собакин; Михеев Б Автоматчиков (?батальон Автоматчиков)
25	Жук; И.Шавров; Алексеев; Сергей Халахур; Мотвеев (? Матвеев)
26	Кинев; Махортов; Ковальчук – парторг З Т.Б.; Зубарев; Лотор (? Лотер); Сидко (? Сидько); Болтавский; Саша Ющенко
27	Глухов; Е.В.Дринь; Ерофеев; Зоворин (?)
28	Орлов; Паташов (? Патахин)
29	Митяев Н.; Грек; И.М.Дегтяренко
30	Морозов; Лоур (жен. – указано мной); Москвин; Кудрявцев; Костин; Е.В.Попов; - старшина; актёр Овчинников Виктор Александрович
31	Савельев В. А.Солдатов (?); Прохоров; В.Абрамов; Н.Ермаков; А.П.Туз – мех.-вод.
32	Фото памятника на братской могиле, место неизвестно; Зайцев; Н.Митрофанов; Куксин; Солдатов А.М., Митрофанов Н.М.; Групповое фото: слева 1 ряд Гущин П.П.

33	Алексеев; Молец (? Малец); Котов... (?); Гладков; Котов Л.
Обложка 2	Боевые машины СУ-100 в парке 3 Танк. Батальона. На переднем плане зам. к-ра б-на – Гвардии капитан Котов. Город Сомбатель, Венгрия. 1945
Всего:	145 фамилий

Справа – Гвардии Полковник, Зам. Командира Бригады Кашурников М.Н. и Командир Третьего Танкового батальона, Герой Советского Союза, Гвардии Капитан Ждановский Л.А.

Стр. 5-6

Обложка

Боевые машины СУ-100 в парке 3 танк. Батальона. На переднем плане зам. к-ра б-на – Гвардии Капитан КОТОВ. Город Самбатель, Венгрия, XI.1945 год

Стр. 15-16

Стр. 19-20

Стр. 17-18

Стр. 21-22

Смп. 23-24

Смп. 27-28

Смп. 25-26

Смп. 29-30

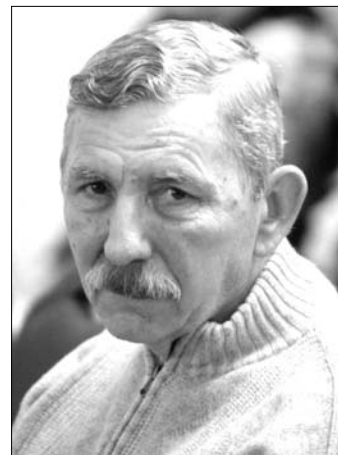

Стр. 31-32

Стр. 33

ХОПЕРСКИЙ МИРОСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ

В Центральном Доме Журналистов. 13.04.2012

АМЕРИКАНЕЦ С РУССКОЙ КРОВЬЮ

«Мёртвого имя назвать – всё равно, что вернуть его к жизни».

Древняя восточная мудрость.

Ночью в июне 1943 года самолёты союзников бомбили Нюрнберг.

Первыми шли истребители, вызывавшие огонь на себя, за ними волна за волной шли тяжёлые американские и английские бомбардировщики.

Тёмное небо содрогнулось, раскололось, вспыхивая новыми яркими звёздами – взрывами снарядов. Завывание городских сирен слилось с рёвом моторов, резким хлопанием зениток. Огненным вихрем пронеслись самолёты союзников над огромным городом барачников за колючей проволокой и сторожевыми вышками международного лагеря – лазарета «Лангвассер» на восточной окраине Нюрнберга.

Но «люди – номера» не имели права свободного выхода из барачников ночью. Тысячи глаз смотрели сквозь решётки окон. Тысячи голосов, на всех языках, радостно кричали, словно лётчики услышат их: «Так его, гада!», «Смерть Гитлеру!».

Радостно бились сердца. «Смерть Гитлеру!», «Давай! Давай! Давай, брат!».

Нюрнберг – «гнездо нацизма» горел. Казалось, горит багровое небо.

Самолёты союзников прошли ещё раз над «Лангвассером». Рёв моторов покати в удаление.

Вдруг внимание военнопленных привлекли лучи прожекторов, направленных в одну точку. Мощные потоки света слились в один огромный луч, казалось, осветивший полнеба. Все прожектора Нюрнберга метнулись в эту точку. Американский истребитель, пойманный прожекторами, кувыркнулся словно человек, споткнувшийся со всего размаха на бегу.

Резко берет вправо. Переворачивается. ... Идёт к земле.

«Лангвассер» замер в отчаянии... Сейчас взорвётся.

Но мотор истребителя взревел с новой силой.

Самолёт выпрямился. Пронёсся над лесом. «Город барак» облегчённо вздохнул:

– Парень ещё поживёт!

На рассвете в лазарет «Лангвассера» эсэсовцы втащили носилки.

На них лежал в забытии молодой крепкий парень в изодранной американской лётной форме. Худощавое лицо посинело. Под рыжими ресницами залегли глубокие чёрные тени. Он вырвался из клещей прожекторов. Дотянул до земли. Посадил разбитую машину. Но сам, тяжело раненый, выбраться из кабины не смог. Эсэсовцы, следившие с земли за его полётом, окружили подбитую машину, чтобы взять его живым. Лётчик оказался на редкость упорным – отстреливался до последнего патрона, забыв оставить этот патрон для себя.

В «Лангвассере» американцем занялся сам эсэсовский капитан: высокий, с пронзительным взглядом серых ледяных глаз. В «Лангвассере» капитана эсэсовца прозвали «Штойбхен» – «Пылинка». Отличался капитан особым пристрастием: появляясь в бараках, орал «Штойбхен» (ему всюду виделась пыль) и начинал «урок».

«Штойбхен» надел чёрные перчатки. На теле американца добавились раны.

– К утру этот будет «смотреть на картофель снизу» – заключил «Штойбхен».

В операционном блоке раненого спасали военнопленные врачи – югослав Изо Яковлевич НЕЙМАН, украинец Владимир МАЗУРЕНКО, армянин Артём НАЗИКЯН, Вячеслав КОЗЬМИН – русский, живший в Югославии.

Операция прошла успешно. Но американец погибал от большой потери крови. Лазарету военнопленных кровь для переливания не поставлялась.

Никогда ещё за свою долгую жизнь доктор Изо Нейман не чувствовал себя таким безнадежно беспомощным.

– Стар ты, Изо, стар, твоя кровь не спасёт этого парня! Ты не можешь дать частицу своей жизни умирающему, – думал Изо Яковлевич.

Не мог доктор обратиться к военнопленным – ведь они уже длительное время держатся на голодном лагерном пайке. Взять у них кровь – подписать им смертный приговор.

– Изо Яковлевич! Доктор! – Нейман вздрогнул. Перед ним стояли санитары – советские военнопленные Пётр КОШКАРОВ и Александр КИРИЛЛОВ.

– Доктор! Может быть, у нас одна группа?

Времени для раздумий не оставалось.

Срочно сделали анализ. Группы совпадали. В последнюю минуту нашёлся ещё один смельчак, советский военнопленный Михей ДРОЖАНЫЙ.

Днём, когда главный врач лазарета немец разобрался, что врачи сделали всё, чтобы спасти умирающего, строго приказал:

– Изолировать американца от русских!

Американский лётчик медленно возвращался к жизни. Его молодой, закалённый организм победил.

– Кого мне благодарить? – Поинтересовался лётчик у санитаря Сергея ХОХЛОВА, советского военнопленного офицера, владеющего английским.

– Докторам Нейману и Козьмину скажи спасибо, – Сергей хитро улыбнулся, – и русским офицерам. Они тебе кровь свою дали. Теперь ты, американец с русской кровью.

– Русские?! – В возгласе американца прозвучали все оттенки: от недоумения до восхищения.

– Русские?! Покажи мне этих русских! Пожалуйста, приведите этих людей.

– Они сейчас не могут прийти.

Александр Кириллов, Пётр Кошкаров и Михей Дрожаный теперь боролись за свою жизнь: темнело в глазах, стоило приподнять голову, отчаянная слабость сковывала их.

Русские офицеры кровью своей американского лётчика спасли – весть эта облетела весь «город барак».

Команда французов, разбиравшая после бомбардировки завалы на улицах Нюрнберга, тайком принесла и передала доктору Нейману консервы, печенье: «Русским офицерам, давшим кровь».

С американцем и его спасителями делились от своих скудных и редких посылок Красного Креста чехи, итальянцы, сербы, французы.

Вскоре американца увезли в другой лагерь. Им не довелось встретиться, обменяться адресами. Михей Дрожаный видел, как конвоиры вели лётчика по коридору из колючей проволоки, разделявшему бараки. Дрожаный высоко поднял руки:

– Брат! Брат!
Шедший под конвоем услышал. Подбежал к проволоке, всем телом упал на колючую паутину, разделявшую их:
– Рус! Рус! Рус! – Слёзы текли по лицу лётчика.
И столько горького отчаяния звучало в прощальном крике.
Военнопленные югославские врачи чудом сохранили медицинский журнал «Лангвассера». В нём записано имя американского лётчика – Джон ДЮ-ПОН.
Победе уже 67. А в России помнят тебя, Американца с русской кровью.
Очень хочется верить, что отзовёшься ты, боевой лётчик, или твои дети, или твои внуки, или твои правнуки. Ведь родственной крови притяжение великое.

*Наша память о них
всё короче*

ВОЛОДЯ-ЖУРНАЛИСТ

13 апреля 2012 года в Центральном доме журналиста проходили заключительные мероприятия Национального Медиафорума «Святая Память».

Я приехал пораньше. Приехал, чтобы постоять у памятника журналистам Великой Отечественной войны. Постоять и вспомнить ВОЛОДЮ-ЖУРНАЛИСТА.

Шёл весенний дождь, временами слабый, а временами сильный. А я стоял и стоял под дождём у памятника, рядом шумел Новинский бульвар, но мои мысли были в далёком феврале 1945 года.

Когда много работаешь с документами, глубоко проникаешь в тему, кажется, что ты сам становишься участником описываемых событий. Мне часто снится один и тот же сон: перед глазами вновь и вновь встают серые мрачные стены «блока смерти» концлагеря Маутхаузен, тесный дворик, пулемётные вышки, барак набитый военнопленными офицерами и Володя-журналист, рассказывающий свои повести.

И сквозь сон я отчётливо слышу его слова, обращённые к поколению, живущему после войны:

– Расскажите, напишите, не забудьте нас, найдите адреса родных, сообщите!

И я снова и снова сажусь за компьютер, подключаю интернет и продолжаю кропотливую работу по поиску пропавших без вести.

Хочу рассказать о Володе-журналисте, о котором я узнал из личных бесед и воспоминаний выживших участников побега из «блока смерти», а также из архивных документов.

...Этого человека, в очках в тёмной оправе, знали в «блоке смерти» все и говорили, что он окончил в Ленинграде факультет журналистики, был на фронте корреспондентом, поднял бойцов в атаку, когда командир был убит. В том жестоком бою корреспондент был ранен, пленён. Все звали его Володя, хотя настоящего имени и фамилии никто не знал.

Как подготовить к восстанию, к побегу не одного, не десять, 30,50 человек, а 700, как быть со штурбандистами? Куда, в каком направлении бежать? В какой час начать штурм стен и трёх пулемётных вышек? Чем вооружиться?

– Надо пропагандировать среди людей план побега, – предложил подполковник ВЛАСОВ, но делать это умно, очень осторожно, чтобы не вызвать никакого подозрения.

Лучшим пропагандистом оказался журналист.

В мучительно долгие часы пребывания на свежем воздухе, чтобы сократить время, отвлечься от горьких мыслей и как-то заглушить чувство голода, журналист пересказывал книги. И пересказывал так мастерски, что слушавшие его забывали в эти минуты про лагерь, про сторожевые вышки, глядевшие дулами крупнокалиберных пулемётов.

Но как рассказывать в бараке, где ночью вслух говорить запрещено!

– Надо так повести дело, чтобы сам блоковой разрешил нам это «развлечение», – говорил Власов. И вскоре такой случай представился.

В рождественский вечер блоковой разрешил узникам зайти в барак пораньше.

– Это наш большой праздник, – объявил он через Мишку-татарина, объясняя своё снисхождение.

И вот по знаку Власова с блоковым уже ведутся переговоры: «Не позволит ли он отметить большой христианский праздник и русским? Как отметить? Да один из заключённых расскажет какую-нибудь книгу».

Не подозревая ничего опасного блоковой разрешил.

Ночь за ночью узники пережили все приключения графа Монте-Кристо, страдали вместе с Анной Карениной, с волнением внимали строкам письма

Татьяны Лариной, слушали строки Маяковского, и в напряжённой тишине было слышно, как бьются сердца.

А потом журналист стал рассказывать свои повести, ещё нигде не напечатанные, лишь впервые публикуемые устно в «блоке смерти».

Это были не обычные повести. Герои их – советские моряки, неизменно оказывались в гитлеровском концлагере и готовили дерзкий побег.

И лагерь тот, и барак так напоминали Маутхаузен и «блок смерти», словно журналист написал свою повесть о них.

... Душно и тесно в маленьких штурбах, в помещении размером 8 на 10 метров набивается по 200-350 человек. На ночь штурбандисты заливали пол водой, люди ложились прямо в воду, стояли на коленях, головой к стене, на него сверху ещё один, ещё один. От тел идёт пар, испарение как в бане.

Но когда журналист страстно повествует о моряках, люди не замечают ни промозглой сырости, ни ужасающей тесноты. Они захвачены мужеством тех, кто вот так же как они оказался в «блоке смерти». Журналист подробно описывает их побег и всем становится ясно, что он советует, как надо совершить побег из «блока смерти». И едва умолкает рассказчик, слышатся восхищённые возгласы:

– Вот это да! Вот так и нам надо действовать. Вот и нам можно попробовать, только силы надо собрать.

Эти разговоры слышат и ШЕПЕТЯ, и БИТЮКОВ, и УСМАНОВ, и ФУРСОВ. И сердца их всё больше наполняются уверенностью в задуманном. Необычный метод пропаганды удался, слушатели отлично понимают, какую книгу им читает журналист. Не случайно, лежащий рядом с Битюковым молодой высокий, крепкий лётчик убеждённо говорит:

– И попробуем. Лучше раз умереть в бою, чем ждать пока блоковой тебя повесит.

Этот лётчик выделяется своей особой, не скрываемой никогда ненавистью к гитлеровцам. Ненависть к врагу прорывается во всех его словах, жестах. Когда эсэсовцы приходят в барак, не удерживай его постоянно капитан Шепетя, то он бы бросился на них – один-на-один.

«Повести» журналиста будоражат умы и сердца, и только глубокой ночью люди забываются в тяжёлом, не приносящем облегчения сне.

Володя не сможет опубликовать свои повести: он был сражён пулемётной очередью при штурме стены «блока смерти»...

Фашисты Маутхаузена надеялись похоронить тайну «блока смерти».

Узники, встречая свой последний час за мрачными каменными стенами, страстно мечтали: хотя бы один выжил, хотя бы один из них встретил конец войны и рассказал на Родине обо всём, как они боролись, что они переживали и вынесли...

«Об одном прошу тех, кто переживёт это Время –
не забудьте!

Не забудьте ни добрых, ни злых.

Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал
за себя и за Вас.

Придёт день, когда настоящее станет прошедшим,
когда будут говорить о великом времени и безы-
мянных героях, творивших историю.

Я бы хотел, чтобы все знали – не было безымян-
ных героев, а были люди,
которые имели своё имя, свой облик, свои чаяния
и надежды.

И муки самого незаметного из них были не мень-
ше, чем муки того, чьё имя
войдёт в историю.

Пусть же павшие будут близки вам, как друзья, как
родные, как вы сами.

Люди! Я любил вас. Будьте бдительны».

Юлиус Фучик

«Репортаж с петлёй на шее»

Хопёрский Мирослав Алексеевич.

Руководитель проекта «Неизвестная война»

<http://unknown-war.livejournal.com/10871.html>

Copyright © 2012 Мирослав Хопёрский

Г О В О Р Я Т Д Е Т И В О Й Н Ы

ОТРАЖАЛАСЬ

В ГЛАЗАХ ВОЙНА,

В КРИКАХ,

СТОНАХ

И В ДЕТСКИХ СЛЕЗАХ

МАРИЯ МАКСИМОВНА ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ

1942 год.
Анна Бендрюк и Максим Томаш
только недавно поженились

ЧИ ТО ЗНОВ ВОЙНА?

... Сумерки.

Мы с мамой дома одни. Сидим на печке.

Мама, ещё совсем молоденькая, горя, волнуется за отца, то и дело смотрит в подслеповатое оконце, расположенное почти на уровне лежанки, и прядёт. Остатки мягкой, чистой овечьей шерсти дождались своей очереди: прядут в сёлах только зимой, когда в полях-огородах работы не так много. Вот и прядут лён (из него ткут полотенца), а шерстяная нить идёт на носки, рукавицы, на ковры. Если в семье рождаются дочери, то с их появлением уже начинают готовить приданое. И сейчас... может, вправду копить приданое?

Сквозь редкие чёрные кроны деревьев сада на грустно-сером, как будто дождливом, небе просматривается вдалеке чёрный лес. Когда-то деревьев было в наших молдавских садах много, но в войну румынские солдаты, воевавшие на стороне немцев, и сами немцы, привязывали к ним лошадей, а те все деревья и сгубили, от голода обглодав доступную кору.

Поздняя осень была?.. Или зима?.. Кажется, всё-таки зима, раз топилась лежанка.

Вдруг мама забеспокоилась, засуетилась, запричитала. Словно сквозь высокий густой сугроб снега, до моего сознания доносится из далёкого прошлого:

– Чи то знов война!? Адэ, бачиш машинэ!? В них сидят солдаты с ружьями. Идут солдаты на фронт.

– Мамуня, а шо таке война? – Прошепелявив, спросила я встревоженную мать, которая в этот миг, казалось, отсутствует здесь, находится где-то очень далеко, а там – безумно страшно.

– Ой, дочко, наш татко на страшни войни! Там убивают! А потом дите сиротами лишаются! Ой, Боже, Боже! Шо з нами буде!? – Заголосила-запричитала в очередной раз мама.

Так, в самом начале жизни, я впервые услышала новое, необычное для меня слово «война». Увидеть, к счастью, её я не могла, но хотелось знать, что это такое. Отец мой, Максим Парфеньевич ТОМАШ, после ранения на реке Одре находился в военном госпитале. Он видел меня, только что родившуюся, когда мама, завернув в пелёнки, отвезла на каруце к месту военных сборов, куда-то ближе к югу Молдавии. Три месяца спустя отец перед отправкой на фронт прощался с нами уже в городе Атаки. Мама с одним из папиных братьев и дедушкой возила меня на прощание с отцом.

Пятидесятые годы... Выше всех стоит брат Николай.
Аглая Аркадьевна Богдан, наша любимая учительница по зоологии, ботанике и...
потрясающий учитель танцев держит «руль»-вожжи!
Через её руки мы все прошли. Многого добились.
На такой каруце и возили меня на прощание с отцом...

Несколько лет тому назад, когда была ещё жива мама (*её не стало в 2010 году*), я напомнила ей этот эпизод времён войны: как перед детскими глазами просматривались верхушки голых, остроконечных деревьев в оконце... Мама изумлённо переспросила:

– А ты разве помнишь? Так ты ж *з*овсім маленька була! Ага-а-а, да-да... в то время часто перевозили солдат... – Солдаты, сидя в кузове, держали винтовки штыками вверх. Моё родное село находится километрах в четырнадцати от границы с Румынией. – Погранична застава проходила через наше село. Як раз на краю села стояв шлахтаум, солдаты с ружьями в руках проверяли документы у всех, хто передвигався на машинах, на каруцах чи даже пешком.

Впиваясь глубоко в память, первый осколок возвращает меня в далёкие послевоенные годы, тянет за собой последующие острые, пронизывающие болью детский разум.

Мама продолжает голосить:

– Боже, Боже, неужели знов тата заберут на фронт!? Та вин еще не вернувся зовсім до дому с той войнэ! Ой, отверни, Господь!

Отца уже не заберут. Он остался на всю жизнь инвалидом: рана никогда не затягивалась, не заживала. До конца дней из его раненой ноги хирурги изымали во время многочисленных операций магнитом, пинцетом металлические осколки. Во время первой операции фронтовой хирург, склонившись над ним, намеревался ампутировать ногу – стакан водки и... но отец был молодым, испугался: как это без ноги жить? Соскочил со стола. Уберёг ногу.

Впоследствии врачи ещё трижды пытались её ампутировать... И было бы основание дать ему вторую группу инвалидности. Это ли не абсурд!? Трофическая язва не излечивалась. А работать надо было. Семью содержать.

Ежевечерне он садился на маленький стульчик, ставил перед собой таз с тёплой водой, сняв повязку, опускал ноги в воду с питьевой содой и хозяйственным мылом. Затем спускался на пол, на расстеленный тулуп или коврик, приближал к себе керосиновую лампу, чтоб светлее было, и производил туалет ноги. Он чистил её, обрезая скальпелем и ножничками ороговевшую кожу стопы, рваные края которой напоминали пористый пенопласт бело-серого цвета. Обработывал язву раствором перекиси водорода, марганцовки, фурацилина или риванола, накладывал длинным пинцетом стерильную салфетку в глубокую ямку на подошве и вновь, заученными и автоматическими движениями, бинтовал ногу. Такая процедура повторялась из вечера в вечер, из года в год. Всё отчётливо помню с детства.

Часто Максимка, мой в то время пятилетний племянник, которому дед доверял пинцет с ловко захваченной салфеточкой, окунал его в лекарство и чистил ранку, доходя до кости на подошве. Мы, взрослые, хватались за серд-

це, а Максимка, не подозревая, что, возможно, причиняет боль, радовался: он «лечит деда».

И дед с гордостью говорил:

– Молодец, Максим, не боишься ничего, значит, будешь хирургом!

Максимка стал фармакологом. Жаль, дед не дожил до этого дня. Старший внук, Александр, вице-президент филиала немецкой фармацевтической фирмы «Tetris» в Кишинёве. Кстати, моя сестра, Лидия, отличная медицинская сестра! И дочь старшая её, Танюша, медсестра! Живёт... в Германии, под Гамбургом – последовала за мужем. Поистине – пути Господни неисповедимы! И удивительны! Вот ведь, как сложились пути-дороги...

Иногда, когда одолевали другие болячки, отец меньше ходил, больше лежал, рана затягивалась тонюсенькой, нежно-розовой, почти детской кожей. Обманчивое впечатление рождало надежду на окончательное выздоровление, но воспалительный процесс никогда не прекращался, гною надо было выходить, он рвался наружу, и, о, счастье, вытекал. Нога посинела, приобрела уже фиолетово-чёрный цвет с какими-то белёсо-чёрными точками-ниточками. Несколько раз начиналась гангрена. И эти несколько раз отец отказывался от ампутации, всякий раз спасая ногу.

Вторую группу инвалидности «заслужил» только тогда, когда упал и сломал шейку бедра. Тогда доктор объяснил отцу:

– Что ж ты хочешь, боец? Нога твоя вся была трухлявая – не выдержала.

Не выдержала не только нога, раненая в голень. Пуля-дура пронзила её, прошла навывлет, снесла, как остриём косы, безымянный палец и мизинец на левой ноге. Но... то было в войну. Отец в последние годы жизни ходил на костылях.

У фронтовика не выдержало сердце.

Когда наша огромная держава распалась, выделенный фронтовику «Запорожец» чаще останавливался, нежели ездил. Чихал, урчал, дёргался, заводился ненадолго. Я помню отца вечно лежащим под днищем автомобиля, без конца чинившим его.

Однажды в Рождество я навестила родителей. Стояла снежная, очень морозная для Молдавии зима. Отец вёз меня обратно к поезду в город Бельцы – сплошные мучения!

Укутали изнутри автомобиль, в котором от времени скукожившись, оставал резиновый дверной уплотнитель, образовались щели, сквозь них тянулся жуткий холод.

Отец, сняв кресло рядом с водительским, нагрел паяльной лампой воздух внутри автомобиля, ближе к переднему стеклу, чтоб на нём истаял толстый слой инея. На очищенном лоскутке стекла, на уровне глаз, закрепил пластилином квадрат-оконце из прозрачного пластика, чтобы видеть дорогу! Ехали... останавливались... Снова ехали и снова останавливались: отец расти-

рал онемевшие от холода руки, хлопал ими, затем снимал рукавицы и согревал их дыханием. Каждый раз выпрыгивал на костылях на улицу, протирал тряпкой стекло «оконца». Мы с мамой коченели на задних сидениях, не в силах шевельнуться. Молча плакали, но не подавали вида, чтоб не расстраивать отца лишней раз.

Спасло нас только то, что движения по трассе совершенно не было: какой безумец пустится в путь по оледеневшей дороге!? Навстречу попадались редкие каруцы. Исходившие от лошадиных морд густые клубы пара обдавали наш «форд». Вся картина казалась ирреальной. На секунду отец притормаживал, пропуская встречный гужевой транспорт, остерегаясь столкновения.

Он много раз просил в собесе заменить машину, объясняя, что он защищал Родину, что автомобиль – это его «ноги»...

Ему чиновник из Управления социальной защиты населения Молдавии как-то не вытерпел и зло ответил:

– А мы тебя на фронт не посылали!

Так и ушёл отец из жизни, не дождавшись новых «ног»!

НЕЗАВИДНАЯ УЧАСТЬ КАСКИ

Двое розовоморденьких поросят, стоя друг против друга, своими пяточками тыкались в необычную посудину, норовя оттолкнуть дружка, чтобы упасть чаще в жижу, в которой иногда плавали кусочки мамалыги*, да прихватить больше в рот. Жидкие помои – остатки обеда из вчерашнего борща с крошками, отходами. А тогдашний борщ представлял собою воду, в которой варились картошка, свекла, лук, зелень. Иногда туда попадало немного растительного масла, за звёздочками которого мы гонялись с деревянной ложкой. Жирным никогда не был. Мяса в нём отродясь не варилось: его мы вкушали на Пасху и Рождество, и то, если получалось приобрести. Жили бедно. Бывало, закалывали поросёнка, свинью или барашка, а это случалось очень редко, и то уже после голодовки.

В сёлах посуду ни-ко-гда не мыли порошками, жидкостью для мытья! Да их и не было. И кто такие помои есть будет?! Не-е-ет, помои должны быть съедобными. В них могли добавить макух** или бурготу***.

* Мамалыга – молдавский «хлеб», готовится в виде густой каши из кукурузной муки, на аппетитные ломтики разрезается суровой ниткой

** Макух – жмыхи семян, выжимки из подсолнечника, из которого уже взяли масло.

*** Бургота – остатки свеклы, натёртой на очень крупной, самодельной тёрке, или фруктов, которые заливали тёплой водой, добавляли дрожжи и ... гнали самогон.

– Скруги-и-инь! Скруги-инь!.. – Слышался визг и смачное чавканье.

Я стояла и наблюдала одну и ту же забавную сценку, замечая, что поросёный аппетит рос прямо пропорционально росту самих хрюшек.

Странная миска вертелась, наклоняясь из стороны в сторону, готовая то и дело перевернуться. Но, словно детская игрушка «Ванька-встанька», она возвращалась в исходное положение, принимая «удар» на себя. Когда еда заканчивалась, поросята, недовольно хрюкая, пяточками переворачивали опустевшее «корытце», затем от него равнодушно отходили.

Оба кабанчика носились по небольшому свинарнику рядом с загонем, как оглашенные. Еду им постоянно приносила я. И в тот раз отнесла ведёрце с помоями, не успела наполнить ими необычно глубокую, мрачного цвета округлую посудину, как кабанчики своими чистенькими пяточками одновременно в неё ткнулись, а она, выпав из моих рук, перевернулась. Трапеза закончена, не успев, как следует и начаться!

Я расстроилась: мне влетит. Не доглядела! Стою в слезах.

Тут подошёл дед Михайло:

– Ну, чога плачеш? Каска перевернулась, да? Эка беда! Почикай, я принесу новых помоив и знов наполним каску!

Я открыла рот, перестав плакать: услышала новое слово, не поняв вначале, что такое «каска». Дед взял меня за руку и отправился за помоями, по дороге разьяснил:

– Ты ещё не вродилась, а началась война з германцем. Он напал на нашу страну. Твой отец воевал, раненый был. Когда германца и румына погнали, они так бежали до дому, аж дороги перед собою не бачилэ! Всё падало из ихних рук! И с голов тоже! А на головах была вон ця сама каска: она сберегала те дурни головы. Вот босота! – Зло выругался дед Михайло. – Бог бы их покарал!

Потом я, у кого из соседей бывала, видела: во многих подворьях валялись каски. Куры, собаки, свиньи из них ели, воду пили.

– Нууу, германцам та румынам так и треба! – Соглашалась я, имея ввиду незавидную участь каски. – Пусть не лезут к нам!

ЗА ЦАРЯ НИКОЛАЯ

У меня было три деда и три бабушки: дед Парфений ТОМАШ – папин отец; дед Никита БЕНДРЮК – мамин отец; дед Михайло ГИЛИТЮК – не папин и не мамин. Просто ... мой дед.

У деда Михайла с бабкой Юстиной было четырнадцать детей. Некоторые из них, пожив после появления на свет месяц-два, умирали. Другим не удава-

лось и на свет взглянуть. Было несколько близнецов, но ни одного из них не осталось в живых. Дед и бабка в молодости очень переживали.

«Усыновили» (без юридических формальностей!) моего отца: бабушка Юстина приходилась отцу родной тётёй. До последних дней мои родители заботились о дедушке Михайле, как о родном, не забывая своих родных родителей. Усыновить – это было в порядке вещей и в большой чести. Никогда детей никуда не отдавали, и не росли они беспризорными. Другая папина тётя Параска удочерила Лидию, его сестру.

Бабка Домна – папина мама, бабка Мария – мамина. Их не помню: всех не стало, когда я ещё была в пелёнах. Семьи были многодетными. Жизнь – трудной, люди уходили рано.

Я была первой внучкой, меня любили деды. Дед Михайло любил больше всех! Всегда мне помогал и ворчал на родителей, когда меня рано будили – я им сызмальства помогала по хозяйству. Нянчила братьев Толю, Колю, потом сестру Лиду.

Дед утверждал, что я «похожа на Юстину». И сама мама моя это признавала:

– Ты николэ не будеш такою полной, як я. Ты пишла в бабку Юстину, а она, покойна, и умерла стройною, файною (*красивую*), – вспоминая, поясняя мама. Для каждой матери её дочь красива.

Иногда дед Михайло доставал старую коричневатую фотографию и проносил с гордостью:

– Глянь, який я тут молодой та гарний?!

1914 год. Первая Мировая война
Сидит первый слева Михаил Гилитюк
со своими сослуживцами.

С фотографии смотрели на меня три бравых бойца. Дед с усами, которые ему очень шли, в кожаных сапогах с высокими голенищами. И его два друга.

– Це я в войну був таким. Страшна-а-а война була! Ище за царя Николая... – то есть «ещё во времена царствования Николая».

– Когда, деда, была война? Другая война? – Поинтересовалась я. Ведь он уже рассказывал мне про войну.

– А куда подевались каски? – Спрашивала, надеясь услышать, что из тех касок тоже кормили свиней.

– Та ни-и-и, та война була давно-давно! И, слава Богу, далеко от нас! Але тоже богато людей убито было на фронте! Мы воевали за своего царя Николая. Добрый был царь!

– Деда, а зачем война, зачем людей убивают?

– Охо-хо! Як бы я знав, зачем! У кого мало земли, вот они и хотят землю забрати!

– А у кого мало?

– Есть такие государства ... Страна, господарство... наше называется Молдавия. А в 1914 году воно называлось Бессарабией* и входило в Расею, в другую страну. Есть така страна – Расея... А есть Германия, Франция, Америка... Далеко от нас находятся. Как тебе объяснить, чтоб ты поняла? Ну, вот, есть хозяйство дяди Федира, а напротив – тётя Ганны Келарьки. У каждого свой сад, картошка, виноград... Каждый во дворе держит кур, свиней, коров, кто богатый. А кто бедный... У того ничо нема! Тот, богатый – хочет ещё большего! Вот с ружьём в руках и идёт на других людей. Потому чужие страны воюют друг с другом, убивают чужих людей, чтоб забрать их землю. Да-а-а, умирают люди. Плохо! Зло великое!

По малолетству подробностей особых не упомянула. Запомнила, что Молдавия была Бессарабией. И стало понятно, что «за царя Николая» означало «в давние времена», и потому дед воевал, что царь был добрым.

Про своего деда Парфения Томаша я рассказала во втором томе альманаха. А вот про деда, маминого отца, Никиту Бендюка, ничего не могу рас-

* Бессарабия – область между реками Днестром, Прутом и низовьями Дуная. Население – молдаване, украинцы, русские. В X-XI веках Бессарабия входила в состав Киевской Руси; в 1513 году попала под власть Турции. С 1812 года Бессарабия по условиям Бухарестского мирного договора вошла в состав России. В январе 1918 года боярская Румыния захватила Бессарабию. В результате мирных переговоров Советского правительства с Румынией Бессарабия 28 июня 1940 года была возвращена уже в СССР. В августе 1940 года образована Молдавская ССР, в состав которой вошла советская Бессарабия.

В 1991 году Молдавия вышла из состава СССР. «Суверенное и независимое государство Республика Молдова» на постсоветском пространстве стало самой бедной европейской страной.

сказать, к великому огорчению. Дед вернулся с фронта сильно оглохшим после контузии.

До сегодняшнего дня у меня хранится дорогой моему сердцу единственный подарок детства – неглубокая, серая, эмалированная тарелка. На кухне она в большом ходу. Её мне дед Михайло подарил, когда я стала студенткой пединститута в далёком 1960 году. Каждый раз, когда прикасаюсь к ней, вспоминаю деда. И проносится где-то над головой голос его, словно вскрик чайки.

– Маруууса, бижэ суда (*беги сюда*)! Попробуешь гарбузик!

...Мы с ним на бахче – дед с берданкой в руках охранял колхозные арбузы. Жил в шалаше на поле, пока они поспевали. Ах, какие сладкие, неповторимо сладкие были они! Таких сегодня нет! Их вкус и сейчас ощущаю...

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Солдаты, прошагав с боями до Берлина, оставив автографы на Рейхстаге, возвращались домой. Вчерашние фронтовики торопились в родные места: только бы быстрее добраться! Ведь дом – вот он рядом, рукой подать. Устали скитаться по окопам, в грязи, пыли, цепenea от страха попасть под шальную пулю в самом конце войны. Соскучились по близким и родным. Быстрее домой, ведь Победа! Победа!..

Победителей население встречало с полевыми цветами на всех железнодорожных вокзалах, станциях, полустанках, гроздьями повисая на них. Хотя многие станции были разрушены после бомбёжек до основания, и прежде, чем ехать поезду, надо было укладывать шпалы.

Трое молодых солдат, израненных, но счастливо уцелевших, в серых от пыли и пота, потерявших свой первоначальный цвет гимнастёрках, в истоптанных ботинках, с обмотками на ногах спешили в родные места, в Молдавию. От них почему-то, а, может, от военных дорог, которые они прошагали и прошли и во весь рост и по-пластунски, исходил дурманящий запах полыни. Скорее оттого, что уже лето наступало, травы давно пробились к солнцу. Травы – они, как люди, живучи...

Вчерашние бойцы перешли границу в районе Чехословакии. Путь держали на Чоп, Мукачево, Черновцы. А вот уже и Бричанские поля... Им же надо в Фалешты. Не так далеко, но ещё топтать и топтать.

После жаркого июньского полудня солдаты с вещмешками и перекинутыми ботинками через плечо, добрались до села Шофрынканы. В руках держали винтовки. Решив передохнуть, остановились попить, а если удастся, то, может, и перекусить. Без сомнения, их впустят в любой двор. На груди каждого

сверкали медали, ордена. Победители!.. Дальше передвигаться у них сил уже не было, хотелось спать, во рту пересохло: язык прилипал к нёбу.

Зашли во двор, который был ближе к краю села. Это было хозяйство семьи Богдановичей. Правда, хозяйством в принятом смысле слова, с натяжкой можно было назвать: всюду сквозило разорение.

С радостными криками солдатиков приглашали зайти вглубь двора:

– Заходите, заходите! Бине аць венит (*молд. – Добро пожаловать*)!

Глиняная, низенькая печка, приосанившись одним бочком к засохшей яблоньке, другим – примостившись на большие округлые камни, трубой тянулась сквозь густую, кудрявую листву. Печка дымилась. Что-то булькало. Готовился немудрёный по тому времени не то обед, не то ужин.

Хозяйка, освещённая золотыми лучами заходящего солнца, красивая, чернбровая молодница Докия, родом из села Шапте-Бань. Моя тётя, старшая мамина сестра, которая к концу войны вышла замуж в это село за гарного хлопца Николая, хлопотала у стола, доставала что Бог послал, накрывала стол. Появились лук, кусочек брынзы, мамалыга, от которой исходил густой, дразнящий пар. Докия взяла льняную нитку, ловко поддела янтарного цвета мамалыгу и нарезала ровнёхенькими ломтиками.

Посыпались вопросы, негодование в адрес катов и палачей. Солдаты охотно отвечали на расспросы сельчан, которые тут же заполонили весь двор.

– Ну, шо, хлопцы, доби́ли гадину?! Ой, як добрэ, шо закончилась война!

– А на яким фронте вы воевали? А не встречали, часом, моего Фтения?..

А Васи́ля не бачилэ?... А Петра...

– Сынки, а мого Виктораша не встречалэ на фронти? Ой, як же я свою кровиночку чикаю! День и ничь, ничь и день... – Встряв с извинением в общий хор расспросов, смахнув набежавшую слезу, задала свой вопрос дрожащим голосом и бабушка Графена. На мужа пришла похоронка. Ждёт она единственного сына, а вестей никаких нет. Молодая ещё женщина. А горе превратило её в старуху.

Мужики крутили сигарки из выращенного в сельском огороде тютюна, наполняя их табачной лапшой, приправляя тонкой лапшой нарезного душистого листа грецкого ореха. Или заворачивали её в лоскуточки, взятой Бог весть откуда газетки. А чаще «махорку» закручивали в расправленный на ладони лист высушенного длинного листа кукурузы. Получалось что-то, вроде сигары. Этим угостили и заглянувших к ним героев. По двору разносился густой кашель...

Лица сельчан светились радостью оттого, что хоть эти мальчишки остались живы, пройдя через все перипетии войны. То-то обрадуются родители, а невесты-то, невесты... Ждут – не дождутся! Жизнь не остановилась на месте, она продолжается вопреки вселенскому горю. Любовь, пройдя через любые испытания, живёт. Жизнь на Земле должна продолжаться.

Рядом, под раскидистым грецким орехом, стояли штыками вверх винтовки: их фронтовики прислонили к срубам колодца перед тем, как присесть на землю. Пока мужики за столом вели разговоры, Докия подошла, потрогала одно из них, повертела. Решила заглянуть внутрь ствола. Разбирало любопытство: откуда вылетает пуля-смерть?

Все увлечены разговорами, не обращают внимания на Докию. Молодая женщина покрутила винтовку туда-сюда, приподняла её перед собой, восторженно подумала:

– Ой, как хорошо, что Коля не дорос для войны! Какое счастье, что мы поженились!

На мгновение она перенеслась в день их скромной свадьбы. Нищета... Одна любовь и счастливые глаза за пустым, считай, столом. Да надежда на будущее! Она вспомнила, как Коля впервые подошёл к ней на танцах. Танцы – жок на площади в центре молдавских сёл в православные праздники, когда разрешалось танцевать. Тогда только и смели подойти парни к девушкам для знакомства!..

– Вот уже и наш первенец появился, – продолжает вспоминать Докица. – Ему уже полмесяца! – Она мечтательно закрыла глаза... замерла. – Митенька никогда не будет знать, что такое война. Никогда! Сыночек наш выраст... – В это мгновение палец коснулся курка, скользнул, непроизвольно нажал... – Ааааа-ай!.. – Пронзительно зазвенело и опрокинулось на головы собравшихся, слилось с выстрелом!словно в поднебесье встревожено-резко вскрикнула птица.

На долю секунды повисла гробовая тишина. Как будто звук тонкой паутиной упал на лесные кусты, не шелохнётся... потом и вовсе оборвался.

Затем людская толпа, враз притихшая, оттого казавшаяся неживой массой, зашевелилась, ожила, забурлила и издала одновременно дикий, душе-раздирающий крик. Перепуганные односельчане стали метаться в разные стороны. Женщины истошно заголосили.

– Докия, Докия-а-а! Очнись, что с тобой?! Доки-и-я!.. Открой глаза!..

С застывшей, счастливой улыбкой на губах Евдокия стала медленно оседать. словно собралась облокотиться от усталости на колодезный сруб, потом передумала и рухнула на землю замертво... Она и была похожа на распластанную птицу, в которую кто-то невидимый выстрелил, оттого она вскрикнула, судорожно хлопая подбитыми крыльями, тщетно пытаясь снова взлететь вверх, но стремительно стала спускаться и комком упала на землю.

Тонкая струйка крови показалась из уголка рта, заливая белую, молодую нежную шею, грудь, стекая на белые камни, которыми было вымощено место вокруг сруба. Алые пятна крови пропитали кремовую, в нежно-розовый, мелкий цветочек блузку... Розовая пена с сукровицей продолжала облачком оседать на чистую ткань.

Женщины заголосили, запричитали.

Солдаты в растерянности стояли, виновато понурились:

– Господи, как же так!? Война закончилась! И не стреляли ведь, а убили. Мы, мы виноваты! – Казнили они себя! – Мы не хотели ничьей смерти! Прости нас, Господи! Простите нас, люди добрые!

Солдаты недоумевали: для того чтобы произвести выстрел из винтовки, необходимо снять винтовку с предохранителя, на который обязательно должна быть поставлена, и только потом нажать на спусковой крючок. Видимо, были какие-то обстоятельства, при которых кто-то из солдат ещё в дороге снял винтовку с предохранителя?.. А тут расслабились на минуту, очарованные тёплым приёмом, забыли обо всём... Неужели, неужели сама Евдокия своими руками лишила себя жизни, смогла нажать на спусковой крючок!? Но чем и как тогда объяснить такой нелепый выстрел!?

Прошедшие сквозь ужасы войны, ни разу не пролив ни капли слёз, они теперь рыдали со всеми, опустившись перед Докией на колени.

Радость сменилась большим горем. Лица родственников, тотчас вытянулись, почернели, выглядели суровыми. Мамалыга остыла, к ней никто так и не притронулся.

Митя, мой двоюродный брат, остался без матери. Часами лежал в люльке, голодный, заплаканный, сучил ножками, гукал, чтоб хоть как-то привлечь к себе внимание, и, вконец охрипший, уставший от собственного крика, смолкал и засыпал.

Через пару месяцев дядя Коля женился: трудно было одному справляться по хозяйству, да и с малым дитём непривычно.

Неродная мать невзлюбила мальчика – лишний рот!

Вскоре отец, заболев тифом, умер. В одночасье Митя стал круглым сиротой. В положенный срок у него родился сводный брат Ваня, которого мать любила, холила, постоянно обижая и упрекая Митю. Несмотря на нелюбовь, Митя рос добрым, смыслёным, ласковым мальчиком. Как будто его маленькое сердечко понимало, что он не нужен этой женщине. Что она ему никто – вернее, он ей никто. Но он родился и должен жить!

Чуть подросший малец помогал неродной матери во всём, но та никак не меняла гнев на милость: он ночевал в переделках – в оставшихся после кормёжки редкой скотины охапках бурьяна, сена, кукурузных стеблей. Или просто в сарае на соломе, если она была.

Кто-то из сердобольных соседей дал Митюшке старую, рваную, замасленную куфайку (*телогрейку*). Истрёпавшиеся края рукавов доставали до земли. Ходил он босиком, поэтому куфайка его немного согревала и ниже коленок.

Животик был не по возрасту большим: видимо, от лепешёк, которые в голод готовили повсеместно из лебеды и других бурьянов. Пару раз мачеха привозила Митю к нам в Шапте-Бань в гости на праздник Вознесения.

...Ранняя весна. Приближались, кажется, пасхальные дни, любимые детворой за крашенки и писанки. В один из таких дней, ближе к вечеру, звякнула щеколда, и у калитки показался Митя. Пешком, босиком, сбив ножки, которые кровоточили от цыпок и ранок, он один полями и дорогой через лес дошёл к нам, своим родным. Немыслимо, как запомнил ребёнок лет пяти путь в другое село!

Поднялся переполох. Все кинулись к Мите. Родня не узнавала ребёнка: худенький, головка из куфайки торчит на тоненькой шейке, как цветущий мак на стебле. На головке платок. Мама моя схватила его, потащила быстрее в сарай – дом типа времянки. Там она перевернула цебрик (*деревянная банная шайка*). С Мити сняли все лохмотья.

Я вначале не могла понять, почему так стремительно проделывались все манипуляции. Мама нагрела воды, обдала кипятком золу: таким образом готовился луг. Вода процеживалась и становилась мягкой, шелковистой и лучше, чем обычная, отмывала тело, волосы. Мыла тогда не было.

Мите намазали коротко стриженные волосики керосином, укутали тряпкой. Я уже догадалась, для чего: неоднократно видела знакомую картину борьбы со вшами, когда взрослым и нам, детям, приходилось проходить через эту неприятную, но до сладкой истомы приносящей облегчение, процедуру.

Вши пожирали нас, голодных, ползая по одежде, зарываясь в складки, переходя от головы на тело, от него на одежду и обратно, заражая вокруг себя всех, кто находился поблизости. Зуд невыносимый, руки то и дело копошились в волосах, тело расчёсывалось до крови. Пожалуй, это было страшнее, невыносимее, чем голод. Голод мы утоляли, поедая душистые, сладкие, как мёд, гроздьё белой акации и её молодые ростки. Период цветения белой акации вспоминается, как сплошной райский праздник. Терпкий вкус молодых стебельков и сладкий мёд цветков помню до сих пор!

Наслаждались мы и кисленькими кое у кого уцелевшими на виноградниках виноградными побегам и усиками. Много было съедено каши – «калачиков»: трава с круглыми, как пуговицы, плодиками и зубчатыми листиками-фестончиками, которой я не вижу на московской земле. Её беленькие цветки со временем превращались в эти самые «калачики». Как крохотные печеньица. Совершенно безвкусные: трава и есть трава, но зато «калачики» были всё лето. Мы «паслись» на лужке, в огороде, как гусята.

В тот день мама вынула из русской печи «малисник», который готовится из кукурузной муки, тыквы, добавлялся макух и, опять же при наличии – молоко, яйца. Получалось что-то вроде запеканки.

Митя наелся у нас тогда от пуза и, довольный, уснул с блаженной улыбкой на лице.

Митя Богданович во время службы в Армии

Он вырос хорошим парнем, отслужил армию, женился, воспитал дочь, внуков. Часто задумывался, как сложилась бы жизнь его, если бы не тот роковой выстрел, который лишил его тёплых, ласковых материнских рук... Не стесняясь, он часто плакал – так жалко ему было родную маму, от которой не осталось даже фотографии. Только смутный, расплывчатый образ в сыновних глазах. Или он скорее угадывался...

В ШКОЛЕ

Школьного здания в селе не было: мы учились в «поповых хатах», стоящих поблизости церкви. У церковного батюшки было несколько домов, и он отдал два-три домика под школу. Один из них был двухэтажным. Мы взлетали по ступенькам вверх и вниз: наши дома стояли на земле, не так интересно ведь.

Детвора часто лакомились яблоками из роскошных поповских садов (их война пощадила) и грецкими орехами. К началу учебного года наши пальцы были чёрного цвета, а ладони коричневыми, даже чёрными, от ореховой скорлупы. Именно в этот момент ядрица орехов белоснежного цвета и очень вкусна. Мы не могли дождаться, когда орехи поспеют, верхняя зелёная кожура сохнет и сама отвалится. Только и видны были жующие челюсти: хрум-хрум!

...Зима.

В Молдавии когда-то были морозы крепче, чем последние пятьдесят-шестьдесят лет. Вот и в те годы, когда я была где-то в классе третьем-

четвёртом, выдалась на редкость снежная и студёная зима. Чернила в стеклянных чернильницах покрывались ледком, и мы подносили их к печке погреть. Печку в классе нечем было топить. Каждый из нас приносил кто соломки на растопку, кто – несколько сухих веток, щепки. И в лес ходили за хворостом.

Я приносила кусочек угля, антрацита: бывшим фронтовикам выдавали уголь. С трудом, но выдавали. Тем, чьи отцы вернулись с фронтов войны, даже поэтому завидовали...

Идёт урок. Мы сидим в пальто, платках, шапках. В рукавицах. Их снимаем только тогда, когда берём в руки перьевую ручку. Тем, кто совсем замёрз, наша любимая первая учительница, Надежда Дмитриевна Кавокина, разрешает постоять у печки, погреться. По очереди грелись все.

Тем не менее, пропускать учёбу никто и не думал. Учились охотно. Впервые преподавание почти всех школьных предметов шло на русском языке. До войны в школе господствовали румыны, на румынском языке велась и учёба. При советской власти молдавский язык получил письменность на основе кириллицы. В последние годы его письменность приобрела латинское начертание, но это уже другая история.

В своё время мой отец закончил семь классов румынской школы. Особенно хорошо у него шла математика. Преподаватели-румыны были жёсткими и жестокими: не выучил урок – получай металлической линейкой по ладони! Ученики ходили с опухшими, в крови и синяках ладонями. Кровь могла брызнуть и до потолка!

После окончания школы отцу предложили преподавать математику в нашей же школе, но дед не отпустил:

– Разве школа прокормит?

Видать, тогда зарплата учителя тоже не была достойна конкуренции. Правда, была весьма и весьма уважаемой, почитаемой профессией, благородной и благодарной: с учителями здоровались, только-только завидев их издали. Кланялись им низко при встречах за много вёрст.

Нашими учителями в разное время были приезжие из России, Белоруссии, получившие места по распределению по окончании институтов. Н.Д.Кавокина была из России. Н.Н. Яцко – из Белоруссии. Замечательная литератор и лингвист! Помню, в десятом классе Наталья Николаевна постоянно поручала мне читать по программе что-либо из Пушкина, Лермонтова, Толстого... Я садилась за стол или на низкий подоконник, воображая себя учительницей, и читала вслух своим одноклассникам стихи, отрывки из прозы. Наверно, это и было решающим в выборе института: я поступила на русско-английское отделение филологического факультета.

ДЕТДОМ

В годы войны в Шапте-Банах был «Детский дом». И тоже располагался в поповских домах. В него привозили осиротевших детей, в основном, из Молдавии. Помнится, почему-то только девочек. Совсем не помню ребят. Может, потому, что у нас с мальчиками обучение было отдельное?..

Девочки были самых разных возрастов: переростки, которым война помешала продолжить учёбу, и мои сверстники.

Самая старшая из них – Мария Салагор, круглая сирота – была из Молдавии, судя по молдавской фамилии. А Туря Тамара – откуда-то из России. Марию мы называли «наша мама». Она вокруг малышни крутилась, суежилась, помогала, заботилась, советы давала. До седьмого класса Мария училась с нами.

Тамара была слабенькой, худенькой, качалась при ходьбе, как тростинка на ветру. Помню, слова выговаривала с трудом, плохо училась. Тяжело, видимо, ей было усваивать школьные предметы. Голос Тамары был тоненьким, тихим. Очень чётко помню её лицо и голос.

Однажды мы писали диктант. На другой день шла работа над ошибками, Надежда Дмитриевна своим ласково-материнским певучим голосом говорит:

– Туря Тамара, к сожалению, допустила больше всех ошибок: ну вот, например: «Чуча» вместо «туча». Все заулыбались:

– Чуча! Тамара Чуча!

Так и стали звать «Чуча Тамара». Конечно, это было жестоко, но дети, об этом тогда не задумывались. Школьники друг другу, какие только не придумывают клички-имена!

Кажется, шёл 1955-1956 год. «Детский дом» расформировали: прилетел самолёт, приземлился на сжатом кукурузном поле. Сирот увезли.

Где она теперь, милая, славная Туря Тамара? Привелось бы встретиться с ней сегодня, попросила бы прощения у неё за всех нас тогдашних, глупых и бестолковых.

ЖДАЛА И ВЕРИЛА

На краю села Шапте-Бан жила семья Безверхних. Дом находился аккуратно у шоссе, которая является для района главной магистралью до самого Рышканского перекрёстка, так как по ней ходят все автобусы, идущие в районный городок, а далее до самого Кишинёва. По этой дороге моя

мама провожала отца на войну. Шли по ней многие в солдаты. Не все возвратились...

Фрасина проводила на фронт мужа. Затем старшего сына. Время пришло – и младшего отдала на войну.

Мужа она не дождалась. Погиб. Старший Георгий пришёл, к счастью, живой, невредимый. А младшего Фрасина ждала. Каждый день выходила за ворота и, вот она, уже на шоссе. Взглядом провожала каждую машину, пронесившуюся с пригорка на большой скорости, поднимая огромные облака пыли. Ждала и плакала. Плакала и ждала.

Проходили годы, десятилетия, а мать ждала. Уже к шоссейке и не доходила – разболелись, отекали ноги. А сердце всё равно не хотело смириться с такой огромной утратой. Надежда не покидала женщину. Фрасина садилась у колодца, облакачивалась на сруб и ждала целый день: кто придёт по воду – с тем поговорит, пожалуется, непрерывно вздыхая. Слёз уже не лила. Высохли слёзы за столько лет.

... Я стала студенткой. Каждую неделю приезжала за продуктами домой и видела скорбящую мать. Потом и пединститут окончила. Работала в школе села Кетросы, а затем – в Кишинёве. Ездила к родителям реже, но согбенную фигуру обезумевшей от горя матери встречала долгие годы у обочины дороги или у колодца.

Сельчане говорили, что «Фрасина приплакала себе сына»: он стал к ней приходить во сне и наяву. Она с ним постоянно разговаривала. Сын обещал вернуться с войны живым. Мать ждала, верила, что он вот-вот вернётся!

Так шаптебанцы и запомнили Великую Мать, каким несть числа. В вечном горе она беседовала с сыном до последних своих дней. Ходила по двору со всклокоченными, редкими седыми волосами, с неприкрытой головой и радостно всем говорила: «Мий Петро скоро вернется. Я, вот, наготовила всё-го, чикаю его»...

ОЖИДАНИЕ

Мать сыночка ждала
С той страшной войны
До последней зари,
До последнего вздоха.
Во дворе,
На печи,
За столом
У зажжённой свечи
Горько слёзы лила
И крестилась,
Молилась,
Вздыхая и охая....

А Жена
Пьёт полынную горечь любви,
Целый век ожидая
В саду...
На заросшей,
Политой слезами, тропе
От родного порога
До чужого,
Холодного рая...
Ищет грустно в толпе
Милый образ, слезу вытирая.
И в бессонную ночь
Нежный шёпот любви
Мнится ей.
Но печаль
Гонит прочь –
Бездонную грусть,
Боль тоски
Без конца и без края
Превозмогая...

Дрогнет сердце Её
От кручинного скрипа
В тиши половиц,
От оконного всхлипа,

Равнодушно-безрадостных лиц...
То на миг замирая,
От бессилья вскипая,
Стоном-плачем
Подушку комкая
И обнимая,
Молясь и молясь, и падая ниц.

Ждёт Она,
Обречена...
Раньше срока седея.
Встрепенётся – немеет,
А очнётся – хмелеет...
Что зима ей, что лето –
Зябко:
Не долюбима,
Не долюбила
И не согрета.
Лишь прозрачная осень
Золотилась в душе –
Даже если весна...

Весь свой век
Мать сыночка ждала.
И, отчаявшись ждать,
Потихоньку ушла...

Наперекор
Ждёт Вдова...
Засмотрелась –
Долу глаза опустила:
Нет!
Грешно ведь! –
Не подпустила!
А молва
Разлилась половодьем
И разошлась,
Уже распустилась...

И мечтать о простом
Бабьем счастье, не смея,
Молодая, красивая
Баба ждёт, всё надеясь...
До сих пор
Наперекор.
Полыхнёт и погаснет,
Снова вспыхнет и оживёт,
Возгорится Любовь
И зовущее, ждущее
Красивое тело
Над миром поднимет –
Надежда всплывёт!
Надеюсь? –
Уже не надеюсь,
О прошлом жалея,
Тускнея... Ссыхаясь, старея...

...Горечь памяти вопрошает,
Нас заставляет,
Предупреждает,
Взывает:
«Не стреляйте!
Не обрывайте!
Не убивайте!..
Убьёте Любовь –
Уничтожите Жизнь!
А исчезнет живое –
Погибнет Земля!
Знаю,
Потому и прошу,
Заклинаю
Я».

23 марта 2013
Мария Веселовская-Томаш

ПРОВОДЫ В МУЖЕСТВО

Начало пятидесятых...

Совсем недавно закончилась война. Ещё изуродованные сады не оправились от варварского отношения к ним лошадей. Ещё нет-нет – и люди вздрагивали по ночам...

В Армию призывали следующее поколение юношей: границы такой большой протяжённости былой единой Родины надо было надёжно охранять. Сердца родных тревожились, но тогда служить в Армии было почётно. Перед солдатом преклонялись.

Когда провожали в армию очередного хлопца, по улице мимо нашего двора каждый раз шло много народу. Перед этим за неделю каждый родственник, сосед и просто желающий, приносил что-то съестное на длинный-длинный стол, который сооружался из досок во дворе, накрывался, чем Бог пошлёт. Будущим защитникам несли махорку на сигарку. Девушки вышивали свои инициалы по углам носовых платочков и дарили на память ухотившим в армию ребятам.

Матери переживали:

– Ой, сохрани Боже от войны! Боже боронэ!..

Проводы были очень грустными. Девочки рыдали взахлёб. Матери голосили.

Хлопцев провожали обязательно всем селом: в первых рядах шли новобранцы вперемежку с только что отслужившими свой срок, или с теми, кому чуть позже тоже предстояло надеть гимнастёрку и кирзовые сапоги.

Два-три ряда юношей, переплетая за спиной крест-накрест руки, шли и пели песни. То были песни военных лет. Их привезли с фронта воевавшие в прошлую войну, с сорок первого по сорок пятый год прошлого столетия.

«Катюша» заканчивалась – слышался «Огонёк». Ему на смену шли «Где ж вы очи карие»... «А помирать нам рановато...».

Как пелись те песни, которые я слышала в детстве! Так сегодня не поют!

А ещё пробивается из глубины далёкого-далёкого детства, рвёт сердце на части, полузабытая песня, которая накрывает меня волной грусти вместе с воспоминаниями: «...А в саду было тихо и спокойно, Сквозь деревья светила луна. На зелёном ковре мы сидели, Целовала Наташа меня...». Не успела я порадоваться за влюблённых, как тут же наворачивались на глаза горькие слёзы за брошенную девушку: «Мне не жаль, что я тобой покинута, Только жаль, что люди говорят...».

Заканчивалась одна песня, за ней шла другая. Ряды, как по команде, замирали: ребята становились в круг. На мгновение зависала тишина, и только всхлипы матери нарушали её. Ребята решали, какую песню затягивать. Ма-

лышня, перестав бегать, замирала на несколько минут, с тревогой наблюдая за взрослыми.

С ещё более глубокой болью щемило сердце от песен, раньше звучавших в далёкой Расее, но только теперь добравшихся до моего молдавского, певучего края, тут доселе неслыханных... Их тоже привезли с собой фронтовики: «...Если любишь – найди, Если любишь – приди, Этот день не пройдёт без следа...Если ж нету любви, Ты меня не зови, Всё равно не найдёшь никогда...», «...До тебя мне дойти не легко, А до смерти – четыре шага...». Уж в то время знали, что такое любовь и разлука. Иногда разлука навсегда.

Тут к рыданиям матери присоединялся усиливавшийся плач молодых девчонок.

Мне тогда не очень понятна была причина такой резкой метаморфозы, но только с годами я поняла: девушки плакали, боясь повторить судьбу матери, не дождавшись любимого... Потому щемящая грусть захлёстывала девичьи сердца.

Процессия проводов подходила к трассе, по которой провожали всех на фронт. Здесь уже песни смешивались, как будто шло соревнование среди огромной толпы: тут затянули «Раскудрявый клён зелёный, лист резной...», а там – «Выйди на крылечко, Ты моё сердечко...». И обязательно в который раз «А помирать нам рановато...»! И уж очень чётко вижу и слышу, всеми сельчанами любимой незатейливую песенку: «...Прощай, Рио-Рита! Я покидаю берег сердцем битый, И здесь, Рио-Рита, Свою любовь увидел в первый раз...».

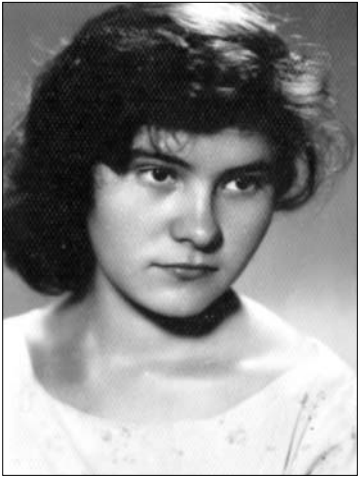
Эта песня мне очень нравилась! Хотя и не всё понимала я в этой, прилетевшей из-за океана, песне.

Не помнится, чтобы во время «проводов в мужество» парни и девушки танцевали. Чётко в сознании звучат мелодии. Это уже несколько позже в сельском клубе мы веселились и отводили душу в танцах в праздники и на фести-валях.

Бесхитrostные песни о любви. А любовь всегда живёт по своим, написанным канонам. Слово пожар, обдаёт молодые сердца, не выбирая места и времени...

Ещё кровоточили послевоенные сердечные раны матерей. Как они голосили! Так жалобно плачет только материнское сердце. В каждые очередные проводы песни-плачи и причитания были первым признаком того, что застолье пора заканчивать и выходить из двора на улицу: такие проводы были ежегодно в течение длительного времени. Я перестала их слышать где-то к середине шестидесятых годов.

Люди стали привыкать к новой, мирной жизни.

Сентябрь 1961. Я первокурсница

ТУП-ТУП, ГУП-ГУП...

Каждый день почтальон проезжал на каруце мимо нашего двора. Сидел он как-то необычно в ней: как будто сидит, но... одна нога свисала чуть ли не до земли. И нога была... не нога – а деревянная ступка.

Я удивлённо спросила как-то отца, почему уйко* Иван НАКАЙ так странно сидит в телеге, что с его ногой? Почему она неподвижна?

И отец мне поведал:

– Так мы ж з Иваном на фронте были. Немец його ранив, ногу зовсім отбил. – Ему сделали протез. Так и ходе Иван! А сколько таких безногих Ива-а-нив!.. На протезах, или на дощичках (*дощечках*) с колесами передвигаются по земле. Руками отталкиваются от земли – так и *идут*. Из нашего села богато людей погибло на фронте, а хто остався в живых, – раду-вовся: нехай будэ без ноги, но живой! Як раз, як и я сам.

До самой смерти дяди Ивана я видела его с вожжами в руках, рядом – сумку, полную газет, писем. В те времена писали письма многие: кто-то родных всё ещё с фронта ждал, а кто – в армию писал, ждал ответа от сыновей.

* дядя

Село наше большое, простирается более трёх километров в диаметре. Оно раскинулось по одну и другую сторону шоссеной дороги по пригоркам, холмам, оврагам, доходит до леса. Иван Накай жил как раз на самом краю села у леса. Колхоз ему выделил каруцу с лошадью. Он её и содержал, кормил, поил, ухаживал.

Исходил-изъездил бывший солдат за много лет село вдоль и поперёк: разносил письма и пенсии фронтовикам, газеты, на которые в обязательном порядке заставляли подписываться.

А ещё Иван умудрялся танцевать! А нога – что, нога...ей сносу нет: туп-туп, гуп-гуп!.. И только разносилось по улицам в адрес лошади, норвящей ущипнуть травку, как только Иван ослабевал вожжи, чтоб смастерить очередную сигарку или отдать почту: «Но-о-о! Штя, штя! Куда пошла, Катинка!? – Гаття!».

Так направляют лошадь влево, вправо. Это тебе не руль автомобиля! Тут надо знать ласковые слова, других животное не послушается, рванёт, да так тебя занесёт, что из самой каруцы пробкой вылетишь!

Иван много слов тёплых, нежных говорил на ушко своей послушной Катинки: лошадь его понимала, отвечала взаимностью. Как будто знала, что кроме неё, никто Ивану не поможет. Нет-нет и слышался в пути тихий, мерный разговор человека с лошадью: он ей о своих бедах, радостях, она ему в ответ только отфыркивалась, мол, понимаю и сочувствую. Зато на временных остановках Иван свою спасительницу гладил, почесывал бока, отгонял муху... Катерина, то есть, Катинка, довольная, фыркала, крутила головой, от чего роскошная грива веером расходилась в разные стороны, а пышный хвост описывал замысловатые круги. Иван давал ей душистое сено, овса насыпал в торбу – вот тут животное вообще от радости громко ржало-урчало. Живое существо требует внимания. Как женщина, говаривал Иван...

Большинство одиноких женщин, не дождавшихся мужей с фронта, да и девушки тоже, рады были оказаться хотя бы рядом с мужчиной. А если он заглянет ей в глаза... Да пригласит на танец... В нашем селе, кстати, не принято было танцевать женщине в паре с женщиной. Что это за танцы!? Не-ет, партнёром должен быть, пусть и на деревянной ноге, но всё-таки мужчина!

Много лет спустя, когда я уже преподавала английский студентам в пединституте, узнала, что не стало неунывающего почтальона уйка Ивана, солдата с протезом вместо ноги. Навсегда умолк разносившийся по Шапте-Банам тот своеобразный разговор Человека и Лошади и непонятый мною в детстве звук: туп-туп, гуп-гуп...

ПРОСТИ, ОТЕЦ, ЧТО ОПОЗДАЛА!

Трапеза наша редко проходила за столом. Разве что, когда кто-то в гости приходил. Ели, сидя за деревянной столешницей, сработанной отцом, которая располагалась на разостланной домотканой скатерти прямо на земле или на полу. Так отцу легче было найти место для раненой ноги.

Как-то он садился на пол и больной ногой случайно задел ножку стола. Господи, как же он заохал! Обхватив обеими руками ногу, он стал её нянчить. До сих пор звенит в ушах:

– Вай-яй-яй-яй-яй! Ой-ёй-ёй-ёй! Аххх! Ммм!..

На глазах отца заискрились слёзы... Стало обидно, что не могу облегчить страдания отца, не в силах унять его боль. Повисла тишина: мы боялись в этот момент шелохнуться.

Мама налила в рюмку самогона, который у нас никогда не переводился – это было средство первой помощи. Отец выпил, затих. Я и раньше видела, что отец, зайдя с улицы в дом, наливал себе горького зелья.

Мама объясняла, вытирая фартуком глаза:

– Ой, горе яке! Коли хоть трошки (*немножко*) выпьет, то нога задеревенеет, затерпне, и боль притупляется. Война проклятая!

Война, потом голодовка... Растили нас, троих детей, трудно. И родители крутились постоянно, что белка в колесе. Покинув лушко (*ложе, постель*) на рассвете, просто заползли в него уже, когда напроць стемнеет. А ночи у нас – тьма-тьмущая! Света электрического на селе пока ещё не было. Вечеряли при свече или керосиновой лампе...

Вот уже в шестидесятые годы и электричество появилось. Но всё равно сэкономили деньги – да какие это были деньги в то время!? Палочки за трудодни... Электричество берегли: лампы не везде и горели. Столбы стояли на огромном расстоянии друг от друга, и порой без лампочек. В каждую субботу, будучи студенткой, я приезжала домой снова за нехитрыми продуктами, а в воскресенье, ближе к вечеру, обратно грузилась в попутку или автобус с коробками картошки, овощей, фруктов, муки, брынзы.

Помню, мама сидит у печки во дворе под раскидистой шелковицей, помешивает полуметровой алюминиевой вилкой, которую ей вылил из алюминия, смастерил отец, пирожки с картошкой, капустой или свеклой, соединив её с кислыми яблоками, в огромном котле, вёдер на пятьдесят. В нём варили к большим праздникам, свадьбам, крестинам, поминкам холодец, борщи, плов. Пирожками я потчевала подружек, запивали мы их чаем из веточек вишни, яблонь и трав на завтрак или ужин. От жареной пищи вечная изжога сжигала нутро с самого детства.

Плечи мамы часто вздрагивали: она, постоянно не отсыпавшаяся, куняла (*клевала носом*), не выпуская вилку из рук. И только «дзень, звяк» приводило маму в чувство. Она, очнувшись, хватала вилку и с новой силой помешивала пирожки, успевая выловить готовые и опустить новые. Какие-то пирожки успевали уже стать «шоколадными» по цвету, как негры, плавали в белой пене казана.

На всю округу разносился щекотавший ноздри аромат... Соседи знали: «Это Томаши собирают дочь в институт». Готовили мне продуктов на неделю. Денег не было. Стипендии тоже не хватало. Её – а это двадцать два рубля – я делила на питание: рубль на день. Домашние заготовки позволяли мне, экономив, приобрести что-либо из одежды. Когда отчитывалась, то мама всегда с грустью комментировала:

– Счёт есть – денег нет!

А отец выносил свой вердикт:

– Экономить надо. Ты учиться поехала или тряпки покупать?!

Одевалась, как могла. От моды в одежде я всегда отставала. Отец ругался за расточительность. Ещё в детстве, едва я доставала до ножной педали швейной машины, он научил меня шить, и я всю жизнь себя обшивала, перелицовывая пальто, или из пальто сооружала казакин, жилет, всякие юбки. И, конечно же, шила платья. Лет 10, как не шью уже себе сама ничего: полно тряпья на рынках. После окончания пединститута я этим и промышляла, а ещё подрабатывала частными уроками английского языка. Ах, если б не война, может, отец был бы жив и сегодня! Он многому нас, детей, научил делать всё своими руками.

К нему, помню, в пятидесятые годы в очередь выстраивалось полдеревни: мужикам, всем хлопцам села шил он кепки в клинышках или типа больших, почти кавказских кепи-аэродромов. Особенно было много заказов перед Пасхой. Себе он шил вельветовые костюмы, тужурки, жилеты, тулупы, а нам с мамой платья.

В магазинах не было особых товаров. Отец выменял в голодовку старую швейную машинку «Zinger», укомплектовал её недостающими, самым сработанными деталями, запчастями. Находясь на излечении в госпиталях, выписывал книги по кройке и шитью из московского магазина, который и в те годы располагался на Кузнецком Мосту. Учился кроить, шить и меня учил «читать» выкройки.

Ранними утрами я просыпалась от безбожной вони: отец, кажется, на бензине, готовил какой-то клей, который называл солюцией – тут явно сказало влияние молдавского языка – и латал резиновые галоши, боты. Резиновая обувь – единственная, которую и я носила в детстве. В зиму была слякоть, но были и морозы. Обувь постоянно рвалась у сельчан в загонах, свинарниках, дворах-огородах, да просто на улицах. Родители заклеивали дыры, затем края выравняли косым острым ножичком, отец для него приспособивал лобзик, косо отрезав и остро наточив.

Всё время нам твердил:

– Ваши руки должны всё уметь! Мало ли куда вас забросит судьба, да какие там будут условия!

За эти советы я отца благодарю всю жизнь. Я умею и знаю многое. Хотя исправить молнию в юбке, в сумке, сапогах, или старый-старый утюг привести в рабочее состояние. Да-да, утюг с той самой, часто перегоравшей, спиралью в керамических пацёрках (*бусинах*) на подошве утюга. Или зашпаковать дыру в одежде... Хотя сейчас это искусство, к счастью, но в том давнишнем виде не востребовано, но мои латочки в своё время вызывали всеобщее одобрение. Все признавали мою работу художественной шпаклей. Это всё от отца!

Сам он без дела не сидел ни минуты. Опираясь на пару костылей, ковылял в мастерскую, становился к станку и что-то мастерил, точил, вбивал, строгал, пилил. Норовил копать землю, чистить виноградные кусты. В начале осени по селу плыл дурманящий аромат молодого бродившего вина. В подвале стояли две-три бочки, которые ходили ходуном, пока вино играло!

Работа от зари до позднего вечера захватывала отца и мать так, что к вечеру они падали с ног. Завтрака не было, а обед выпадал на «ближе к ночи».

Был бы отец жив сегодня! О многом расспросила бы его ...

Прости, отец, что опоздала!

Июль – декабрь 2010

*Василий Илларионов
после Чеченской войны войны*

НА ЭТОМ ЖИЗНЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Это длится много лет: 9 мая с самого утра включаю телевизор и не отхожу от него весь день. Знаю, что снова и снова будут транслировать военный парад, снова увижу дорогие лица фронтовиков. Кто-то сидит на трибуне, кто-то шагает в праздничном марше. И будет соблюдена неизменная традиция: интервью с фронтовиками... Отвлекаюсь за редким исключением, чтобы не пропустить ничего. Солдаты рассказывают о войне, слушаю, переживаю трагические события вместе с ними.

Так было и 9 мая 2001 года. Телефонный звонок... Через минуту вернулась к экрану. Шла передача «Отчизны верные сыны». На сцене стоит молоденький солдат. Герой Чеченской войны: Василий ИЛЛАРИОНОВ. В чёрных очках. Пустые рукава куртки грустно опущены вниз туловища. Я на мгновение застыла. Прислушалась.

– О чём ты мечтаешь, Вася? – Спрашивает ведущий программы.

– Мне специалисты обещают сделать такие протезы, немецкие, которые дадут возможность делать что-то, как своими руками, поднять чашку, например, – повернув голову влево к ведущему, ответил Солдат.

– А чего ещё бы ты хотел?

– Надеть куртку десантника. Моя пострадала при взрыве гранаты...

В ту же минуту к нему на сцену поднялся офицер и надел на плечи Василия куртку.

Я собралась в комок, ресницы дрогнули и слёзы бежали по щекам. Много, много раз ловила себя на том, что не могу без боли слёз смотреть филь-

мы, читать статьи-книги на тему войны, а уж смотреть на сегодняшних героев очень больно.

– Чего бы тебе хотелось больше всего?

Василий тут же ответил:

– Хотя бы услышать голос своей девушки. Моя первая любовь... Мы с ней расстались, когда я ушёл в армию... С тех пор не виделись. Очень хотел знать, как она живёт...

– Ты знаешь, мы искали твою девушку, даже милицию подключили. Она съехала с прежней квартиры, а на новом месте нет телефона. Вот и пришлось обратиться за помощью к милиционерам, они обещали разыскать её. Если всё будет удачно, то она приедет... Её нашли, Вася! Она идёт! Идёт к тебе!

В ту же секунду Василий растерялся, заметался, стал вращать головой в разные стороны. По звуку определил: девушка подходит к нему из глубины сцены. Весь в напряжении. Услышал шаги сзади слева. Шаги приблизились, он догадался: «Она!».

Девушка подошла сзади к Василию, обняла его. Как беззащитный зверёк, юноша уронил голову на девичью грудь. Он положил остатки рук от локтей до плеч, как лапы кладёт на грудь хозяину преданная собака. От рыданий голова юноши вздрагивала всё чаще и чаще. В зале звенела тишина.

Девушка гладила руками по спине бесстрашного Солдата, который рискуя жизнью, спас своих друзей.

Мне никак не удавалось успокоиться, слёзы душили, пока не вылились в строки... Родилась песня. О любви. О Мужестве.

ВИДАТЬ, НА ТО ВОЙНА

Василию Илларионову

Какое утро над Землёй встаёт,
Какое Солнце льёт лучи в глаза,
Когда Луна на небосвод взойдёт
И как сверкает на заре роса?..

Ценою жизни спас своих друзей,
А сердце Родины в руках держал
И на виду он у Планеты всей
Свою любимую во мгле ласкал.

И Орден Мужества ему вручён
За то, что выстрадал смертельный бой.
Живёт солдат – не сломлен, не сражён,
Мечтает первенца обнять рукой...

А раны ноют и душа болит!
Победа снова на солдат – одна!
Он на войне проклятой был подбит...
А что война? – Видать, на то война!

9 мая 2001

Через два года родилась ещё одна песня: эпизод до сих пор стоит в глазах. Не запомнила имени девушки, и да простит меня Василий и его девушка! – в песне моей имя просто «Елена» – образ собирательный. Надо думать, таких девушек было много, кто сберёт Любовь.

ВЕРНОСТЬ

*Васе Илларионову –
Герою Чеченской войны*

Госпитальная палата
На четыре места.
В ней безусые солдаты,
К ним пришли невесты.

Там, в углу, к окну поближе,
Прислонившись к стенке,
Вася, словно солнце рыжий,
Обнимает Ленку.

Непослушными руками
Расплетает косы.
Сердце девичье – не камень:
Уронило слёзы.

Слёзы капали-катились
По груди упругой,
И сама любовь склонилась
И целует друга.

Сквозь страдания и муки,
Горечь и обиды
Тянет неживые руки,
Смотрит – и не видит...

Госпитальная палата
Вмиг оторопела:
Лена в подвенечном платье
И фату надела.

Вся Земля войной объята,
Взрываю стало тесно.
Гибнут каждый день ребята,
Ждут и ждут невесты...

18 – 23 марта 2003

ИЗМАЙЛОВ ВЯЧЕСЛАВ О ВАСИЛИИ ИЛЛАРИОНОВЕ

В самом начале Второй Чеченской кампании первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник МАНИЛОВ регулярно озвучивал цифры безвозвратных потерь и число раненых российских солдат и офицеров. Когда число погибших перевалило за тысячу, говорить об этой печальной статистике стали от случая к случаю, а затем – и совсем замолчали. Видимо, на самом верху решили не портить настроение себе и не будоражить народ: мол, погиб солдатик из глухой деревушки, оплачут его там, похоронят, а вместо него поедет воевать в Чечню его земляк-доброволец – мстить. Что касается покалеченных за эту войну, то их число перевалило за 15 тысяч. От государства они получают только бесплатные протезы. А всё остальное – как придётся. Вот обыкновенная история.

Васе Илларионову сейчас 21 год. Он из многодетной семьи из маленького городка Лиски, что в Воронежской области. Вася – шестой ребёнок, всего их – семь. Окончил девять классов. Обучился на механизатора. В 18 лет призван в армию – это был декабрь 1999! Как раз когда началась Вторая Чеченская кампания. Через полгода попал на войну. Шесть месяцев прослужил десантник-гранатомётчик Василий Илларионов. В феврале 2001 года в бою получил тяжёлое ранение. В результате – ампутированы обе руки почти до локтей, нет левого глаза, правый еле видит. Да ещё тяжёлая травма ноги.

С протезами, полученными от государства, Вася даже ложку ко рту поднести не мог: протезы до боли натирали культи.

И всё же Васе Илларионову повезло. Повезло, что оказались рядом равнодушные люди. Мэр города Лиски выдал десантнику ордер на новую квартиру. А военный комиссар полковник КОЗЛОВ устроил на работу: взял к себе в военкомат комендантом.

Не оставили в беде и бывшие десантники из фонда «ВДВ – боевое братство». Все эти годы они и морально, и материально поддерживали Васю Илларионова.

Руководитель фонда Александр Макеев сам отслужил срочную в десантных войсках. Сейчас – бизнесмен, специализируется на продаже автомобилей. А вырученные деньги он и его товарищи вкладывают в свой Фонд, чтобы помочь таким же ребятам, как Вася.

На прошлой неделе ребята из Фонда в очередной раз пригласили Васю в Москву для того, чтобы в Институте травматологии сделать ему новые хорошие протезы из немецких материалов.

Вася надеется, что с новыми протезами он сможет хоть что-то делать руками: ведь молодому парню надо заводить семью, а на инвалидную пенсию в 1567 рублей прожить невозможно. Мы обязательно будем следить за его судьбой.

20.01.2003

КИРИЛЛОВ РОМАН О ВАСИЛИИ ИЛЛАРИОНОВЕ

– Было это 22 февраля 2001 года, – вспоминает Василий Илларионов. – Мы получили задание проверить блокпост милиции в одном из районов Чечни. Когда оттуда вернулись, всё и произошло.

Взвод расположился на отдых, десантники отложили оружие...

– Сработало какое-то шестое чувство, – говорит Василий. – Я обернулся и заметил летевшую в воздухе тень, но не понял даже, что это такое. Автоматически выставил руки. И ведь даже не ловил её – она сама мне как-то в руки попала. Когда открыл ладони, то увидел, что это граната от «подствольника». Всего секунды две-три у меня было: она ведь самоуничтожается.

Зажав в руках гранату, Василий успел подумать лишь о том, что отбросить её уже не успеет. Это спасло его товарищей, которые в момент взрыва сидели рядом. Все потом сказали, что только двое получили легкие повреждения: их даже не отправили в госпиталь.

– Когда я очнулся после всех этих наркозов, то сначала практически не помнил, что со мной было, – вспоминает Вася. – Когда стал приходить в себя, то понял: что-то не так. Во-первых, я не вижу ничего. Встать не могу, подняться не могу. Сразу захотелось голову почесать. Пытаюсь почесать – а нечем. Не понял. Ещё ближе руку подтягиваю и чувствую, что это не кисть, а бинт какой-то.

Врачи тут же сделали ему «успокаивающий» укол, и Василий, как он сам говорит, опять «уехал». А очнулся уже в самолёте. – Его переправляли в ростовский военный госпиталь.

В ростовском госпитале на тот момент Илларионов оказался самым тяжёлым пациентом. Физическую реабилитацию врачи считали возможной, но настаивали на том, что парню нужна ещё и моральная поддержка. Некоторое время спустя Васю отправили в Москву, в госпиталь Бурденко, где врачи пытались спасти зрение.

– В Бурденко ко мне приезжал бывший десантник, офицер в отставке Александр МАКЕЕВ. Он навещал меня, говорил, что нужно держаться. Я ничего не ел, ничего не пил и ничего не хотел. А он так и сказал: «Надо держаться. Ты ж всё-таки десантник, мужчина, подумай о матери, о близких, как они воспримут тебя такого. Надо показать, что ты настоящий русский мужик!» – Вспоминает Василий.

Лечащий врач Леонид Александрович, фамилию которого Вася не запомнил, смог спасти бойцу один глаз. Пока Василий мотался по российским госпиталям, от самого Моздока его «вёл» военком города Лиски (Воронежская область) Анатолий БЕЛОУСОВ.

– Когда Белоусов узнал, что я могу поговорить с ним по телефону, то

спросил, когда можно прислать мать. Я сказал: когда начну видеть, ходить нормально, тогда и пришлешь. Не хотел, чтобы мама видела меня таким разбитым. Она вместе со всей семьёй приехала ко мне на день рождения – 28 апреля. А в декабре меня выписали. Но сколько я лежал и сколько думал, чем заняться, как дальше быть! Но не мог вообще ничего придумать. Боялся. В госпитале мы все одинаковые, все друг друга поддерживаем. А вернусь, как люди посмотрят?

Однако когда он вернулся в родные Лиски, когда увидел друзей, когда встретил однополчанина Михаила ШАВЛОВСКИХ, понял, что сможет жить. Государство выплатило Василию «боевые» – почти 135 тысяч, страховку. На эти деньги он купил мебель, помог матери, родным. В июле прошлого года Василию помогли устроиться на работу – в тот самый военкомат, из которого он призывался.

– Мне всякими делами предлагали заняться, но я решил купить автобус, – сказал Вася. – Познакомился тут с десантниками и по их совету решил взять маленькую «Газель» и нанять водителя, – в Москве много таких ходит.

Так десантник Василий Илларионов стал первым в Лисках владельцем частной «маршрутки».

– Если честно, то я ни о чём не жалею. Вернуть всё назад – я ещё раз пошёл бы по тому же пути. Девушка у меня есть, зовут её Оля.

Сегодня Василий Илларионов пойдет на аллею «афганцев», встретится там с другими десантниками, со своим однополчанином Шавловских. Может, к нему приедет Антон СИМОНОВСКИХ, с которым они крепко сдружились в одном из госпиталей.

– В первую очередь надо оставаться мужчиной, – считает Василий. – Думать головой, не налегать на спиртное, потому что всё это свои последствия будет иметь: избил, подрался, убили, своровал, посадили. Не падать духом и держаться. На этом жизнь не кончается – на себе испытал.

03.08.2003

Анатолий Александрович Козлов

Январь 2012

На просьбу рассказать о себе Анатолий Александрович отозвался с радостью, но, видимо в силу своей природной скромности, поведал о себе очень кратко. Зато каждое слово – на вес золота, оно содержит много ценной информации.

Читаешь его строки и видишь яркие «картины» военного времени. Повествует Анатолий Александрович о себе, бывшем в то время мальчишкой, а говорит обо всех маленьких блокадниках. Благодаря и их усилию, мужеству выстоял город на Неве. Дети и взрослые не роптали на судьбу, но были счастливы помочь Родине. Даже ценою собственной жизни. По-взрослели вмиг, наверно, это им помогло выстоять. На Алтарь Победы они отдали пот и кровь, все силы, как и остальные солдаты, преданные своей Родине, «Жители» огромной страны. Ребят и взрослых Анатолий Козлов уважительно называет с большой буквы.

Сегодня Анатолий Козлов – член Союза журналистов России и города Москвы и Военного научно-технического общества им.Фрунзе, объединяющего ведущих специалистов во всех областях разработки и внедрения всех видов вооружения, а также член секции культуры этого общества.

Мария Веселовская-Томаш

Ленинградский мальчик, я из категории тех многих пацанов, которые, спасая страну в тяжёлые годы военного лихолетья, по пятнадцать часов стояли у станков, обеспечивая фронт необходимыми боеприпасами. Как и они, отношусь к воспитанникам детских садов города Ленинграда, которые обрабатывали чердачные деревянные перекрытия огнезащитными смесями для предотвращения пожаров. Ребята вели неустанную борьбу с зажигательными бомбами на крышах домов.

Наше молодое поколение воспринимало войну гораздо с большими эмоциями, чем взрослые люди, их родители и близкие. Именно поэтому нам, Жителям блокадного Ленинграда, тема войны так близка, болезненна и сидит занозой в каждом сердце. Именно поэтому сегодня Жители блокадного Ленинграда с гордостью носят звание Ветерана Великой Отечественной Войны и до настоящего времени получают многочисленные награды в честь знаменательных дат советской освободительной войны.

Группа бойцов Ленинградского гарнизона на отдыхе. Стоящий первый справа с трубкой и планшетом – замполит КОЗЛОВ Александр Гаврилович. Впоследствии – первый заместитель Уполномоченного ставки Верховного Главнокомандующего по Ленинграду, обеспечивавшего Ленинградский фронт всем необходимым.

Пропуск на право прохода по городу
Ленинграду в запретное время

ШЛА ВОЙНА, СЛОВНО ТУЧА

Чёрным дымом пути застилая,
Шла война, словно туча из горя и зла,
Мощь и силу свою созная,
Сея смерть по стране моей, с наглостью шла.

И гудела земля, и стонали дороги,
И изрытое взрывами поле мертвело.
Шли надменно враги, как военные боги:
Получали кресты за смертельное дело.

Кругом шла голова от блестящих побед,
Но неведомо было хвастливой орде:
В череде всех потерь, что не видывал свет:
Ведь советский солдат только крепнет в беде!

И, как кость, для прожорливой глотки,
Как неведомой толщи и силы скала,
Отвергая фашистские сводки,
Не сдавалась любимая наша Москва.

Будут вечно столицы защитники с нами,
Пусть уже никогда им с войны не вернуться!
Уходя, прикасались к знамёнам сердцами, –
Чтоб не струсить и не спасовать, не согнуться.

ЗАЧЕМ ВОЙНА ПРОКЛЯТАЯ ПРИХОДИТ

Зачем война проклятая приходит,
И в плену из скорбных, горьких слёз
Родных и близких навсегда уводит
На вечно мрачный, плачущий погост?..

Зачем слова скупые похоронки
Осколком льда впиваются в сердца?!
Ведь горький стон, мучительный и звонкий
Нам не вернёт ни сына, ни отца...

Зачем войны помощник – страшный голод,
Сбирая дань с господского стола,
Вселяет в души страх и смертный холод,
И прибирает слабые тела?

Войны уж нет седьмой десяток...
Но боль, сплетённая клубком,
Пытает выживших солдаток
И всех пришедших на поклон.

Цветок на холоде гранита –
Не просто глупой моде дань:
Он говорит, что не забыта
Страны прискорбная печаль.

Ведь люди знают, люди верят
В великий подвиг русского солдата.
Любовь к Отчизне не измерить:
Она дороже серебра и злата!

И день великий вспоминая,
Кривить душой Всевышний не велит.
Героев подвиг охраняя,
Их правнук на часах стоит.

БЫЛ ПРАВ ПОЭТ

Был прав поэт: нет, сын не умирает,
А просто рядом быть перестаёт.
Но как смириться, что страна теряет
Своих последних лучших из сынов?

Весь путь пройдя – от Бреста до Берлина,
Бессмертие неся на кончике штыка,
Мы точно знали: жизнь непобедима
И не имеет срока и конца.

И павшие в бою навечно будут с нами,
Кто жив остался – свой покинет пост –
Для всех живущих – боевое знамя,
А не притихший в горести погост.

Они бессмертны, как бессмертна Правда,
Бескомпромиссная и горькая подчас,
Глядит глазами простенькой ограды,
Страдая, молча упрекая нас.

И сколь богато ложь не наряди,
И блага людям неземные не сули,
Отчизну не предавшие: Они
И Правда – это соль земли.

Духовная основа всех основ –
Любовь к Отчизне, матери и к детям
И искреннему подвигу отцов,
Что бережём сильнее всего на свете.

Уходят ветераны с поля боя,
Израненные пулями Судьбы.
Но реет гордо Знамя Боевое.
Атаки наши с вами – впереди.

СТАЛИНГРАД

*Посвящается годовщине Сталинградской битвы:
«Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход».*

Братья Покрасс и Б. Ласкин

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Страна спасала город Сталинград,
Тяжёлый бой вели, ещё не зная,
Что повернём захватчика назад.

Земля гудела в яростной атаке
Изысканных немецких дикарей –
Специалистов в применённых плахи
И порожденья страха у людей.

Не знала свора, что в советской школе
Не дрогнувшие граждане страны,
Не знавшие всех горестей неволи,
Учились говорить: «Мы – не рабы!».

И как экзамен, каждое сраженье!
И каждое сраженье – как итог!
А мощь врага – как злое наважденье:
И выдержать его не каждый смог.

Но крепла мощь советского солдата
На рубеже, захваченном врагом.
И, как Суворов нас учил когда-то:
Врага мы не впустили в отчий дом!

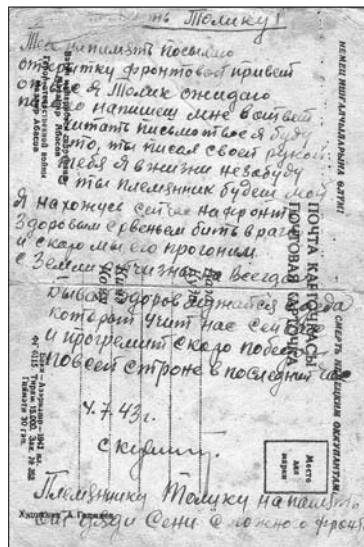
Гремя огнём, сверкая блеском стали,
В атаку перешли на всех фронтах.
А город наш, носящий имя Сталин, –
Как героизму памятник в сердцах.

На память Толику!

Тебе на память посылаю
Открытку – фронтовой привет.
От вас я, Толик, ожидаю
Письмо, напишешь мне в ответ.

Читать письмо от вас я буду,
Что ты писал своей рукой.
Тебя я в жизни не забуду
И ты племянник будешь мой.

Я нахожусь сейчас на фронте
Здоровым, с рвением бить врага,
И скоро мы его прозвоним
С Земли Отчизны на всегда

Бывай здоров, мужайся в деда,
Который учит нас сейчас.
И прогремит скоро победа
По всей стране в последний час.

4.7.43 г.
Племяннику Толику
от дяди Сени
с Южного фронта

Эти незамысловатые, но такие трогательные строки из стихотворения, присланного на фронтовой открытке моим дядей КУЛЬПИНЫМ Семеном Антоновичем в 1943 году с Южного фронта, адресованы мне, девятилетнему мальчишке.

Когда прогремела Победа, дяди Сени уже не было. Эта открытка была его последним письмом: он погиб в бою за Родину.

Чем дальше время удаляет нас от этой самой кровопролитной войны, которую назвали Великой Отечественной, тем меньше остается памяти о близких нам людях, сложившим голову за свой народ и Родину, защищая своих матерей, детей и жён.

Мы уже не упоминаем о Гражданской войне – о ней почти забыли. Но ведь она тоже принесла много горя нашему народу. В Гражданской войне с 1917 по 1922 год от голода, болезней, террора и в боях, погибло от 8 до 13 млн. человек, в том числе около 1 млн. бойцов Красной армии.

Не прошло и 19 лет, как началась Великая Отечественная Война. Страна ещё не оправилась от потерь в Гражданской войне, как на неё обрушилась эта чудовищная и разрушительная война.

Небольшая фронтовая открытка, адресованная дядей своему малолетнему племяннику, из самого пекла войны, напомнила мне и моим близким о невосполнимых потерях, которые понесла наша семья за период этих двух войн.

А было это так.

Моя бабушка Жаринова Акулина Егоровна в 15 лет вышла замуж за Кульпина Антона Федоровича и попала в семью моего прадеда Фёдора, в которой было восемь сыновей, а мой дедушка Антон был самым младшим, ему исполнилось 18 лет.

Семья была состоятельной и дружной. Все жили в одном доме, занимались домашним хозяйством, выращивали зерно и растили скот. Всё было хорошо, пока не случился страшный пожар. Выгорело почти всё село, в том числе и дом моего прадеда: семья начала делиться. Некоторые из старших братьев построили свои дома, а мой дед со своей семьёй остался в отстроеном доме своего отца.

Вскоре началась Первая Мировая война, которая затем перешла в Гражданскую. Красные воевали с Белыми. Пошли брат на брата, сын на отца – это было очень страшное время.

Так было и с моей семьёй. Некоторые братья моего деда воевали на стороне красных, а некоторые – на стороне белых.

К исходу войны из мужского поколения большой и дружной семьи остались: мой дед с двумя малолетними сыновьями и двумя дочерьми, и его старший брат Иван с маленьким сыном и тоже с двумя дочерьми.

Я хорошо помню дедушку Ивана, который в бою с Колчаком под деревней Сарайки получил 12 штыковых ранений и чудом остался жив.

Моя бабушка рассказывала, как она с женой деда Ивана прочищала ему сквозную рану плеча, протаскивая бинт с помощью вязальной спицы.

В этом бою под Сарайкой погибло почти половина мужчин нашего села, в том числе почти все взрослые мужчины из семьи прадедушки Фёдора.

Сейчас на месте Сарайки установлен памятник, который давно требует ремонта, и уже тяжело найти сведения об этом кровопролитии. Только в школьном музее деревни Сизёво Новосибирской области, расположенной недалеко от Сарайки, упоминается этот бой.

Дедушка Иван не дожидаясь начала Великой Отечественной, он умер, когда мне было около 5 лет. Я помню его глаза, которые всегда светились добротой, была у него бородка клинышком, как у Всесоюзного старосты М.И. Калинина, внушала доверие и уважение. Он баловал меня, а его сын Павлик меня любил, катал на лошади и опекал во всём, видно потому, что я воспитывался без отца.

Мой дед Антон Федорович отделился от семьи своего отца, когда село во время гражданской войны выгорело почти полностью во второй раз.

Он построил большой дом в центре села, где поселился со своей семьёй.

В 1933 году деда арестовали по ложному доносу. Вскоре он был расстрелян, как враг народа, под городом Канск (ныне Куйбышев), недалеко от Барыбинска. Реабилитирован уже после смерти Сталина.

К началу Великой Отечественной войны из мужского поколения нашей семьи остались два сына моего деда Антона: Семён и Дмитрий, и сын деда Ивана – Павлик.

Я часто мысленно обращаюсь к своему дедушке Антону:

– Дорогой дед, прости власть, которая расстреляла тебя по ложному доносу. Её давно уже нет. Она сама себя оклеветала. После твоей смерти в 1941 году началась новая кровопролитная война, которую назвали Великой Отечественной. Твой брат Иван немного не дожидаясь до неё, а его сын Павлик, в самом начале войны призван в армию и через месяц погиб на фронте. Твой сын Семён, с женой и двумя сыновьями выехал из села на родину жены сразу же после твоего ареста. Он окончил бухгалтерские курсы и перед началом войны работал по специальности.

Когда разразилась война, Семёна призвали в армию, он окончил ускоренный курс военного училища, получил офицерское звание и направлен на фронт командиром взвода. Он часто присылал письма с фронта своей маме и сестрам. Последнюю открытку со стихами мне – твоему внуку, он прислал в июле 1943 года. Вскоре после этого пришло извещение, что он погиб в

бою, а вслед за ним – письмо от командования и офицеров воинской части, с соболезнованием и благодарностью матери за воспитание сына. Ему было 29 лет.

Без отца остались два сына. Они добросовестно отдали долг Родине, отслужив в Армии действительную военную службу. Связь с ними потерялась в 1969 году, после смерти моей мамы. Она вела переписку семьёй дяди Сени.

Твоего младшего сына Дмитрия, после того, как тебя арестовали, не брали в армию. Но он написал письмо Наркому Обороны Ворошилову, после чего на военкомат пришло распоряжение призвать его в Армию 1940 году. Начало войны застало Дмитрия в городе Львове, он был начальником прожекторной станции. Погиб в первые дни войны.

Мой отец Николай, после того, как тебя арестовали, не захотел жениться на дочери врага народа, бросил твою старшую дочь Ксению беременной, получил повышение по службе и уехал из села. Несколько лет платил алименты. Перед войной работал прокурором в Челябинске. С началом войны был призван в Армию. Пропал без вести.

Я, твой внук Анатолий, вместе с моей мамой и бабушкой Акулиной, после твоего ареста и продажи нашего дома государству, жили на разных квартирах у родственников. Это длилось до тех пор, пока я не окончил школу и военное училище. Когда стал офицером, выкупил маме и бабушке дом у родственников, и у них появилась своя крыша над головой. Я добросовестно отдал свой долг Родине, отслужив 26 лет в Советской Армии. Сейчас на пенсии. В этом году мне исполнится 80 лет. Начал писать стихи. В память о тебе и погибших твоих сыновьях, решил подписывать свои сочинения твоим именем.

Надеюсь, что ты одобрил бы моё решение.

Антон Кульпин

P.S. Хотелось, чтобы ксерокопия открытки с фронта Великой Отечественной войны, была опубликована. Пусть она напоминает нам о тех, кто отдал свою жизнь, чтобы мы мирно жили и растили своих детей.

Может быть, её увидят и прочтут дети дяди Сени – мои двоюродные братья.

17.01.2013г. г. Пущино на Оке.

Я родился 2 марта 1934 года в городе Краснодоне в семье служащих, русский; предки мои из Наровчатского уезда Пензенской губернии и из Донецкого края.

Война лишила меня отца и оставила неизгладимый след в моей памяти (безнадзорное военное детство: мама, учительница, работала в две смены).

В 1952 году с серебряной медалью я окончил Краснодонскую среднюю школу № 6 (где преподавали, в том числе украинский язык и литературу). Школьную учёбу в те годы хорошо дополняли многочисленные и разнообразные бесплатные кружки и секции.

После года учёбы в Новочеркасском Политехническом Институте в 1953 году я поступил на физический факультет МГУ. Жизнь на Ленинских горах в ту пору можно было сравнить лишь с волшебной сказкой.

После окончания МГУ в 1959 году и по сей день, я работаю в ЦАГИ в городе Жуковском в области экспериментальной аэродинамики разреженных газов (в настоящее время – в должности ведущего научного сотрудника).

С 1970 года – кандидат физико-математических наук. Награждён знаком «Изобретатель СССР», аттестован в качестве поверителя средств измерения давления и вакуума.

У меня есть сын, дочь, внук, две внучки и правнук. Увлекался в разное время шахматами, плаванием; люблю путешествовать и работать на участке.

Особое, поэтическое восприятие действительности сохранил с детских лет. Публиковать свои стихи начал поздно. Первый сборник «Ковыль на ветру» (стихи и миниатюры) датирован 2002 годом, второй – «Мой сердолик» (крымская тетрадь) – 2006 годом. В 2007 году появилась книга «Ковыль на ветру» (стихи). Печатался в ряде газет, в альманахе «Жуковский Парнас» № 1 и № 2, 2010 г., а также в альманахе «Золотая строфа» № 5, 2010 г.

“ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ...”

Июль 1942 года

С неделю затишье стояло:
В кольцо угодил городок.
Внезапно земля задрожала:
Фашисты пошли на восток.

Машины их в облаке пыли,
Телеги на мягком ходу;
Гремящие танки дымили,
Несли в наши земли беду.
С надсадным прерывистым свистом
Пронзали “кресты” облака...
О, как ликовали фашисты:
Ну, как же – победа близка!

Звучали губные гармошки.
И смех перекашивал рот...
Три дня краснодонской дорожкой
Шагал разноликий народ.

А сколько дорог таких рядом!
Какая несметная рать!..
Как трудно. Как трудно! Но надо
Незванных “гостей” изгонять.

2010

Зима 1942 – 1943 гг.

Восточный фронт,
Донские степи,
Траншей заснеженные цепи,
В них *итальянцы на войне*
Мечтают о спагетти и вине,
О тёплом доме, только не о женщине:
Мороз и голод,
На руках и на лице,
Как патина, чернеют трещины.
Спагетти бы, вина иль пиццы –
Тогда бы можно и взбодриться.
Бросает *аппарèкè*¹ с неба –
Нет, не консервы с хлебом –
Пакет с конвертами.
От этого ещё больней ефрейтору.
Гремит в морозной дымке *пàнцер*²
Тревожно замирает сердце,
Курок нажать не в силах пальцы,
И никуда с земли не деться...
Коль уцелеть поможет Бог –
Накажет детям,
Чтоб не ходили на восток
Войной
В донские степи...

Хозяйки здешние припоминали:
летом,
Шагая на восток, в отличие от *прочих*,
Они, потупив взгляд, просили *млеко*,
И отказать им не хватало мочи.
Они не грабили *базы* и огороды,
В них спеси не было в ненужном им *походе*.

¹ *аппарèкè* – самолёт (итал.); танк (нем.)

² *пàнцер* – *panzer* (нем.) бронетанк

3. Шахта № 5, февраль 1943 года

Не смолкают боёв отголоски...
У стены на снегу – скорбный ряд:
Комсомольцы, едва ль не подростки,
Обращённые к небу, лежат.

Мамы их молодые – в седицах,
Их глаза – как отчаянья крик.
Будь я в праве, то всех до едина
Их причислил бы к лику святых...

Их шахтёры проносят, как мощи,
Поднимая на свет из земли.
С каждой новою жертвою – громче
Стон и плач матерей и родни.

Здесь, наверно, полгорода в чёрном.
Чёрный цвет – цвет беды и молитв.
Снег на солнце в глазах воспалённых –
На блестящий похож антрацит.

Террикон величав и спокоен –
Очевидец тех грозных годин.
Он, конечно же, помнит героев.
Он в бессмертие их проводил.

2010

***Расстрел предателей
19 сентября 1943 года***

Их было трое
У стены кирпичной,
Стоявшей на пригорке
Бани городской.
Был этот день
По существу – обычным,
Для них – последним
На земле родной.

Земля песком
Присыпана под ними,
Как здесь по праздникам
Дорожки возле хат.
Штакетником –
Дощечками простыми –
У той стены
Был выгорожен ад.

Повязаны их руки
За спиною.
О, как ужасен вид
Дрожащих этих тел!
Старик высокий
Страшен худобою,
А лица всех троих –
Белы, как мел.

В том городе
Всё знают друг о друге
Там жизнь суровая –
Вся на виду она.
Неверный шаг –
И не уйти *из круга*:
Всему даст цену
Страшная война!..

Большой «ЗИС-5»
С раскрытыми бортами,
На нём – *казённый стол*
И скатерть, словно кровь.
Да судьи,
Чьи погоны с галунами
Для жителей в ту пору
Были в новь.

Конвойных трое –
Бравые солдаты.
Но только почему
В глазах таится страх?
В руках у них –
Простые автоматы,
Повязки красные
На рукавах.

Один из судей
Приговор короткий
В хрипящий чёрный рупор
Громко прокричал.
А эхо повторило,
Только робко –
Треск выстрелов
Команду заглушал.

Взлетели птицы –
Небо стало тёмным,
Бежали бабы, причитая,
Кто-то выл:
Увидеть казнь –
Душе урон огромный!
До сей поры
Ту боль я не забыл!..

Как дома оказался –
Я не знаю.
В чулане, как щенок
Испуганный, скулил...
Конечно, презирал я
Полицаев,
Тюленина – почти
Боготворил.

Всё выглядит иначе
На экране...
Во мне мир рушился,
Как будто в страшном сне.
И лишь слова и руки
Моей мамы
Вернули чудом
Снова детство мне.

2010

Осень 1943 года

Подзабытое слово «*линейка*» –
Чудный транспорт: простой, гужевой.
Пассажиры на гладкой *скамейке*
Восседали друг к дружке спиной.

На линейке, конечно же, тесно,
Но зато в непогоду теплей,
И удобно рассматривать местность,
А не только хвосты лошадей...

Снаряженьем надёжным владея
(Сапоги... Длинный плащ, капюшон),
Объезжал на линейке Фадеев
Краснодонский разбитый район.

Лучезарный, общительный, крепкий,
Белорозовый и молодой –
Мужики – те хватались за кепки,
Бабы – кланялись, чувствуя: «Свой!».

Жили в том городке не *халдеи*,
А степенный шахтёрский народ.
Говорили: “*Приехал Фадеев.*
Он опишет. И он – не соврёт!..”
В «*Клубе Ленина*» – встречи, концерты...
Пацаны (что проходит без них?!)...
Москвичи – те нарядно одеты,
Мы – в ужасных “*обновах*” своих.

Всё давно на *харчи* променяли –
Из немецких шинелишек – *клёш*.
Нам подарки Москва присылала,
Да на всю детвору – где возьмёшь?!

2010

**В дни съёмок фильма
“Молодая гвардия”, 1947 год**

Неспешный ласковый закат,
Дымочек *каменноугольный*...
Полсотни лет тому назад –
На поле матч футбольный.

Две *сборные*: от москвичей
И от мальчишек здешних.
Нет лавок, судей и речей,
И формы нет, конечно.

Каков накал, каков азарт!
Болеющие на поленьях.
Вот угловой пробил казак –
Мяч... у *Ульяны* на коленях.

Как коршун, мигом подлетел
Мальчишка рослый горбоносый
И... загляделся вдруг, пострел,
На чёрные, как уголь, косы.
И молвила примерно так
Задорная *Ульяна*:
“*Иди, играй, донской казак,
Тебе заглядываться рано*”.

Побед и счастья пожелав
Смущённому *герою*,
Встаёт и, юбку подобрав,
Мяч выбивает в поле...

В Донбассе долго гаснет солнце...
А победили краснодонцы.
Тот счёт я позабыл, признаться,
Да разве в этом дело, братцы!

1997

На Троицу 1946 года

Монашенки в светлых нарядах –
У каждой – берёзки росток –
От наших назойливых взглядов
Краснели, как маков цветков.

Взлелеяны школой родною,
Мы строго смотрели на них:
Искали в их ликах *святое*,
А видели – девок простых.

В те годы, что знали о Боге?!
Но всё же сильнее и сильней
В сердца проникала тревога,
Как холод погостных камней.

Казалось, всё просто и ясно:
Вот – солнце, земля, небосвод...
Но помнились взрывы *фугасных*,
Война, оккупация, фронт,

Подвала бетонная чаша,
Икона и крест, и свеча.
Молитва нескладная наша
Была, как слеза, горяча.

Казалось – от этой молитвы
Уходит панический страх,
И меньше на фронте убитых,
Отцы побеждают в боях...

Монашенки юные в храме
С берёзками тонкими в ряд...
С тех пор на меня временами
С укором их очи глядят.

1945 год

Парни, воевавшие *чуть-чуть*,
Нам *травили* о своих *победах*,
Улыбались молчаливо деды,
Мы, мальчишки, не могли уснуть.
Были увлекательны и ярки
Эти их *истории* и *драмы*
О полячках милых и мадьярках,
О пленённых их любовью дамах
(Кое-что из тех лихих *романов*
Встретил я потом у Мопассана).
Несмотря на возраст, понимали,
Что они нам вдохновенно ввали...
Как же мы завидовали им!
В форме новой, сильным, молодым.

1946 год

Путешествовал в Азии Обручев,³
Проверяя: *жива* ли Земля?..
Мы – *гоняли* по улицам обручи.⁴
Как звенели они на камнях!
Зря в ту пору на них не смотрели,
Как на ценный спортивный снаряд.
Ах, как долго их помнят колени,
Получая отличный заряд!
От полуторки старой иль «*Форда*»
Обод – очень полезный предмет;
Мы *гоняли* их важно и гордо,
Нам старушки вздыхали вослед.
Нет, не просто колёса катали
Безнадзорные дети войны –
Эти обручи нас закаляли,
Дух и мощь укрепляя страны.

³ *Большое научное путешествие академика С.В. Обручева.*

⁴ *Забывтая забава "гонять обручи", толкая их специальной металлической вилкой.*

Вечер после войны

А помнишь, на арбе с травой,
Как на стогу,
Сидели тихо мы с тобою
На берегу.

Гнусавил шмель и цвёл шиповник
Над головой.
Куда-то даму вёл полковник
Молодой.

И новенькие, как игрушки,
Храня покой,
Зелёные стояли пушки
Там, за рекой.

И, затихая у вокзала,
И точно в срок,
Составы шли, гремя, на запад
Иль на восток.

Цветы в ладонях ты держала
И колоски.
Волна от катера бежала
На пески.

Лениво лаяли собаки
Вдалеке.
Мерцал звездой зелёной бакен
На реке.

Спешили сумерки с Заречья,
С той стороны...
*Таким запомнился мне вечер
После войны.*

Как выжили на Дону после войны

Чтобы выжить в трудный час,
Нужен нюх и острый глаз.
Знай: у клёна лист солёный,
У акации – цветы и душисты, и вкусны
(Поясню вам между делом:
Не у жёлтой, а у белой).
Заиграет солнца зайчик –
Появляется калачик,
Сладкий, нежный, как миндаль,
Только мал (ну очень жаль!).
А пройдёт ещё денёк –
Закустится щавелёк.
(Тут уже – прощай, беда:
Надоела лебеда!).

На пригорке, возле балки,
Толстые родятся *бабки*⁵
(Поясню вам для проформы:
Стебель их квадратной формы,
А под горькой кожурой –
Очень сочный сладкий слой).
А затем покроют луг
Дикие чеснок и лук.
А когда *пойдут* сады –
Не захочешь лебеды:
Вишня, груша и кислица
И, конечно, шелковица –
На Дону она – царица...
*Слава Богу, снова мы
Доживём, брат, до зимы!*

⁵ *бабка* – название травы

Богун

Очень яркая сценка из детства:
Нас орава мальцов и *Богун* –
Никуда от такого не деться –
Несусветный нахал и брехун
(Второгодник и переросток –
Был на голову выше ростом).
Он *училку казнил*, сквернословил,
За сараем махорку курил
(Я его хорошенько запомнил,
Хотя многих *примерных* забыл).
А припомнилось мне (смех и горе):
Дождь прошёл и на мокром заборе
Бог наш высится, вишни срывая
(А опасна погода сырая).
Потерял равновесие, взвился
И за провод нависший схватился.
И, поверьте, пройдёт много лет
Эту фразу никто не забудет:
*“Бей меня, кто в калоши одет,
Ничего вам за это не будет!”*
Как картинно мелькнул его клёш –
Огольцы были все без калош...

А вскоре *загудел Богун* на нары –
Портрет вождя попортил из рогатки;
Был в школе светлый день для персонала,
Вздохнули с облегчением ребятки
(И только я ходил слегка печальный –
Непостижимы чувства изначально).

НАШ СОСЕД

Лето – радость! Лето – воля!!
Мама, сжалась, наконец,
Отпустила к дяде Коле,
К дяде Коле – на Донец!

Наш сосед немножко странный:
С мая и до белых мух
Проживает постоянно
В шалаше на берегу.

У него есть плоскодонка,
Строим удочки стоят,
Есть ружьё, приёмник громкий,
Стайка преданных ребят.

В полинявшей гимнастёрке,
Загоревший, чуть хромой,
Приучал мальчишек бойких
К жизни трудной, полевой.

Подсекать учил плотвичек,
Смело раков *в норах драть*,
Разжигать костёр без спичек,
А ещё – не воровать!

Не забыть его беседы
Вечерами у костра.
Затихали непоседы.
Ночь от звёзд была пестра...

Как-то раз, наполнив флягу,
Взяв ружьё и патронташ,
В пионерский ближний лагерь
Он повёл *отрядик* наш.

Как лесные муравьишки,
Тащат в гору сухой
В красных галстуках мальчишки.
Вдоль дороги пыль стеной...

Догорал костёр прощальный,
Отражаясь в глади вод,
Смолк салют необычайный,
Завершая наш поход.

Строй нестарых ветеранов
С командиром впереди –
Наш сосед на фланге правом
Со звездою на груди.

* * *

Давным-давно в украинском селе
Такая редкая вдруг выпала удача –
На водопой доверили мне ... клячу
(А было лет совсем немного мне).
На жёсткой, как початок кукурузы,
Худой и неоседланной спине
Я *гарцевал* в сияющем картузе...
Застыла лошадь вдруг на полотне.
И, заглушая стрелочника крик,
Раздался резкий свист локомотива;
Бью пятками (*как бесконечен миг!*) –
Ни с места обомлевшая скотина.
Гремел состав, и прогибались шпалы,
Звенели и дрожали дробно рельсы;
Вот, наконец, пошла и снова... встала
У переезда в безопасном месте.

В какие позже попадал я переделки,
Но этой не забыть мне сценки...

Всё прошлое, когда пройдут года,
Нам представляется наполненным отваги.
О чём кричал мне стрелочник тогда?
Наверно, чтоб оставил я беднягу.

Краснодон (ближнее зарубежье), март 1997 г.

ДЕТИ ВОЙНЫ

*Сын полка Володя Тарновский
с боевыми товарищами в Берлине*

15-летний разведчик Вова Егоров с бойцами своего подразделения

Анатолий Колдышев

БОЕЦ ПЛЕСЕЦКОГО КОСМОДРОМА

С Толей Колдышевым (Анатолий Акимович КОЛДЫШЕВ) мы учились вместе в Донской средней школе № 1 с 5 класса до окончания школы в 1953 году. Вместе со своим закадычным другом и одноклассником Витей ЗАВЬЯЛОВЫМ он жил в г. Донской Тульской области на одной улице, на Ворошиловской. Они с Виктором были ядром и заводилами той нашей дружеской компании одноклассников, которых объединяла не только учеба в одном классе, но и общность взглядов, интересов и увлечений как в стенах школы, так и за её пределами. Это были, прежде всего, спорт (футбол, баскетбол, штанга, стрельба, лыжи, коньки, шахматы, бильярд); школьная художественная самодеятельность (танцевальный, хоровой и драматический кружки) с активным участием во всех школьных вечерах отдыха; изостудия при Доме культуры имени Артёма; вечерние посиделки с песнями и танцами на Ворошиловской улице, танцплощадка в городском парке культуры; походы всей компанией в кино. Кроме перечисленного были у нас вылазки в турпоходы по окрестностям г. Донского, в Каменный лес, в Ясную Поляну, на водную станцию и на стадион им. Хрущёва на Бобрик-Горе, а также участие в праздничных демонстрациях в центре г. Донского и т.д., и т.п.

Всё это заполняло наш досуг и объединяло нас, но главным всё-таки оставалась учёба и те отношения, которые на этой почве складывались в классе. Класс был дружный, но и среди девушек, и среди парней были свои лидеры, которые определялись личными способностями и успехами в учебе.

*Донская ср. школа №1 (ДСШ №1) в г. Донской Тульской обл. 4-й кл. Январь 1947 г.
Крайний слева в верхнем ряду - Колдышев Толя,
крайний слева во втором ряду - Лошаков Володя.*

Из девушек очень способной и бесспорным лидером была Зина СИНЯКОВА, бессменный староста нашего класса, а из ребят – Толя Колдышев. Между ними просматривалось доброе соперничество в учебе, и не было задач по математике, физике или химии, которые они не могли бы решить. Они постоянно помогали тем своим товарищам, кто был слабее, и не всегда справлялся с задачами по этим предметам. Не было для них проблем и по другим предметам. Поэтому вполне закономерным было то, что они оба окончили десятилетку медалистами, и успешно продолжили учебу дальше.

*Донская средняя школа №1, 1953 год. Выпускной класс 10-а.
Во 2-м ряду 3-й слева – Володя Лошаков. Далее Толя Колдышев,
Витя Шаталов, Сережа Ширяев, Витя Захаров, Володя Брылев.*

Среди мужской половины выпускников Донской средней школы № 1 того далекого 1953 года было распространено стремление поступить в военные училища. Это чисто мужское увлечение военной профессией у наших ребят перерастало в решительное желание, когда в школе появлялись её выпускники прошлых лет, только окончившие военные училища и проводившие среди старшекласников хорошо продуманную агитацию в пользу своих училищ. Их отлично подогнанные новенькие мундиры со сверкающими золотом офицерскими погонами, шевронами и пуговицами, увлекательные рассказы о прелестях курсантской, чуть ли не «гусарской» жизни в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге производили на нас неизгладимое впечатление.

Наряду с этим в выборе в пользу военного училища не малую роль играло и то, что в военном училище курсанты с первого дня становились на полное государственное обеспечение, тогда как в гражданском вузе на студенческую стипендию без поддержки родителей в то послевоенное время прожить было очень трудно. Большинство наших одноклассников выросло без отцов, погибших на фронтах Великой отечественной войны, и они не могли рассчитывать на такую поддержку.

В те годы для поступления в военное училище надо было заручиться поддержкой местного военкомата, получив от него направление в конкретное

училище, и выдержать конкурсные вступительные экзамены. При этом, как правило, конкурс был не малый, и далеко не всякий желающий становился курсантом военного училища с первого захода. Например, очень способный наш Витя ЗАХАРОВ – будущий полковник, начальник ЭВЦ Генштаба – лишь со второго захода поступил во 2-е Ленинградское артиллерийское училище.

Тем не менее, пятеро наших одноклассников из девяти изъявили желание после окончания школы учиться на офицеров, успешно выдержали конкурсные экзамены, поступили в военные училища и посвятили свою жизнь воинской службе. Среди них был и Толя Колдышев. В 1953 году он поступил в Рижское военное авиационно-инженерное училище, которое успешно окончил в 1958 году, получив вместе с лейтенантским званием специальность «инженер – механик».

То было время начала бурного развития в нашей стране ракетной техники, и молодой военспец А. А. Колдышев после окончания училища получает назначение для службы в одной из воинских частей, дислоцированных на ракетном полигоне в Архангельской области. На базе этого полигона потом был создан теперь всем хорошо известный Плесецкий космодром около города Мирный. А тогда это был засекреченный военный объект, на котором ковался ракетный щит нашей Родины – испытывалась новая ракетная техника.

По прибытии на объект А. А. Колдышев назначается начальником отделения, а затем начальником команды в стартовой группе. Задача этой команды заключалась в обеспечении успешного старта различных типов экспериментальных ракет военного назначения. При встречах со своими одноклассниками Толя, конечно, в те годы не мог раскрывать секреты своей службы, но уже после того, как Плесецкий ракетный полигон был рассекречен и стал космодромом «Плесецк», Толя говорил, что отпечатки его пальцев остались на корпусах более 200 межконтинентальных ракет, запущенных при его участии. Проходя службу на закрытом полигоне, а потом в Риге, он очень тосковал по своей малой Родине, в письмах часто вспоминал нашу школу, любимых учителей, одноклассников, и всегда остро сожалел, что опять не смог приехать в город Донской на очередную встречу одноклассников. И безмерно был благодарен и радовался нашим письмам и фотографиям – «отчётам» о таких встречах.

Природная одарённость и смекалка, высокая самодисциплина и развитое чувство локтя, блестящая теоретическая и практическая подготовка военного инженера обеспечили Толе успешное начало службы на полигоне. Оно было настолько успешным, что уже через три года, в 1961 году, А. А. Колдышева одним из первых в части награждают орденом Красной Звезды, а ещё через два года, в 1963 году, его в 28 лет назначают на одну из ведущих должностей в части – начальником технической группы.

«За короткий срок он освоил обязанности не только начальника группы, но и обязанности специалиста по такелажно-монтажным работам на сборке (разборке) ракеты Р-7А. Работы по сборке (разборке) этой ракеты являются крайне трудоёмкими, опасными и требуют ювелирной точности.

А.А.Колдышев лично руководил работами по сборке (разборке) ракеты «Восток-2», которая 17 марта 1966 года открыла счёт космических стартов с космодрома «Плесецк» и вывела на орбиту космический аппарат «Космос-112».

Эти сведения о воинской службе Анатолия Акимовича Колдышева мы узнали из статьи о нём в сборнике, посвящённом 50-летию создания Плесецкого ракетного полигона и Ракетных войск стратегического назначения. Копию этой статьи и другие сведения об Анатолии Акимовиче, его фотографию нам любезно предоставила его вдова Неля Колдышева. В этой же статье сослуживцы А. А. Колдышева тепло отзываются о нём как о надёжном друге и товарище. Они пишут, что «он был одним из лучших офицеров части, всегда брал на себя самые опасные и ответственные участки работы. Не зря сначала офицеры группы, а затем и весь личный состав с гордостью называли его «Боец». Это было его вторым именем, а для его друзей первым».

В 1967 – 1974 гг. А. А. Колдышев служил начальником лаборатории 2-го испытательного управления Плесецкого космодрома.

В 1974 году А. А. Колдышева переводят на педагогическую работу в Рижское политическое училище Ракетных войск стратегического назначения. Здесь он служил до выхода в отставку в 1986 году в звании подполковника. После увольнения из армии Анатолий Акимович продолжал активную трудовую жизнь. Его приняли инженером на Рижский завод «Страуме», где он занимался вопросами повышения надёжности электробытовых изделий: кофемолок, миксеров, кухонных комбайнов и др.

Жизнь военного пенсионера в постсоветской Латвии была не сахарной, но Анатолий Акимович старался не обращать внимания на сложности нового бытия. Многие уже было совершенно: была успешная учеба, специальность по душе, блестящая военная карьера, была дружная семья, хорошие друзья, выросли, получили образование, стали самостоятельными и порядочными людьми сын и дочь, была работа, ещё в советское время был решён квартирный вопрос. «Что ещё надо человеку при такой жизни?» – можно было сказать словами одного из героев всеми любимого советского фильма «Белое солнце пустыни». Но «всё течет, и всё изменяется».

В 1995 году знаменитый когда-то на весь Советский Союз завод «Страуме» прекратил своё существование, и А.А. Колдышев вместе с другими работниками оказался за его воротами. Он без особого сожаления и философски воспринял свой окончательный переход на заслуженный отдых. Толя любил

жизнь, и в одном из последних писем мне он по поводу своего увольнения с юмором писал:

– И вовремя! Настало время вплотную заняться строительством дома на своём огородном участке. Никак не поворачивается язык назвать его дачным. Хотя размеры – 6,6 соток – позволяют. Но у меня глубокое убеждение, что непременно атрибутами дачи должны быть: камин – коньяк – шашлык – гамак. А вот когда с утра и дотемна в обнимку с молотком, топором или лопатой – это подходит только под категорию – огород!

К сожалению, дачу Анатолий Акимович достроить не успел – 6 июля 1999 года он неожиданно для всех ушёл из жизни – остановилось сердце. Похоронен Анатолий Акимович на одном из рижских кладбищ. В Риге проживают его вдова Неля и двое взрослых детей – сын и дочь.

Известие о кончине Толи Колдышева острой болью отозвалось в сердцах его друзей-одноклассников. Это была уже четвертая утрата из числа наших выпускников 1953 года, которые поступили в военные училища. И в 2003 году на юбилейной встрече одноклассников через 50 лет после окончания школы звучали слова скорби и памяти о наших друзьях – капитане Володе БРЫЛЁВЕ, полковнике Вите Завьялове, полковнике Вите Захарове, подполковнике Толе Колдышеве – защитниках Родины, безвременно ушедших из жизни. К сожалению, уже после этой юбилейной встречи не стало ещё двоих наших одноклассников: Серёжи ШИРЯЕВА, конструктора ракетно-космической техники, и Вити ШАТАЛОВА, подполковника военно-морской авиации. Жизнь каждого из них отмечена вехами, из которых складываются такие важные понятия, как призвание, верность долгу и служение Родине. Мы всегда их помним и гордимся ими.

Это и о них Толя Колдышев за два года до своей кончины писал мне в своем письме:

– ...А меня наполняет чувство гордости за наших одноклассников. В связи с этим как-то в своей памяти перебрал весь наш класс и пришёл к выводу, что из нашего класса не вышло ни одного паршивого человека, и при встрече с радостью можно каждого обнять и расцеловать. Вот ведь из какого добротного материала нас лепили и воспитывали, хотя то время было куда труднее и суровее, чем нынешнее, особенно для наших родителей.

Прежде всего, эти слова относятся к Толе, всей своей жизнью утверждавшего важные для каждого из нас истины.

Самое интересное, что при этом выясняется – это общность дела, которому посвятили свои жизни наши одноклассники. Сережа Ширяев всю жизнь проработал в КБ по созданию ракетной техники, Толя Колдышев долгие годы занимался испытанием этой техники, лётчики Витя Завьялов и Витя Шаталов десятки лет летали на самолётах, вооружённых ракетами. А начальник ЭВЦ

Генштаба Витя Захаров руководил статистической обработкой данных по использованию этой техники. Чем не «колхоз образца 1953 года» – из выпускников одного класса Донской средней школы № 1!

Благодарим Нелю Колдышеву за предоставленные материалы о нашем дорогом однокласснике Толе Колдышеве.

Владимир Григорьевич Лошаков

*Профессор Тимирязевской Академии,
доктор с.-х. наук, Заслуженный деятель науки России.
Очерк (Опубликован в «Донской газете» 13.04.12 ко Дню космонавтики).
(Об авторе статьи см. т.2)*

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА МОРСОВА

*Член Международного союза славянских журналистов.
Лауреат Артиады народов России.
По профессии историк, философ. Очень любит природу.
Печатает свои литературные произведения и фотографии в различных журналах*

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ...

Блокада Ленинграда с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года – беспрецедентный факт в истории человечества. И это признано всей мировой общественностью. В те дни умерло от голода почти полтора млн. человек. Погибло от бомбёжек и артобстрелов около 28 тыс. человек, в ходе эвакуации из города погибло 360 тыс. чел. Гражданского населения было уничтожено фашистами около 1 млн. 700 тыс. человек. В битве за Ленинград погибло 2 млн. 700 тыс. человек. Лондонское радио в 1945-м году сообщило, что «защитники Ленинграда вписали самую замечательную страницу в историю мировой войны, ибо они больше, чем кто бы то ни было, помогли грядущей окончательной победе над Германией».

*Жители города набирают воду в проруби на Неве.
Фото Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*

Коренного ленинградца, пережившего скорбный опыт блокады, не спутаешь ни с кем! Это люди особой породы. Что их отличает? – Скромность в одежде и мыслях, бережливость и терпеливость, сдержанность в словах и умеренность в желаниях, выносливость к лишениям. Они способны к самопожертвованию и самообладанию в опасной для жизни ситуации. Несмотря на то, что многие из них ещё до недавнего времени, а возможно кто-то и до сих пор, – проживали в крошечных и убогих коммунальных квартирках. Их отличает чуткость и внимательность к другим людям, благородство, надёжность и преданность. Они высоко ценят дружбу и верность. Блокадники умеют ценить жизнь. Фашизм на земле уничтожен, но идеи его всё ещё «бродят по Европе». Имеют место они и в России, понесшей самые большие разрушения и безмерные человеческие потери. И хочется верить ленинградской радиоведущей и пламенной поэтессе Ольге Берггольц, пережившей войну от начала до конца, что «никто не забыт и ничто не забыто». И, когда сейчас, в шутку или всерьёз, вдруг услышишь неофа-

*На улицах города Ленинграда.
Фото Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*

шистские вопли, – так и хочется этих глупцов, избалованных игрушками и конфетами, любовью и вниманием заботливых, богатеньких родственников, хотя бы на один день отправить в осаждённый Ленинград, где дневная пайка хлеба составляла «сто двадцать пять блокадных граммов с огнём и кровью пополам» (Ольга Берггольц). Да познакомить с удивительными женщинами, историю израненного блокадой детства которых я расскажу. Мне посчастливилось знать трёх прекрасных человек. Предлагаю три очерка о них.

Аллочка в детстве

Жаркое лето на Ладогe. На скалистом берегу уютного заливчика скопилось много народа. Все от мала до велика «плавятся» на горячих камнях и прячутся от палящих лучей в прохладных водах крупнейшего в Европе озера.

Вдруг послышался звонкий, задорный смех немолодой женщины, она отдыхала в кругу своих родственников: дочери, зятя, внуков. Жизнерадостная рассказчица веселила всех занимательной историей. «Какая счастливая женщина», – подумалось мне. Известно, что с человеком, излучающим радость, всегда хочется общаться. Захотелось поговорить и мне. Слово за слово, познакомились – Алла Юрьевна ПЛАТОНОВА, коренная ленинградка.

Знакомство продлилось и на следующий день, продолжается оно и по сей день. Часто бывая в Сортавала у друзей, она загорелась желанием приобрести дачный участок на живописном берегу Ладоги. Теперь многие годы Алла Юрьевна вместо прелестей знойного юга наслаждается прелестями прохладного и дождливого севера.

Однажды я поделилась мыслями о сборе материала для статьи, посвящённой двоюродной сестре, проживающей с самого рождения и по сей день в Питере и перенесшей блокаду в раннем детстве.

– А я ведь тоже блокадница, – чуть задумавшись, без кокетства и излишней грусти вдруг сказала Алла Юрьевна.

Я опешила: угадать блокадницу, пережившую сверхчеловеческие страдания, рождение которой почти совпало с началом страшной трагедией, в этой активной, пышущей здоровьем и жизнелюбием женщине было невозможно. Но история её блокадного детства ужасает и поражает.

Родилась Аллочка Платонова за полгода до начала Отечественной войны в декабре 1940 года, и всю войну, и все 900 дней блокады прожила в осаждённом городе вместе с родителями ПЛАТОНОВОЙ Натальей Андреевной и ПЛАТОНОВЫМ Юрием Николаевичем.

– Мы выжили, – рассказывает Алла Юрьевна, – только благодаря молодости и любви моих родителей. День окончания блокады 27 января до сих пор ежегодно отмечаем всей семьёй, как второй день рождения. Родители уже давно ушли из жизни, но мы часто собираемся вместе в память о них, чтобы их знали и помнили наши внуки и правнуки».

Все в семье Аллочка, как и она в будущем, выбрали профессию химиков. Родители ещё до войны начали работать в лаборатории, где испытывали действие вредных химических веществ типа зорин, иприт и др. В годы войны Юрий Николаевич, кадровый офицер, продолжал заниматься гражданской обороной в качестве начальника хим. разведки г. Ленинграда. Наталья Андреевна также была военнообязанной, и ей было предписано отправить дочь с домом малютки в эвакуацию, на что мать категорически отказалась. Женщина знала, что дети могут потеряться в дороге, многие из них становились сиротами.

Аллочке повезло – она всю войну оставалась со своими родителями, при этом обречена была на нечеловеческие испытания, особенно нестерпимо голодными были зимы 1941 и 1942 годов. Преимущество было в том, что самые близкие люди были рядом и имели возможность приласкать и успокоить, прижать к себе родное дитя.

– Мы жили в коммунальной квартире в Усачёвом переулке с родственниками отца. Мама получала хлеб на всю большую семью, но его было так мало, что для развешивания достаточно было одночашечных аптекарских весов. С замиранием сердца домочадцы внимательно наблюдали за делёжкой хлеба, подбирая каждую крошку. Этими весами мама дорожила до конца своих дней. Сейчас они, как реликвия, хранятся в нашей семье.

Однажды зимой 1941 года в дом попала бомба, здание было разрушено. Семья из трёх человек получила ордер на другую, брошенную эвакуированными жильцами, квартиру по улице Гоголя. Переезд был назначен на 31 декабря. Нужно было успеть переселиться до комендантского часа с 00 до 5 часов утра.

– Родители очень торопились. Меня, как вспоминала мама, положили в детскую ванночку и везли по снегу, как самый ценный груз. А в мальпосте, так

Аллочка с родителями

называлась детская коляска, перевезли все наиболее нужные, оставшиеся после бомбёжки вещи. Вот и всё наше имущество. В этой квартире прошло моё незнательное и сознательное детство.

Семья жила в маленькой кухоньке, которая топилась тогда, когда находилось, чем топить. А комната с выбитыми окнами, в которой царил промозглый холод, была завалена вещами прежних жильцов. Сюда я ходила «гулять», как на улицу, закутанная в разные тряпки. Тут я разговаривала с «кисками», так я называла, как мне казалось, серых кошечек, которые почему-то лазали по стенам, грызли двери и рамы и рвали шерстяные вещи. Потом я узнала, что это бегали голодные крысы, проживавшие с нами в одной квартире. Только крысам тогда и было чем утолить голод.

Малышка и не догадывалась, что у других ленинградских детей ещё недавно была совсем другая жизнь – сытая, в чисто убранной квартире, с куклами и конфетами.

Чтобы согреть ребёнка, мать ставила кровать прямо на печь, а сама, уставшая и измученная голодом, спала возле печи. В отсутствие матери кровать от взрывной волны часто падала с печки вместе с ребёнком. Мать заставляла дочь сидящей на полу, с улыбкой сообщающей:

– Немцы, бах!

Всякий раз, возвращаясь из очереди или с работы, Наталья Андреевна испытывала страх за надолго оставленную в полупустом доме дочь, ведь зда-

ние располагалось в 300 метрах от Исаакиевского собора, который бомбился фашистами нещадно. Входную дверь тогда уже никто не закрывал, вдруг на минутку вырвется со службы муж. Однако участились случаи людоедства, особенно детей. Со слов матери, Алла Юрьевна рассказывает о судебном процессе над женщиной, обвинённой в людоедстве. В своём заключительном слове женщина с помутившимся от голода разумом сказала:

– Вы не представляете, как вкусно человеческое мясо!

После этого случая мать перестала оставлять ребёнка одного дома и повсюду водила за собой.

Многие жители блокадного Ленинграда настолько привыкли к рёву sireны и звукам метронома – сигналам тревоги в радиоприёмнике, что перестали на них реагировать: так ничтожна была цена жизни.

И Аллочке тоже был знаком звук метронома, она его помнит до сих пор – тогда оставшиеся в живых и имеющие силы передвигаться выбегали из своих домов. Однако Наталья Андреевна, услышав сигнал тревоги, а чаще это происходило по ночам, рисковала жизнью дочери и своей, но в бомбоубежище не уходила. Она считала, что испуганные люди, бегущие в панике с котомками и узлами в бомбоубежище и обратно, растрчивали последние силы. Женщина старалась сберечь силы и расходовать их только на дело. А дел было много: растить и кормить ребёнка, искать работу, стоять в огромных, многочасовых очередях, чтобы отovarить хлебные карточки, а стоять приходилось под рёв вражеских самолётов, грохот взрывающихся бомб и падающих зданий. Нужно было где-то добывать дрова, носить ежедневно по два ведра воды из Невы. А воды требовалось много: постирать пелёнки, вымыть ребёнка и просто пить, поскольку есть было нечего. Иждивенческой карточки матери на мизерную пайку хлеба и соевое молоко на ребёнка, которые отovarивались в гостинице «Астория» по месту жительства, не хватало на двоих. И в голодное и холодное время блокады – зимой 1942, Аллочка заболела болезнью Боброва, похожей на цингу. Дёсны покрылись язвочками, она перестала ходить и говорить, глаза вылезли из орбит, ребёнок быстро угасал. Девочка производила такое ужасающее впечатление, что мать, выходя на улицу, прикрывала её лицо пелёнкой. В педиатрическом институте, который тогда располагался возле Финляндского вокзала, матери предложили оставить ребёнка здесь, надежды на выживание не было. На что та ответила:

– Пусть умирает дома.

Спасло Аллочку активное вмешательство отца, который поднял на ноги знакомых фармацевтов и с большим трудом добыл аскорбиновую кислоту или иначе витамин С. Действие аскорбинки было так велико, что девочка быстро пошла на поправку. Казалось, что киноплёнка её жизни прокрутилась в

обратную сторону: глаза заняли положенное место, вылечились дёсны, она вновь научилась ходить и говорить. Осталось только косолапость, но с этим жить можно. Аллочку прозвали косолапым гномиком. Юрий Николаевич понимал, что надо спасать семью. Несмотря на своё значимое положение в городе и свою известность, он, преодолевая стыд, тайком собирал остатки недоеденного в общественной столовой, всё сливая и ссыпая в бутылку и пряча её под столом. Находясь на казарменном положении, он приносил еду, когда мог – через неделю или две. Но семья была рада и этому прокисшему и протухшему месиву, ведь у многих других не было и этого.

При появлении отца Аллочка бросалась ему на шею со словами:

– Принёс бутылочку?

Не всегда отцу удавалось что-либо принести домой, но девочка всегда ждала заветную бутылочку. Удивительно, но от такой пищи, считает Алла Юрьевна, никто не страдал расстройством желудка. Хотя дистрофии и дизентерии всё равно не избежали. Такой массовой дистрофии, как у переживших блокаду от начала до конца, мир ещё не знает.

Наталья Андреевна искала всякие пути раздобыть пропитание. Как-то раз повезло: удалось обменять беличью шубку и серебряные ложки на муку. Под раскатами артобстрела поздно вечером она отправилась по указанному адресу, где проживала татарская семья. Она спустилась в подвальное помещение, открыла дверь, и на неё пахнуло таким вкусным теплом и ароматом горячих лепёшек, что женщине стало дурно, и она потеряла сознание. Хозяйка оказалась «не жадной», она отсыпала большой кулёк муки. С этим пакетом, тесно прижатым к груди, радостная Наталья Андреевна бежала домой по пустынным улицам, минуя городские развалины, и очень боялась, как бы «лихие» люди, которых выпустили из тюрем из-за отсутствия питания, не отняли её богатство. И всё же это счастливые моменты. Но было и так: на спиртовке для химических опытов грелось жалкое подобие супа из ядовито-вонючего столярного клея и кусочков кожи от ремешков. Этот студень сверху заливался олифой. Та же спиртовка с пробиркой служила источником света в доме. Наконец, Наталье Андреевне удалось устроиться на работу паспортисткой рядом с домом. Теперь жить стало немного легче, появилась рабочая карточка на хлеб. Мать брала с собой на работу ребёнка, и Аллочка при любом удобном случае рассказывала всем подряд сказку про курочку рябу, за что получала кусочки вкусного вознаграждения от благодарных слушателей. Девочка подружилась с мальчиком Борей из соседнего дома. Оба они страдали рахитом, его ножки были вывернуты не вовнутрь, как у Аллочки, а наружу.

– Ходили с Борей, взявшись за ручки, чтобы поддерживать друг друга. Наверное, мы были неотразимой парой, – шутит Алла Юрьевна. – Наши мамы

дружили, они вместе кололи лёд, убирали мусор, тушили зажигательные бомбы на крышах, увозили умерших, оформляли их документы.

Всё это делали хрупкие женщины, изнурённые голодом, с чесоткой и во вшах из-за отсутствия воды, переболевшие цингой и очень плохо одетые. Из одежды у моей мамы были фетровые сапожки, надетые на портянки, и ватник, и это при сорока градусах мороза».

Кусок мыла и баня были большой редкостью. Алла Юрьевна вспоминает случай о мытье в общественной бане:

– В один из женских банных дней привели взвод солдат, которым приказали быстро раздеться и быстро вымыться. Истощённые дистрофией женщины и измождённые мужчины не смотрели друг на друга, им было не до чувства стыда, всех объединяла одна заветная цель – помыться! Умерших от голода и болезней людей свозили в общую братскую могилу. Однако бывали случаи, когда родственники не хоронили покойников и до конца месяца жили с ними в одной квартире. Причина понятна: воспользоваться хлебной карточкой умершего. Такая же история случилась и в семье Аллочки. Прабабушка девочки перед самой войной приехала проведать ленинградскую родню и посмотреть новорождённую. Плотное сжатое блокадное кольцо не выпустило старушку, и та навсегда осталась в земле ленинградской. Обезумев от голода, она сняла чулки и намотала их на шею. При этом каким-то образом добытый кусочек сахара, – самое сокровенное, что тогда могло быть, она не тронула – перед смертью оставила его в сахарнице для своей правнучки. И ещё две недели её хлебная карточка поддерживала «благодарных» за столь щедрый подарок родственников.

К концу войны взрослые заботы легли на плечи пятилетнего ребёнка: сейчас трудно поверить, но в обязанности Аллочки Платоновой входило стояние в бесконечных очередях за мукой, хлебом, мылом, солью, спичками, на базе за кульком угля и в керосиновой лавке. Самостоятельные выходы на улицу доставляли ей большое удовольствие, несмотря на многочасовые очереди на морозе или под дождём. Таким образом девочка отвлекалась от постоянного чувства голода. Потом она ходила по улицам, разглядывала витрины магазинов и мечтала о нарядном платье и красивых туфельках, которые мама купит ей после войны. А главное – скоро будет много еды!

Блокада поставила людей на грань жизни и смерти, когда полностью теряются силы, а с ними и мечты. Но, к счастью, с Аллочкой такого не произошло. Эта «солнечная» девочка умела озорно смеяться и радоваться жизни. Она с удовольствием занималась художественной самодеятельностью. С первого класса школы девочка проявила большой интерес к русским народным танцам, была большой любительницей рисования и кукольного театра – она с удовольствием посещала самые разные кружки в школе и в доме пионеров.

По-настоящему учиться ей пришлось после войны – окончила школу, затем, как и родители, химический факультет института. По сей день занимается химическим анализом металлов, жидкостей, аэрозолей. В труде и заботе, в поисках хоть какой-нибудь еды, без воды, тепла и света, обречённые на изнурительное голодание и умирание люди, но с источником информации – радио, которое никогда не выключалось, ленинградцы жили и надеялись на скорую победу. Совсем плохо было тогда, когда после очередной бомбёжки связь обрывалась, и радио не работало. Находясь в полной изоляции от мира, лишённые последней поддержки, блокадники страдали из-за отсутствия новостей с фронта. Но с возобновлением работы радио вновь звучал ободряющий, уверенный голос Юрия Левитана и пламенные призывы Ольги Берггольц: «Держаться, во что бы то ни стало держаться!».

Некоторые мечтали попасть на фронт не только по патриотическим мотивам, но и для того, чтобы их хоть как-то кормили. Немцы знали о страшном голоде и были уверены, что измученные длительными лишениями и изнурительными болезнями ленинградцы не в состоянии будут сопротивляться и осаждённый город сдадут. Аллочкина мама рассказывала о том, что немецкие диверсанты проникали в город, катались на велосипедах и разбрасывали листовки – паспорта на русском языке с предложениями о сотрудничестве, зазывали к себе детей и подростков. И не всегда безрезультатно, но это всего лишь исключение. – Голод меня преследовал ещё долго после войны, – вспоминает Алла Юрьевна, – я не отходила от стола до восьмого класса и никак не могла наесться. Я всё доедала за своим младшим братом, родившимся после войны слабеньким и болезненным. Для меня не было невкусной пищи, я постоянно ела и ела. И все карманы одежды были забиты хлебными кусочками и крошками. В школе вместо уроков я часто думала о еде, неважно училась, за что меня ругали учителя и родители. Сказались также последствия тяжёлых болезней, после которых приходилось заново учиться ходить и говорить, что привело к отставанию в развитии. Бывало так, что, почти дойдя до дома, я вдруг заходила в булочную, на считанные копейки покупала самую дешёвую булочку и с жадностью накидывалась на неё, чтобы заглушить не голод, а память о нём. К зрелому возрасту я, наконец, наелась. Мы в блокаду насиделись на диете на всю оставшуюся жизнь. Теперь я никаких диет не признаю.

Я попыталась выяснить, что помнится Алла Юрьевна из блокадной пищи, она ответила – «кроме хлеба, ничего». Она утверждает, что «психологически труднее было перенести блокаду детям в сознательном возрасте, ведь им было с чем сравнивать. А нам младенцам было легче, ведь мы думали, что так и должно быть всегда.

– Голод – царь над людьми, – считает Алла Юрьевна, – и самая жестокая

проверка человеческих отношений, которую с честью выдержали мои родители. И я склоняю голову перед ними. Я им обязана своей жизнью.

Родители Аллы Платоновой были награждены медалями «За оборону Ленинграда», документы подписаны отвечающими тогда за безопасность города Кузнецовым и Поповым, которые после войны были расстреляны, как враги народа.

Навёрстывая упущенное в детстве, Алла Юрьевна до сих пор невероятно активна, и, как говорится, «покой ей только снится», кстати, она о нём и не топится мечтать.

Застать дома непоседливую женщину довольно проблематично: она то летает над скалами Турции на воздушном шаре, то уезжает в экспедицию на Камчатку, Кавказ или Казахстан; а может поехать на поиски залежей золота в Австралии или в экваториальной Африке... Она же совершает восхождение на Эльбрус или исследует воды Азовского, Чёрного и Каспийского морей. Вместе с друзьями из общества ленинградских блокадников много путешествует: полюбила готическую архитектуру Англии, любовалась красотами Испании, изучала экзотику Китая. Большая любительница музеев. По сей день посещает занятия в студии живописи: пишет маслом, акварелью, пастелью и выставляет свои работы в выставочных залах. Пейзажами жаркого лета, бабочками, жуками и цветами изрисованы русская печь и стены на её даче. Супруг Вейхер Алексей Алексеевич по поводу вечной занятости Аллы Юрьевны шутил:

*Пот течёт с лица планеты,
Человечество устало,
В темпе бешеной планеты
Продолжает мчаться Алла...
В ней кипит порыв к победе,
Покорив Эльбрус, Камчатку.
Алла белому медведю
Бросить думает перчатку!...
У тебя забот так много,
Что нет времени грешить,
Но прошу, за ради Бога,
Мне хоть пуговку пришить!*

– Где черпаете энергию? – Интересуюсь я. – В творчестве, в общении с людьми. Я тружусь с 16 лет – и по сей день.

Яркая, жизнерадостная оптимистка, полная идей и проектов на будущее, мечтающая преобразовать мир вокруг себя, неординарная личность –

она привлекает таких же людей, как и сама. Дважды была счастлива в браке, мужчины оценили её ум, целеустремлённость, открытость и общительность. В лучах её энергии и внутреннего огня, который выплёскиваются через край, купаются такие же неординарные личности: учёные, поэты, художники. Окружающим людям импонирует сильная женщина с чувством юмора, остроумная, любознательная, с активной жизненной позицией.

– Откуда такой оптимизм? – Мы, поколение 40-х годов, всю жизнь шакали в борьбе за эту жизнь и закалились в этой борьбе. В экстремальных условиях блокадного ада выработалась выносливость и устойчивость к невзгодам, нездоровью и к прочим «не», в том числе и в нашей современной российской жизни. Мы научились терпеть и не ныть, мы умеем радоваться жизни».

– Сейчас много говорят о стрессах, как Вы справляетесь с ними?

– У меня их не бывает. Просто некогда их замечать.

– Как же всем нам справляться со стрессовыми ситуациями?

– В них не попадать. Заниматься своим делом, работать, творить, читать, путешествовать, постоянно быть занятым.

– О чём мечтаете?

– Расширять диапазон знаний, получать новые впечатления. Хочется познавать мир, и не только из книг и «ящика», но и вживую чувствовать аромат жизни».

Нелли Михайловна Шмелева (Потемкина)

К огромной радости молодых родителей, ленинградцев ПОТЁМКИНЫХ, незадолго до войны родилась здоровенькая черноглазая девочка Нелличка. Михаил работал на заводе, а Антонина, красивая и на зависть подружкам всегда нарядная, одетая по последней моде, трудилась на тюлево-гардинной фабрике, где хрупкая женщина обслуживала одновременно 16 ткацких станков, за что и получила звание «стахановки».

Семья жила в достатке, имела большую комнату в огромной коммунальной квартире старинного особняка, которые тогда составляли основной жилой фонд Ленинграда. Их дочь, ладно сложенную и не по годам развитую дочурку нянчили всей квартирой, пока молодые на работе, помогала многочисленная родня. С присущим питерцам сдержанностью и чувством собственного достоинства они прививали ребёнку послушание и хорошие манеры. Но семейному счастью не суждено было быть долгим: через два года после рождения ребёнка нагрянула война. Отца мобилизовали на фронт в первые же дни войны, откуда он так и не вернулся живым, а мать продолжала работать на фабрике, только вместо изящной ткани теперь выпускались плотные полотна для пошива военной формы и шинелей, да рабочий день стал бесконечным.

Восьмого сентября 1941 года замкнулось вражеское кольцо вокруг Ленинграда, началась девятисотдневная блокада: непрерывные бомбёжки,

карточная система, не было света, тепла и воды, транспорт не работал. Антонина безмерно страдала, не имея возможности вырваться с работы домой, а обезумевшим от голода родственникам нечем было накормить малышку. Так Нелличка попала в круглосуточный детский сад под присмотр полуголодных воспитателей. Маму свою она почти не помнила и всякий раз путала её с другими тётями. Однажды после очередного налёта вражеской авиации здание фабрики было разрушено, начался пожар. В семью Потёмкиных пришло несчастье: Антонина была тяжело ранена в голову. На мгновение она пришла в себя и тут же от боли и ужаса потеряла сознание, увидев раскиданных по цеху десятки убитых, раненых и обгорелых людей, рядом стонали две женщины. Очнувшись уже в госпитале. Эту страшную бомбёжку Антонина Сергеевна не забывала всю жизнь. Ранение было настолько серьёзным, что значительную часть своей жизни женщина провела в госпиталях и различных лечебницах.

Антонина Сергеевна рассказывала, как тёмными ночами иногда она возвращалась с работы домой пустынными, неосвещёнными улицами, спотыкаясь о замёрзшие трупы, навстречу попадались истощённые, словно призраки, прохожие. Вспоминала, как её, обессиленную от голода и тяжёлого ранения, нередко навещали мародёры, ведь все квартиры были открыты, люди тогда уже не запирали двери.

– Я ведь ещё жива, уходите, – говорила беспомощная женщина. На что получала в ответ:

– Всё равно завтра помрёшь.

Промозглый холод в пустующем, давно нетопленном доме, в котором хозяйничали крысы, а также лютый, мучительный голод парализовали людей. Возникало чувство безразличия к своей жизни, равнодушие к надвигающейся смерти, люди настолько привыкли к бесконечным бомбёжкам мостов, улиц, к грохоту разрушающих зданий и к звону разбитого стекла, что перестали прятаться, да и сил спуститься в убежище уже не было. Трупы не закапывали, а перетаскивали в пустующие квартиры. Антонина Сергеевна настрадалась в полной мере, она испытала все ужасы блокады и войны с первого до последнего дня. Теперь свою маму Нелличка Потёмкина не увидит почти до самого конца войны.

Осенью 1941 года началась эвакуация детей на Волгу, за Урал, в Сибирь. Единственный путь из окружённого со всех сторон блокадного Ленинграда на большую землю проходил через небольшой участок суши и воды Ладожского озера, так и не захваченный фашистами. Вражеская авиация днём и ночью бомбила буксиры, баржи и катера с красным крестом на борту, на которых вывозили детей и раненых. А также переправляли снаряды, которые продолжали делать изнурённые голодом рабочие. Зимой фашисты решетила лёд, по которому проходила «Дорога жизни», грузовики проваливались вместе с

грузами и людьми. Тысячи ленинградцев погибли в этой ледяной купели. С таянием льда таяла и ненадёжная переправа – «Дорога жизни». Для Нелли эвакуация из осаждённого Ленинграда в город Котельнич Кировской области прошла благополучно. Однако и там кормить голодных детишек было нечем: ели липкий хлеб, испечённый из лебеды и опилок, компот из моркови и ревеня, суп из крапивы, словом, питались всем, что было под ногами. От такой изнурительной «диеты» началась дизентерия и дистрофия, дети обессилели, почти не двигались и умирали. А впереди ещё была зима, и, как оказалось потом, не одна...

Но Нелличке повезло: она не потерялась в дороге и не умерла. Ей удалось выжить благодаря родственникам, проживающим в маленьком городке Солигаличе Костромской области, что в 100 км от древнего русского города Галича. Здесь жила мать Антонины Сергеевны – Анна Павловна Большакова с младшей дочерью Валентиной, которой в начале войны было 15 лет и которая, таким образом, Нелличке приходилась родной тёткой. Самым удивительным и даже чудесным образом, несмотря на суровость первого года войны, в октябре 1941 года в Солигалич дошло-таки известие от близких из блокадного Ленинграда о ранении Антонины и эвакуации Нелли с детским домом в город Котельнич. Не долго думая и не имея ни малейшего представления о месте нахождения неизвестного Котельнича, не догадываясь о трудностях непредвиденного пути, Валентина, которая сроду не выбиралась из родных мест и поездов не видела, отправилась пешком искать свою племянницу. Девушка даже не подозревала, через какие тяжёлые испытания ей придётся пройти. В узелок сложила пайку чёрствого хлеба, немного денег и бельё. Мать, сама плохо понимающая опасность предстоящего пути, не остановила малолетнюю дочь, несмотря на увещевания соседок. Дорога в 100 км до железной дороги – областного центра Галича, оказалась куда сложнее, чем предполагалось изначально. Валюшка торопилась, ведь нужно успеть до наступления промозглых дождей и осенних холодов добежать до станции. Однако тряпичные из парусины туфли быстро пришли в негодность, на второй день оторвалась подошва. Привязав подошву верёвкой, она продолжала путь. Но и такая конструкция обуви оказалась недолговечной. Путь продолжала в чулках, которые вскоре превратились в лохмотья. Пришлось идти босиком. Вдруг однажды послышался стук телеги и хрип усталой лошади. Расспросив что да как, мужичок пригласил девушку в повозку, но не с целью подбросить пару километров, а совсем с другими намерениями. Валентина, несмотря на неискоренность нравов и полудетскую доверчивость, всё же смекнула, в чём тут дело, быстро прыгнула и бросилась наутёк. А узелок с вещами так и остался в телеге. Валентина до сих пор вспоминает, с какой оторопью преодолевала дорогу сквозь тёмный, беспросветный и длинный, как труба, наводивший на путников оце-

пенение, еловый «акуловский» лес, где смело себя чувствовали только волки и медведи, и названный так от Акуловки – близлежащей деревни. А дальше было уже не страшно. Деревни и посёлки, где можно было бы попросить хотя бы глоток воды, находились в стороне от дороги, у Валентины на это не было ни сил, ни времени. Так прошла неделя пути. И только однажды попалась девушка, где после долгих расспросов девушке предложили кусок хлеба да колодезной воды и уложили спать на сене. Потом ей приходилось отдыхать под кустами или в канавах, укрываясь от холода и укусов комаров ветками. На вторую неделю пути Валюшка добралась до Галича и разыскала железнодорожный вокзал. Ей казалось, что все мытарства скоро закончатся, но они только начинались. Товарняки, составы с зачехлённой техникой и солдатами на большой скорости неслись на запад к линии фронта. Попастъ в проходящий поезд не было никакой возможности. Несколько дней девушка выбегала на перрон, слышав стук колёс. И всё же ей повезло: удалось протиснуться в вагон на минуту остановившегося поезда. Оставалось только выяснить, где находится этот Котельнич. Сколько времени прошло, день или два, Валентина не помнит, измученная она сидела на верхней полке вагона, пребывая в ползабытьи, порой теряя сознание от голода, усталости и боли в ногах. Зато хорошо помнит, как в Котельнич поезд прибыл рано утром.

Сочная, нарождающаяся заря освещала узкие, позолоченные пожелтевшей листвой улицы и скверы небольшого уютного городка. Здесь царили такой покой и умиротворение, что казалось, никакой войны нет. Студёная осенняя прохлада пощипывала щёки, жгучая роса обжигала вспузырившиеся от кровавых мозолей распухшие ноги. Но Валентину это не смущало, она бежала на встречу с незнакомой племянницей, которой тогда шёл третий годок. Детский дом с эвакуированными ленинградскими детьми отыскался быстро. Девушку провели в большую комнату, где тесно и кое-как лежали истощённые, обессиленные ребятишки разных возрастов с высохшими, состарившимися лицами и не по-детски печальными глазами.

Разбудили крошечную девочку с глазками, словно вишенки, одетую в красного цвета платьице в белый горошек, и та, что было сил, на слабых ножках, раскачиваясь из стороны в сторону, побежала навстречу незнакомой тётке, не сколько крикнув, сколько слабо пискнув:

– Мама!

С тех пор Нелличка до самого Солигалича не слезала с рук вновь обрётённой «мамы». А в детском доме даже не придали значения тому, что девочку забирает несовершеннолетняя, невесть откуда явившаяся босоногая девчонка, да ещё без документов. Возможно, воспитатели понимали, что это был единственный шанс спасти жизнь умирающего ребёнка. Их не покормили, не дали ни документов, ни платьица и туфель, ни хлеба. Только сказали:

– У нас ничего нет, дать просто нечего.

Вскоре на Котельничском направлении начнутся ожесточённые бои и детский дом сгорит.

Обратный путь был сродни кругам ада. Трое суток металась на железнодорожном вокзале Котельнича Валентина с маленьким ребёнком на руках, пытаясь попасть на любой проходящий поезд, но всё было безуспешно. Спали на полу. Валя неподвижно лежала на холодном цементе в обнимку с безмолвной малышкой, согревая её теплом своего тела. Это продолжалось бы неизвестно сколько, если бы на них не обратил внимания начальник вокзала. Нелличка уже не стояла на ножках, не плакала, она положила головку на плечо и тихо умирала. Сцепленные на шее «мамы» ручки уже нельзя было разомкнуть. Услышав историю спасения ребёнка из осаждённого Ленинграда, седовласый и невероятно уставший начальник в строгой форменной одежде обещал помочь. Наконец, это удалось: с большим трудом он втолкнул девушку с ребёнком в едва притормозивший поезд, битком набитый военными, отправляющимися на фронт. Мужчины, одетые в солдатские шинели, едва сдерживали слёзы. Они поддержали, как могли, по сути, двоих детей: поили водой и давали кусочки хлеба, сахара и печенья, ведь у них самих больше ничего не было в сухом пайке, уступили место, где удалось немного подремать.

В Галич поезд прибыл поздно ночью. Было уже холодно, наступил конец октября сорок первого, начались затяжные дожди. Дороги размыло, и босые, напрочь разбитые ноги вязли в липкой глине. Каждый шаг приносил нестерпимую боль. Но теперь это уже ничего не значило. Ведь стокилометровый путь их вёл к родному дому. И совсем не было страшно: в кармане оставались ещё две печенюшки, которые облизывала Нелличка, потом она их потеряла, а на земле были лужи с водой. Девочку Валюшка несла на спине, крепко сцепив руки на поясице, а головка истощённого, словно свечной огарочек, ребёнка безжизненно свисала на бок. Донесёт ли едва дышащую малышку до дому живой, Валентина не знала. Отдыхали прямо на обочине раскисшей дороги – в лесу уже было мокро и холодно. На пустующем горизонте – никого, жизнь как будто замерла: ни машин, ни лошадей, ни людей: кто на фронте, кто в эвакуации, а кто попрятался в домах.

Полторы недели пути пролетели как бы без памяти. Когда Валентину спрашивали, как ей удалось выжить, она отвечала:

– Не помню, я только шла и шла.

Стресс настолько мобилизовал организм, что девушка не заболела, даже не простудилась, только долго потом лечила распухшие от водянистых мозолей и гнойников ноги, которые никак не влезали в туфли. Вскоре Валя Большакова приступила к занятиям в педучилище, куда она, недавняя выпускница седьмого класса, поступила ещё в сентябре 1941 года. Нелличку с трудом ото-

Валентина Васильевна – спасительница Неллички

рвали от «мамы» и уложили спать. Малышка не разговаривала, не плакала и почти не подавала признаков жизни. Отпаивали ребёнка козьим молоком и болтушкой из картошки, откармливали хлебом, который отрывался от двух мизерных пайков для иждивенцев. Вскоре с большим трудом удалось получить хлебную карточку и на ребёнка, непонятно откуда появившемся в семье Анны Павловны.

Мать Нелли, Антонина Сергеевна, продолжила работать на прежнем месте, на полуразрушенной фабрике – надо было как-то существовать.

После войны она получила правительственные награды, главная из них медаль «За оборону Ленинграда».

Ей очень хотелось найти свою дочь, но данных нигде не было, а архивы неизвестно куда вывезены. А тут пришла похоронка на мужа, который после длительного лечения в госпитале скончался от тяжёлых ран. Страдания молодой женщины были так велики, что она вновь заболела. После снятия 900-дневной блокады 27 января 1944 года в Ленинград стали поступать посылки и письма. Получила радостное известие и Антонина Сергеевна о том, что Нелличка жива и даже здорова и находится в костромской области у своей бабушки Анны Павловны. В 1944 году Антонина Сергеевна привезла дочь в Ленинград.

В совершенно разрушенный город без тепла и света возвращались жители города и дети из детских домов, за водой ходили на Неву. Постепенно открывались больницы и госпитали, школы, театры и концертные залы,

пошли трамваи. Жизнь изменилась к лучшему, но по-прежнему оставалась изнуряюще-голодной: пожалуй, только выросли хлебные пайки, да к ним прибавились крупы. Мать Неллички нередко увозили в больницу, и девочка часто оставалась со своими соседями и родственниками. А вскоре её вновь ждал ленинградский детский дом. Вот оно, несостоявшееся, обожжённое войной детство: недолюбленный ребёнок, выросший без кукол и игрушек, без конфет и подарков, без тепла и сострадания матери, без сильных рук отца – ребёнок, выросший без родителей, у которых так и не случилась возможность в трудную минуту прижать дочурку к своему сердцу! Дети блокадного Ленинграда, недополучившие смеха и радости, не наученные любить, искалеченные душой и телом, более, чем кто, умеют любить и радоваться каждому дню своей жизни, сочувствовать и сострадать, ценить и беречь жизнь. Стойкие духом, после войны они нашли в себе силы жить, учиться, много работать, восстанавливать любимый город, творить и созидать. При этом легко ранимые, они всю жизнь нуждаются в теплоте и заботе своих близких. Та самая девочка Нелличка Потёмкина выросла, окончила школу, получила профессию и стала классной портнихой, работая в престижных ателье, вышла замуж и родила двух замечательных сыновей, имеет внуков. К сожалению, добиться статуса «жителя блокадного Ленинграда» Нелли Михайловна долгие годы не могла: часть архивов сгорела в результате бомбёжек, часть была отправлена в тыл, который вскоре подчас становился фронтом, и там уничтожена. Вывезенная с детским домом в двух с небольшим годовалом возрасте из осаждённого фашистами города, она ничего потом не могла доказать. Ответ на запрос был, как приговор:

– Не положено!

Слишком мало времени девочка прожила в блокадном городе. Но ей этого хватило на всю оставшуюся жизнь. И всё же, несмотря на это, безмерная любовь к людям и к своему родному Ленинграду не истощима. Она очень гордится городом, ценит и дорожит в нём буквально всем. Пожалуй, нет уголка, который Нелли Михайловна Шмелёва (Потёмкина) не прошла пешком.

Голодные годы в раннем возрасте... Детский организм не может качественно сформироваться. И Нелли Михайловна не исключение. Но на болезни она не жалуется, терпеливо переносит выпавшие на её долю испытания, и достойно несёт свой крест. И пусть долгие годы её будет всегда сопровождать счастье – она его выстрадала!

Опалённая огнём побед и пеплом поражений война коснулась и Нелличкину спасительницу Валюшку. Война «паровозным колесом» прокатилась по судьбе жизнерадостной девушки. Всю войну голодала вместе с матерью, им нечего было одеть. В 1944 году она закончила педучилище и получила направление на работу. Через всю страну по комсомольской путёвке Валентина

ехала учить ребятшек в разрушенное войной село. Ушёл на фронт и вскоре погиб её названный жених Вовка АНФИНОГЕНОВ. Чуть ли не с раннего детства ребятня дразнила их «женихом и невестой», дружба была чистой и трогательной. Четыре месяца «учёбки» – и новоиспечённые лейтенанты шли командовать ротами и полками. Валентина Васильевна вспоминает, что «последнюю весточку получила осенью 1944 года:

– «Завтра идём в бой»!

Бой для юных младших командиров был первым и последним. Бои тогда шли по всей линии фронта. Безумые лейтенанты и рядовые этого призыва из городка Солигалича Костромской области погибли все до одного, не вернулся никто. Когда стали приходиться похороны одна за другой на ещё недавних новобранцев, город стонал от воя и плача. Так и не дождалась девушка своего счастья с названным женихом. Война искалечила многие судьбы. Потом у Валентины Васильевны будет замужество и рождение детей, но вся её жизнь теперь пойдёт совсем другим путём. Когда судьба человека, в силу непредвиденных обстоятельств, отклоняется от подаренного свыше, то вся жизнь складывается совсем иначе. И тогда неизвестно откуда появляются непредусмотренные судьбой складки – извилины жизни и множество препятствий, приносящие неизгладимые страдания и горькие разочарования. Но это уже совсем другая история.

Написано со слов ВОЛКОВОЙ Валентины Васильевны, проживающей с 1956 года в городе Сортавала республики Карелия, что на северо-западе нашей страны. Это та самая мужественная девушка Валюшка, которая до сих пор не понимает, что совершила героический поступок в свои неполные шестнадцать лет... Валентина Васильевна – старейший житель города, заслуженный педагог. С самого основания школы-интерната, она тридцать с лишним лет проработала заместителем директора и учителем русского языка и литературы. Имеет правительственные награды и звания: Ветеран войны и труда, медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», почётное звание «Отличник народного просвещения» и другие.

2010

Людмила Ивановна Юхневич (Тервонен)

«Время не властно» – так называется одна из книг писательницы, поэтессы и журналистки из Карелии, блокадницы Людмилы (Люли) Ивановны ТЕРВОНЕН, которую она составила по воспоминаниям ленинградских блокадников, проживающих в городе Сортавала. Эпиграфом выбраны стихи Ю. Воронова:

*Время – лекарь. И эту роль
Повторяет оно со всеми.
Но бывает людская боль,
Над которой не властно время.*

Людмила Ивановна многие годы собирает материалы о блокаде родного Ленинграда и возглавляет организацию жителей и защитников осаждённого города, которых в городе Сортавала, где она проживает 50 лет, оказалось немало. Участвует в работе Международной ассоциации блокадников. Содействовала организации сбора денег на строительство в С.-Петербурге храма Успенья Пресвятой Богородицы в память о жертвах блокады, на каждом кирпиче которого высечены имена жителей осаждённого города. Имеет звания: «Ветеран блокадного движения», «Ветеран труда», награждена почётным Знаком к 90-летию республики Карелия и многими медалями, в том

числе литературными: к юбилеям А. С. Пушкина и М.А. Шолохова. Людмила Ивановна – автор гимна города Сортавала. К 300-летию Санкт-Петербурга и 370-летию города Сортавала издала сборник стихов «Свет Родины». О своей второй Родине – Сортавала она пишет с благодарностью и любовью:

*В сиянии солнечных небес,
Где горизонт рисует лес,
Где воды синюю полыхают,
И свежестью благоухают,
Он мнится городом чудес.*

Проработала Людмила Ивановна 32 года детским врачом, честно выполняя свой долг, за что имеет звание «Отличник здравоохранения СССР». И всё это время развивала в себе талант поэта и журналиста, она является автором ряда книг, переведённых на финский язык. Книга «Психологическая общность ленинградских блокадников», написанная в содружестве с доктором биологических наук Магаевой С.В., раскрывает их психологические портреты. Людмиле Ивановне, детскому доктору, было интересно исследовать и обобщить опыт блокадников, как отразилось на поведении людей и их здоровье длительное голодание, особенно детей. Ведь она сама – блокадный ребёнок. Выяснилось, что, несмотря на нечеловеческие испытания и тяготы войны, многие из них полноценно учились. Поразительно, но многие ребята, качаясь от слабости и порой теряя сознание от голода, торопились в школу, располагавшуюся в самые тяжёлые годы блокады в бомбоубежище. При свете керосиновой лампы закончившими руками, из которых вываливались перьевые ручки, замёршими чернилами и карандашами ребята учились писать и рисовать на обрывках газет и клочках листовок, поскольку не было тетрадей.

Героический подвиг совершали и педагоги, прививавшие детям любовь к истории своей страны, к литературе и точным наукам. Многие ученики потом стали учёными, педагогами, врачами, музыкантами, художниками, писателями. Например, Артур Николаевич ЧИЛИНГАРОВ, переживший блокаду ребёнком, стал учёным океанологом, академиком, президентом Ассоциации полярников, депутатом Государственной Думы РФ. Несмотря на нечеловеческие условия существования, блокадники переносили тяготы судьбы с большим достоинством. Истощённые, они продолжали работать на заводах, делали оружие и отправляли его фронту. Самоотверженно служил Отечеству хирург Фёдор Григорьевич УГЛОВ, проводивший тяжёлые операции при свете керосиновой лампы под бомбёжками и артобстрелами неприятеля. Академик прожил более ста лет и всё это время неустанно работал. В чём секрет физической выносливости блокадников? «Смерть выбирала самых слабых телом

и духом; жизнелюбивых и терпеливых она пощадила, – так считают авторы книги «Психологическая общность ленинградских блокадников».

Блокада, как это не парадоксально звучит, породила неординарных, творческих личностей. Возможно, это связано с необходимостью использовать для выживания дополнительные, скрытые резервы детского организма.

«Профессиональные и творческие успехи, – утверждают авторы книги, – стали возможными благодаря огромной силе воли, выдержке, терпению, психологической выносливости и способности к преодолению экстремальных ситуаций». Людмила Ивановна ведёт переписку с блокадниками, борется за их права, пишет о них книги.

– С какой целью Вы тратите на это так много своего времени и душевных сил? – интересуюсь я.

– Считаю своим гражданским долгом перед погибшими и ещё живыми жителями и защитниками Ленинграда рассказывать молодому поколению о трагических и героических днях блокады. Для этого нужно оставить правдивые воспоминания, чтобы помнили потомки и берегли мир. По этому поводу Людмила Ивановна пишет:

*Есть у сердца святые печали,
Их на радости не разменять:
Как в блокадном кольце голодали,
Обречённые умирать;*

*Как безжалостно смерть косила
Молодых, стариков и детей;
Как, теряя последние силы,
Шили саван для близких людей.*

*Как заснеженный город спасая,
Сотни тысяч погибли солдат;
К нашей памяти тихо взывая,
Обелиски повсюду стоят.*

*Эту память живую, мы знаем,
Никогда никому не отнять!
Мы её, как священное знамя,
Нашим внукам должны передать.*

На карельском радио и местном телевидении часто звучит задорный смех Людмилы Ивановны и бархатный голос с насыщенным тембром, с кра-

сивой дикцией и мелодичной интонацией. Задушевность и теплота, широта взглядов, глубокие знания и принципиальность делают её программы доступными и понятными для любого возраста, эмоциональными, надолго запоминающимися, они затрагивают тонкие струны души и глубокие переживания у слушателей и телезрителей.

Людмиле Ивановне безразлично абсолютно всё, что происходит на её второй Родине – Сортавала. Она участвует во всех значимых общественных мероприятиях: это и презентация книг в городской библиотеке, и возложение цветов у братской могилы защитников города... Участвует в работе Совета общественных организаций и Совета по здравоохранению. Она создала Питерское землячество в своём городе, члены которого ежегодно посещают памятные морякам Ладожской военной флотилии знаки на острове Валаам, мысе Рауталаhti, опускают памятные венки в воды Ладоги. И такие почести оправданы: героическая Ладожская флотилия прославилась тем, что в годы войны обслуживала и защищала «Дорогу жизни», участвовала в обороне Ленинграда и освобождении Карелии. И вся эта многогранная работа отнимает у Людмилы Ивановны массу времени. Но она считает своим долгом поддерживать историческую память – чтобы помнили.

– Я – человек долга, – говорит Людмила Ивановна – так воспитано наше старшее поколение. С годами Людмила Ивановна поняла, что семейные ценности для неё святы.

– Семья – прежде всего! – Говорит она, окружая чистотой и порядком в доме и заботливой теплотой отношений своих близких, храня верность традициям – всё это привито ей ещё в раннем детстве. Интеллигентность, унаследованная от отца, во всём: во внешнем облике, в мыслях, поступках и делах. Общение с Людмилой Ивановной доставляет окружающим огромное удовольствие. Возле этой женщины согревается сердце и оттаивает душа. Причиной тому: ум и широкая эрудиция, доброжелательность и коммуникабельность, уважение, деликатность и тактичность, скромность, обострённое чувство справедливости и правдивости – всё это привлекает к ней людей разных возрастов и разных взглядов на жизнь. Её отличает умение внимательно выслушать собеседника, понять и ненавязчиво посоветовать. Взывая к её мудрости, можно не сомневаться: мудрый совет будет обеспечен. А что такое мудрость? Это широкая эрудиция, знание закономерностей общественного развития и большой жизненный опыт. Приученная к долготерпению с детских лет, она тихо грустит и тихо воспринимает свои успехи, но громко радуется успехам близких. Открытость к восприятию окружающего мира и любознательность сочетаются с твёрдостью убеждений. Никакого уныния и пессимизма, хорошее настроение и бодрость духа – вот, что отличают Людмилу Ивановну от нас многих. Женщина, излучающая радость – счастливая женщина. И счастье это Людмила Ивановна всю сознательную жизнь искусно творит своими руками:

*Счастье – это умение видеть,
Слышать и верно любить,
Думать, страдать, ненавидеть,
На этой земле просто жить!*

Эти слова стали эпиграфом к новой книге поэтессы.

Людмила Ивановна – любящая жена, мать взрослых детей и двух замечательных внуков, которые о ленинградской блокаде, изранившей страданиями душу и голодом тело их бабушки, ещё мало что знают. Людочка Юхневич или Люля, как её называли близкие, родилась в 1938 году в Ленинграде в большом красивом доме с широкими лестницами, с лепниной на фасаде, на проспекте Села Смоленского Володарского района.

Мама девочки Елизавета Устиновна ЮХНЕВИЧ происходила из многодетной семьи сибирских крестьян. По приезде в Ленинград окончила курсы и работала оператором на железнодорожной станции. А затем освоила бухгалтерское дело. Отец Иван Борисович ЮХНЕВИЧ – коренной ленинградец из интеллигентной семьи, работал инженером – строителем. Счастливый папаша был так рад рождению дочери, ангелочка небесной красоты с карими глазками и чёрными вьющимися волосиками, что сделал любимой супруге очень дорогой подарок – беличью шубку, шапочку и муфту. Эту шубку Елизавета Устиновна не продала даже в тяжёлые годы блокады, увезла с собой в Сибирь и носила ещё долго после войны. Кто же знал, что счастливое детство и безоблачное небо будут такими недолгими?

Война застала Людочку и её братика на загородном хуторе у деда Бориса, куда на всё лето съезжалась многочисленная родня. Всей семьёй вместе с бабушкой они заторопились в город, чтобы лихолетье встретить в родном доме.

Восьмого сентября 1941 года блокадное кольцо сомкнулось окончательно, и связь осаждённого города с внешним миром прекратилась. Брат матери Иван работал в вагонном депо и помогал, как мог. Он сделал печурку – буржуйку, возле которой проходила вся блокадная жизнь. Елизавета Устиновна стала работать кипяtilьщицей, чтобы получать по рабочей карточке 250 гр. хлеба. Больше не давали ничего. Измученная голодом женщина вставала затемно и на саночках везла с Невы две кадушки воды, кипятила её в титанах и разливала жильцам дома по два литра в сутки. Дрова заготавливала, как могла: ломала сараи, деревянные заборы, мебель.

Зачастую она поднималась в квартиры, в которых жильцы не в состоянии были двигаться, и разносила горячую воду. Дневная иждивенческая пайка хлеба зимой 1941 года для детей и бабушки составляла 125 граммов хлеба. Но даже эти мизерные кусочки хлеба мать не позволяла съедать сразу, она делила их на три части и давала утром, днём и вечером. Несмотря на все тяготы жизни, в доме всегда царил чистота и установленный порядок.

Сберегая силёнки, дети мало двигались, а больше лежали, заботливо укрытые матерью.

– И всё равно было нестерпимо холодно из-за отсутствия тепла и от голода. И только обжигающий глоток воды на некоторое время возвращал к жизни, – вспоминает Людмила Ивановна.

В январскую стужу девочка встретила своё четырёхлетие. На праздничном столе – всё те же кусочки хлеба и кружки с кипятком. Пение и танцы, издавна принятые в семье, отменялись по случаю отсутствия сил.

– Настоящий праздник состоялся тогда, – говорит Людмила Ивановна, – когда отец привёз с линии фронта кусок мороженой конины. Бабушка накрутила котлет и пожарила их на воде. Мясной аромат щекотал ноздри оставшихся в живых немногочисленных жильцов дома. К квартире подползали способные передвигаться люди, не видевшие мяса несколько месяцев. Бабушка каждого угостила котлеткой.

В первый год блокады семья ещё отмечала новогодний праздник. На ёлочной ветке висели довоенные орехи, обёрнутые золотистыми фантиками, и засушенные конфеты. Вскоре от этой «роскоши» ничего не осталось. Отец, работавший на строительстве госпиталей, больниц и оборонительных сооружений, отдавал свой хлеб семье и таял на глазах. Весной 1942 года он слёг и умер от истощения в новой больнице, которую сам проектировал. Ушёл на фронт и дядя Иван. Помогать стало некому. Сколько продлится блокада, никто не знал. Мать металась в поисках дополнительной работы и пайки хлеба. Но скудного питания не хватало, и голод брал своё. Понимая, что выжить в экстремальных условиях осады города семья не сможет, Елизавета Устиновна в августе сорок второго получила разрешение на эвакуацию из блокадного кольца на родину, в Сибирь. Путь предстоял нелёгкий – сначала под обстрелом вражеских самолётов на катере «Дорогой жизни» по Ладожскому озеру. Под прикрытием авиации несколько катеров и буксиров сумели успешно добраться до берега, но не всем посчастливилось остаться в живых: некоторые суда в этот день были топлены фашистами. Людмила Ивановна по этому поводу напишет:

*Смутно, но помню блокадные дни.
Город за шторами прятал огни.
Тень дирижабля плыла над Невой.
Пламя пожарищ стояло стеной.*

*Голос сирены протяжно звучал.
Бомбоубежища тёмный подвал.
Голод и крохотный хлеба кусок.
Да кипятка, обжигавший глоток.*

*Пламя копилки, буржуйки тепло...
Смерть миновала, нас чудо спасло.
Был через Ладогу страшный бросок.
Волны трепали наш катерок.*

*Небо гудело – шёл яростный бой.
Лётчики нас прикрывали собой.
Ужас бомбёжки, брата нитьё,
Бабушки руки, молитвы её...*

Людмила Ивановна помнит, как после переправы на берегу их кормили очень вкусной едой: супом с конским мясом, кашей с маслом и сухарями с чаем. Но мама не позволила детям есть досыта, она знала, что ослабленный голодом организм обилие пищи не выдержит.

А потом началась изнурительная дорога по железной дороге в переполненном товарном вагоне с редко прибитыми досками, в которых раньше возили скот. Путь был мучительным и очень долгим, было холодно и голодно, люди не выдерживали: умерших снимали на каждой станции. Наконец семья обосновалась в Курганской области. Мать работала бухгалтером, по карточке на ребёнка давали всё те же 150 гр. хлеба в день, на взрослого – 300. И больше ничего. Голод продолжался и здесь. И тогда Елизавета Устиновна проявила изобретательность и спасла жизни детей: она продала ценные вещи, привезённые из Ленинграда, выменяла их на пуд соли, которая была большой редкостью, и за эту соль колхоз предоставил ей стельную корову. На свежем молочке детишки поправились и быстро набрались силёнок. Родившегося телёночка пришлось забить, о чём дети горько плакали, а затем, не имея других игрушек, играли с его косточками.

Людмила Ивановна называет ангелами-хранителями матерей блокадных ребятишек:

– Так было всегда, пока они были живы. Впервые мы могли это осознать во время блокады. Мамы делились с нами скудным пайком блокадного хлеба, заслоняли нас собой во время налёта вражеской авиации и артиллерийских обстрелов. Материнская любовь жертвенна и беззаветна.

После снятия девятисотдневной блокады 27 января 1944 года все ленинградцы заторопились домой. Стали собираться и Юхневичи, но получили отказ: их квартира, как и многие другие, была занята строителями и другими специалистами, прибывшими восстанавливать многострадальный город. И тогда с любимой коровой и сеном в товарном вагоне семья прибыла в Выборг к брату Ивану, вернувшемуся с фронта после ранения. Здесь корову продали и купили большую комнату в старом финском доме и швейную машинку, чтобы подрабатывать, помимо основной работы на железной дороге, ещё и шитьём.

– Машинка стучала постоянно, когда я ложилась спать и когда вставала, – рассказывает Людмила Ивановна.

Она вспоминает, что «есть хотелось всегда, посуду можно было не мыть: мы с братом лизали сковородки после картошки, жареной на воде, и кастрюли после каши».

Людочка с братом отвечали за отоваривание хлебных карточек и очень боялись их потерять. Тогда карточки пропадали очень часто, и не только: пропадали и люди, ушедшие их отоваривать во время бомбёжек и артобстрелов. И однажды, перестраховавшись, дети и в самом деле их потеряли, спрятав, неизвестно куда. Семья с трудом пережила трагедию. Нашли пропажу уже после отмены карточной системы в 1947 году. Хлеба теперь ели вдоволь, хотя ещё долгие годы всё равно хотелось есть.

Несмотря на голод и неустроенность жизни, Людмила успешно окончила школу, поступила и успешно окончила Ленинградский педиатрический медицинский институт. Работать детским врачом приехала в Сортавала – уютный городок, что стоит на живописном Ладожском озере, когда-то подарившем второе рождение ей и тысячам других блокадников. Людмила Ивановна трепетно и нежно поклоняется Ладоге, она пишет:

*Я поклоняюсь Ладоге Могучей;
Её волне, то плавной, то кипучей,
Когда её тяжёлый вал
Дробится, пенится меж скал...*

С присущей ей наблюдательностью и творческим воображением, поэтесса восхищается буйством и непокорностью могучей ладожской волны:

*Я принимаю Ладоги капризы,
И летние и зимние сюрпризы,
Когда под шубой, утеплённая,
Она не будет покорённая,
Лишь вся в сверкающих снегах
Задремлет в сладостных мечтах:
Сломать все зимние оковы
–И буйствовать, и веселиться снова!..*

А сколько чувственности в лирике Людмилы Ивановны:

*Туман пуховым одеялом
Прилёг на ладожские скалы,
Закрыв надёжно небеса;
Вблизи темнеют лишь леса...*

О поэзии Людмилы Ивановны можно говорить бесконечно долго. Она мастерски проникает в самую суть природы и человека. И не только нас, почитателей её творчества, восхищает глубокое и чувственное восприятие природы, вместе с ней и человека. Пожалуй, именитые русские поэты прошлого, живи они в наше время, непременно проявили бы интерес к эlegantности мысли, изяществу слога, мелодике слова, богатству образа и тонкости метафоры в поэзии Тервонен Л.И.

Её стихи хрупкие, как фарфор, издающие хрустальный звон. Художественные образы льда, метели, снега, шторма, волны, тумана, леса, неба и воды... наделены душой, состояние которой созвучно с человеческими ощущениями, переживаниями, характерами. Стихи полны света, неподдельной чистоты и счастья бытия. Символичны и названия сборников: «Свет Ладоги», «Свет любви», «Мелодии сердца».

Свежестью чистого, прозрачного воздуха в душный день веет от стихов. Лёгкую, таинственную музыку, необузданную радость и тихую грусть излучает лирика Людмилы Ивановны. Кроме всего сказанного, Людмила Ивановна – заядлая рыбачка. Весь навигационный период Тервонены смолodu проводили на Ладоге, подолгу жили на островах в палатках вместе с маленькими детьми, которых приучали к водной стихии прямо в детских колясках, пищу из выловленной рыбы готовили на костре. А теперь и внуков с младенческого возраста вывозят на рыбалку, приучают бережно и почтительно относиться к природе. Супруг Валентин Лукич, так же известный в Карелии человек, долгие годы возглавлял российско-финскую дорожно-строительную фирму. В том числе он руководил строительством участка «голубой дороги» – любимого в скандинавских странах туристического маршрута.

Таковы три истории блокадного детства близких мне людей. Вот оно, растоптанное войной, мучительное и безрадостное детство ленинградских ребятшек!

Счастливого, беззаботного детства украла война и взрослые «дяди» с фашистским лицом, развязавшие войну, которые не умели управлять своей страной, а умели только жестоким и бесчеловечным способом решать жизненно важные для планеты дела. Безоблачное небо над головами ленинградских детей, да и многих других детей нашей страны, в одночасье стало облачным и грозным с бомбами и пожарами, с ранениями, болезнями, гибелью близких людей, бесконечным голодом и мучительным умиранием.

Вечная память безвременно ушедшим – погибшим в сражениях и умершим от голода и ран в блокадном плену! И пусть невинные души погибших детей яркими звёздочками будут вечно гореть в небесах!

Людмила Ивановна с блокадниками

И пусть оставшихся в живых в блокадном аду всегда хранит Господь!
– Время не властно над памятью, – говорит Тервонен Людмила Ивановна, – блокаду забыть нельзя! Тема памяти нашей истории серьёзно волнует умы и души бывших блокадников. И мы молим только об одном:

*Память моя блокадная,
Не подведи меня!
Память моя блокадная,
Переживи меня!*

Эти слова поэта Анатолия Молчанова стали девизом наших надежд. Время не властно над исторической памятью. И мы не имеем права забывать высокую духовность блокадников, патриотизм, убежденность в правоте своего дела и преданность своим идеалам, стойкость и выдержку пленников осаждённого города.

Сортавальцам повезло: в их городе живут и работают люди, которые о войне и блокаде знают не понаслышке. Небезразличные к будущему планеты, они неустанно напоминают ныне живущим о самой большой трагедии XX века. И делают всё возможное, чтобы следующие поколения людей всегда помнили о мужестве жителей и защитников многострадального города, и чтобы в будущем никогда не повторилось трагическое прошлое. Время не властно!

2011

С Л О В О В Н У К А М И П Р А . . . П Р А В Н У К А М

В РУКАХ МЫ ДЕРЖИМ

ЩИТ И МЕЧ:

МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ

МИР ПОДЖЕЧЬ!

Война глазами юных художников из
детско-юношеского центра «Виктория».
г. Москва, Россия:

Фронтовые сёстры.
Гречанинова Юлия. 6 лет

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Тот же двор, те же дверь и стены,
так же дети бегут гуртом...

Повзрослевшая «школьница» Лена
в перешитой шинели-пальто...

В класс вошла...Огляделась...Села...
Здесь прошли десять светлых лет...
А потом написала мелом:
 $X+Y = 2Z...$

.....
Школьным вечером (вышло лето),
бросив книги и карандаш,
встала девочка с парты этой
и шагнула в сырой блиндаж.

Миша Гулинкин, 10 лет

Этот день обеда.
Назаренко Мария. 10 лет

Весна 1945 года.
Феденко Дарья. 10 лет

... И плавился металл...
(Жестокие бои под Москвой).
Седова Мария. 12 лет.

Не сдаётся врагу советский солдат.
Мешкова Анастасия. 9 лет

Таня Климанова – совсем ещё юная девушка. Очень, к счастью, далеки от неё грохоты военной поры. То, что сохранились рассказы в её семье – счастье. Мало рассказов, без подробностей, и даже не все имена упомянуты. Этот факт говорит о том, что мы все должны более бережно относиться к прошлому. К его героям. Хранить каждое свидетельство истории. Рассказы скупы, но за короткими фразами – очевиден героизм нашего народа, который обессмертил себя в страшной войне XX века.

Таня талантлива – прекрасный фото-мастер, дизайнер.

ГЕРОИ

*Рассказы бабушек
(1996 год)*

Мария с ребёнком на руках и Пётр

МАРИЯ КУЗНЕЦОВА

До Великой Отечественной войны жила в городе Егорьевске Московской области.

В 20 лет приехала в Пензенскую область в деревню Матчерка. В 1941 военкомат распределил Марию в Пензу, а из Пензы – на фронт.

Мария прошла войну пулемётчицей. Получила множество орденов, дошла до Берлина. Там в качестве трофея досталась маленькая подушка из лебяжьего пуха.

После войны возвращалась [в деревню] одна с фронта, вся грудь в орденах и медалях. Жители деревни, и стар и млад, гурьбой вышли её встречать – как Героя Отечества и победителя.

В 1946 году вышла замуж за Стенякина Петра.

ПЁТР СТЕНЯКИН

До Великой Отечественной войны жил в деревне Матчерка. Оттуда его направили в Пензу, а из Пензы на фронт. В пехотных войсках дошёл почти до Берлина, но на территории Германии попал в плен буквально накануне дня победы. Посадили в концлагерь. Обращались соответственно...

Однажды богатый немецкий фермер пришёл в тот концлагерь и набрал рабов из числа русских пленных. Для грязных работ. Взял Петра и ещё несколько мужчин.

Мой дед рассказывал, что этот немец в отличие от фашистских солдат их не обижал и не мучил – относился по-человечески. В семьях других немцев русские солдаты в то время умирали с голоду. И мой дед с товарищами носили им по ночам еду с фермы. Так продолжалось до тех пор, пока их не засекли радары.

Снова концлагерь. На этот раз «провинившихся» запарывали до смерти. Мой дед чудом избежал смерти. После 9 Мая 1945 русские солдаты освободили их из плена.

Доктор армии США осматривает советского подневольного рабочего, больного туберкулезом. Он был угнан на принудительные работы в Германию на угольные шахты в город Дортмунд. Фото Великой Отечественной войны. Время съёмки: 30.04.1945

БРАТЬЯ ПОЗДНЫШОВЫ

Старший и средний братья моей бабушки по отцовской линии. До Великой Отечественной войны родились и жили в деревне Травино Липецкой области. Убиты на войне.

КЛИМАНОВА

Сестра моего деда по отцовской линии до Великой Отечественной войны родилась и жила в городе Данкове Липецкой области.

Лётчиком она была с юности. Семьи, по словам родственников, не было. Провоевала на самолёте всю войну. После войны разбилась во время испытания самолёта.

Сестра моего деда по отцовской линии

ГЕРОЙ НЕИЗВЕСТЕН

Во время Великой Отечественной войны за лощиной Дубовое, на поле, **разбился советский лётчик**. Самолёт его загорелся в небе. Падая, врезался прямо в землю. На том месте осталась огромная яма.

Люди из деревни ходили по полю собирать останки тел погибшего. С ведрами ходили и собирали фрагменты тела. Говорят что, только около 25 килограммов собрали. Это и похоронили: всё, что осталось от бесстрашного, отважного лётчика.

На месте его гибели поставили самодельный памятник, положили венки и цветы.

*Белоруссия.
Рубеж обороны.
Фото Т. Климановой*

СТРЕЛОВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА

СТИХИ О ВОЙНЕ

О, есть ли право у меня,
Стихи писать, войны не зная? –
Но подвиг, славою звеня,
Живёт, Отчизну восхваляя...

Кто шёл в бессмертье, не страшась, –
Не должен нами быть забытым.
В огне Победа родилась,
Ценой сожженных и убитых.

Когда весь мир одна война
Пожаром мир испепелила,
Моя огромная страна
Народ Европы защитила.

Не оправдать вовеки тех,
Кто Гитлеру поверив свято,
Свой праздновать решил успех,
Казня славянского собрата.

Но знали наши старики
Заветы, правду вековую:
Фашистов вражды пауки
В годину сгинут роковую!

И сквозь огонь, беду и кровь
Бесстрашно шли к заветной цели,
И поднимались вновь и вновь –
Победы марши загремели!

Мария Стрелова

СТРЕЛОВЫ – ФОМИЧЁВЫ. ПАМЯТЬ О НИХ СВЯЩЕННА

Помнить...

Как часто мы забываем об этом...

Но мы, современное поколение, непременно должны помнить о тех, кто дал нам право жить, кто не на секунду не задумавшись, ушёл в бой и победил. И пусть многих уже нет с нами, но есть над головой небо чистое-чистое, есть свободная Российская земля, и мы обязаны памятью ветеранам войны, обязаны памятью победителям.

Я расскажу о фронтовиках моей семьи. И деда, и прадеда уже нет в живых, но мы никогда не забудем о них.

ПЁТР СТРЕЛОВ (1912 – 1975)

Пётр Павлович Стрелов – мой прадед, родился 18 января 1912 года. Волна Октябрьской революции и Гражданской войны пронеслась мимо ребёнка страшным сном, но не оставила его равнодушным к судьбе нашей родины.

Пётр Павлович закончил Инженерно-строительное училище в Ленинграде, потом проходил службу в Коврове, в Гороховецких лагерях. Потом был переведен в Москву, откуда и отправился на фронт.

В 1939 году началась Советско-Финская война. Во время боевых действий, на переходе через реку, в суровую зиму Пётр Павлович упал в прорубь и по пояс промок в ледяной воде.

Без возможности переодеться и отогреться, он за своей частью шёл в бой. А когда, наконец, сумел обсушиться и сменить вещи – было уже слишком поздно...

Пётр Павлович Стрелов с семьёй

Развилась гангрена. Пётр Павлович был помещён в госпиталь имени Бурденко, где ему ампутировали пальцы ноги.

После этого П.П.Стрелов перенёс ещё несколько тяжёлых операций и полностью потерял ногу.

В 1941г. начинается Великая Отечественная война. В боевых действиях Пётр Павлович уже не участвовал. На тот момент он продолжал службу

в Министерстве Обороны СССР, в отделе мобилизации ресурсов, в звании полковника. П.П. Стрелов выезжал на фронт с проверками, дважды был на приёме у И.В. Сталина.

– За ним постоянно следовала чёрная машина, а во дворе прогуливались люди в шляпах. Как только отец садился в машину, у нас, на Кутузовском, они сразу же уезжали за ним, – вспоминает его сын, Юрий Петрович.

Война застала его и его сестру совсем маленькими. И бабушка, и его сестра, Людмила Петровна, мало что помнят о событиях того времени. Юрий Петрович, правда, вспоминает, что когда началась война, они были на отдыхе. Помнит, что 22-го июня 1941 года прискакал мужчина на коне и закричал, что Гитлер вероломно напал на Советский Союз. Помнит, что их мама, жена П.П. Стрелова, Антонина Михайловна, постоянно куда-то уходила по вечерам. Антонина Михайловна всю войну была в составе добровольных дружин и ходила в ночные рейды – тушила бомбы-«зажигалки» на крышах московских домов.

В 1960 году Пётр Павлович ушёл со службы.

Награждён Боевым Орденом Красного знамени, медалью «За боевые заслуги», орденом Красной звезды. Через 15 лет, в 1975 году, Пётр Павлович скончался, оставив после себя большую и дружную семью.

Я не застала прадеда в живых, и всю его историю записала со слов бабушки, Юрия Петровича Стрелова.

Пётр Павлович Стрелов, справа

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ ФОМИЧЁВ (1925 – 2005)

Гораздо больше мне повезло с другой ветвью моей семьи. Дедушку Михаила Афанасьевича Фомичёва, ветерана Великой Отечественной войны, я помню сама. Однако рассказ о его жизни мне поведала бабушка, потому что в последние годы жизни дедушку постиг тяжёлый недуг. Михаил Афанасьевич совершенно не мог говорить. Несколько лет назад дедушка умер...

Михаил Афанасьевич Фомичёв родился в 1925 году в селе Новые Кирки Новосильского района Орловской области. В его семье было девять детей, и ещё двое приёмных. Мать дедушки, Екатерина, была милосердной, редкостной души женщиной. Отец, Афанасий, участвовал в Первой Мировой войне, имел царские награды (кресты), но под конец жизни начал заговариваться: сказалось сильное потрясение в военные годы. Бабушка вспоминает рассказ Михаила Афанасьевича: «Отца увезли, а куда – никто не знал. Вроде, говорили, в сумасшедший дом. Недели на него новую телогрейку, сапоги, все его награды с собой взяли. И пропал. Зимой на санях увезли: куда – один Бог ведает...». Дедушка всегда был уверен, что Афанасия убили.

Но вот начинается Великая Отечественная война. Екатерина, совершенно одна, с детьми, что называется, на руках, пошла по миру. Дедушка рассказывал, что все люди помогали, приносили хоть какую крошечку, оставляли на крыльце. Но семью одолевал голод и страшная нищета.

*Михаил
Афанасьевич,
слева*

*Михаил
Афанасьевич,
в центре*

Все старшие братья Михаила ушли на войну, вернулся только один, Василий Фомичёв. Сам же дедушка, будучи тогда шестнадцатилетним пареньком, ушёл на фронт. Бабушка вспоминала, что паспортистка приписала ему в паспорте один лишний год, за счёт которого дед был демобилизован на пять лет позже, чем было можно.

Тогда на фронте этому не придавали значения. Шли ожесточённые бои. Михаил Афанасьевич был водителем танка. В семейном альбоме до сих пор хранятся фотографии, где дедушка стоит на танке вместе со своими товарищами из экипажа. В 1943 году, по возвращении из госпиталя, Михаил Афанасьевич получил квалификацию танкиста-механика. Неиссякаемая жажда действия, безмерный энтузиазм остались с ним на всю жизнь.

В 1943 году Михаил Афанасьевич был серьёзно ранен и отправлен в госпиталь на Урал. По выздоровлении он был отправлен на войну с Японией, на дальневосточный фронт.

Михаил Афанасьевич вернулся домой только в 1950 году, а затем переехал в Клязьму, к своей сестре, и снимал у неё комнату, живя в крайней нужде. Вскоре, в Клязьме же, он повстречал бабушку.

В 70-х годах сказалось ранение на фронте: дедушка получил инвалидность второй группы.

Лидия Григорьевна Фомичёва (в девичестве Бадаева) родилась в посёлке Звягино Пушкинского района в 1932 году. Когда началась война, ей было всего девять лет.

Вообще, рассматривая родословную моей семьи с моей, современной точки зрения, я нахожу, что судьба её не баловала. В 1917 году, когда грянула Революция, немец-фабрикант Август Лей, правнучкой которого была моя бабушка, уехал на родину, в Германию, бросив в России свою жену и дочь. Больше от него не было никаких вестей. Не сохранились ни документы, ни фо-

Михаил Афанасьевич Фомичёв (второй слева)

тографии. И его дочь, Ольга Августовна, и внучка, Катерина, всю жизнь жили едва ли не в крайней нищете. Катерина принципиально не желала работать, и чтобы хоть как-то обеспечить семье существование после смерти мужа Григория, в 1943 году, начала распродавать по кусочкам большой дом. Она и две её малолетние дочери, Лидия и Ольга Григорьевна ютились в комнатухе три на три метра.

А между тем, шла война. Начался голод. Припасов не было. Есть было совершенно нечего. Лидия бегала на поле, искала несобранную колхозниками картошку и морковь, собирала картофельные очистки у заборов тех, кто богаче, продавала землянику возле метро и одна обеспечивала семье существование. В девять лет.

Бабушка вспоминает, как в военные годы она ходила в начальную школу, и там они с учителем постоянно выбегали на улицу и прятались, кто где мог, потому что фашистские самолёты кружили над их головами в опасной близости. Но, вспоминает Лидия Григорьевна, в детстве это не казалось ужасным. Почти не было страшно бежать по полю, когда над головой с рёвом проносился бомбардировщик. Постоянно голодные, оборванные, звягинские дети не теряли оптимизма. Летом спали на лужайке, чтобы рано утром бежать в лес за земляникой, зимой помогали друг другу, кто как мог.

Но вот война закончилась. А голод и разруха – нет. В 12 лет бабушка уже работала на почте, разносила письма – совсем, как взрослая... А в 14 лет первый раз получила повестку в суд за прогул – и явилась. Напуганная, нерешительная!

В пятидесятых годах Лидия Григорьевна встретила Михаила Афанасьевича. Сначала они теснились в маленькой комнатухе, вместе с матерью Ли-

дии Григорьевны и её сестрой Ольгой, потом снимали квартиру в «Заветах Ильича», жили в страшной нужде, но никогда не унывали. Позже выкупили маленький участок, который ранее продала её мать, Екатерина, вместе с дедушкой отстраивали жалкую лачужку в Звягино, и вскоре она превратилась в большой двухэтажный дом. И это всё тогда, в первое послевоенное десятилетие, когда невозможно было достать материалы...

Бабушка и дедушка не унывали. Все радости и невзгоды делили поровну и жили душа в душу.

Лидия Григорьевна работала заведующей клязьминской почты, была народным депутатом. Каждый в Звягино знает её, уважает, люди узнают Лидию Григорьевну, здороваются на улицах. На почте была железная дисциплина. Бабушкины сотрудницы слушались её беспрекословно, но не из страха, а, скорее, из уважения к образцовому поведению.

Дедушка работал на заводе. Часто к Лидии Григорьевне заходит её хорошая знакомая, тётя Маша Данилова. Порой, за столом она вспоминает, как сама пережила войну.

Ей повезло куда меньше. В сорок первом году её вывезли в концлагерь, в Германию. Она вспоминает, как утром давалась миска похлёбки, и потом совсем молодые мальчики и девочки отправлялись на производство. Что конкретно они делали, тётя Маша не помнит. Мы часто спрашиваем её, как же она сумела выжить там. Нам это кажется ужасным, нереальным... Она вспоминает, что фашисты не измывались над ними, давали еду... Будили рано, и сразу – на работы!

Михаил Афанасьевич Фомичёв, справа крайний

Длинный, однообразный день с утра до вечера, а там – следующий, точно такой же, день... Территория, обнесённая забором с колючей проволокой, суровые немцы-надсмотрщики...

А потом, вместе с освободительными советскими войсками, тётя Маша вернулась на родину. Они с бабушкой плачут, вспоминая эти страшные годы...

Дедушки уже нет в живых. Он умер семь лет назад. За несколько лет до смерти его поразил тяжёлый недуг. Михаил Афанасьевич совсем потерял дар речи. Бабушка стойко и мужественно разделяла с ним болезнь, терпела все тяжести и безмерно любила дедушку...

Порой бабушка подолгу смотрит на его фотографию и плачет...

Сейчас в Лидии Григорьевне кипит жизнь. Порой бабушка чувствует себя довольно плохо, но это её не останавливает. Она сажает цветы, недавно отстроила баню, перестроила садовые постройки, в ней живёт постоянная жажда деятельности. Бабушка никогда не сидит на месте. И это достойно небывалого уважения – то, что прожив такую тяжёлую, полную невзгод и лишений жизнь, Лидия Григорьевна не опускает руки и стремится вперёд, – удивительно!

Наша семья не забывает тех, кто уже умер, и тех, кто живёт. На праздники мы собираемся вместе, мы помним и любим наших ветеранов. И хотим, чтобы они верили и знали: мы всегда с ними.

Стрелова Мария Андреевна

*Студентка 2 курса исторического факультета
МГУ им. Ломоносова
2011*

*Слева направо: Елена Ермилова, сестра Михаила Афанасьевича,
Лидия Григорьевна Фомичёва, Мария Данилова в наши дни*

КУКАНОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА

*Настя Куканова. 2011 год.
В каждом её концерте обязательно звучат
и патриотические песни*

Настя – талантливая девочка. Героиня Энциклопедии «Одарённые дети – Будущее России» – за проявленный талант и успехи в изучении наук. Она лауреат многочисленных музыкальных конкурсов и фестивалей (Международного фестиваля-конкурса детского и юношеского творчества «Бегущая по волнам»; «Юные таланты Московии». «Покровские соловушки» и др.).

В составе детско-юношеской лиги ПараАртийского Центра «Иван да Марья» Настя неоднократно участвовала в благотворительных концертах XI и XII Артиады – ПараАртиады в период 2010-2013 годов. Открытая, приветливая, коммуникабельная, скромная, ласковая и добрая девочка. Настя хорошо рисует (также участница и победительница многих выставок-конкурсов), занимается английским языком, учится игре на синтезаторе... Участник различных олимпиад. Ученица педагога дополнительного образования Елены Исаевой. Несмотря на свои весомые «заслуги» и достижения – не зазнайка, не страдает звёздной болезнью. Дважды Лауреат Артиады народов России.

*Настя Куканова.
Плакат. Батик. Выставка 2011*

*Настя Куканова.
Плакат. Батик. Выставка 2011*

*Настя Куканова
Монумент «Воин-Освободитель»
в Берлинском Трептов-парке.*

Я НАРИСУЮ МИР

Насте Кукановой

Цветами радуги я нарисую мир,
И позолоты щедро на него плесну,
Чтоб солнце нежно нам сияло, дул зефир,
Резвился над морями, подгонял волну...

В благоухающем саду пчелиный рой,
Песнь лебединую и трели соловья,
Звонящий смех детей морозною зимой,
Огонь любви в сердцах людей рисую я.

Мир без войны я нарисую и без слёз,
В нём – колыбельные счастливых матерей,
А на груди фронтовиков – скопленья звёзд,
И символ мира – в небе белых голубей...

Давайте вместе нарисует шар земной –
И оживёт у всех прекрасная мечта,
Прольётся дождь святой чистойшею водой,
Исчезнет зло и утвердится доброта!

Мой друг, и ты рисуй прекрасным этот мир,
И позолоты щедро на него плесни!
Давай устроим для землян волшебный пир!
Да пусть исчезнет во Вселенной дух войны!

17 декабря 2010

Мария Веселовская-Томаш

Будущий солдат, Дмитрий, поёт с детсадовского возраста патриотические песни. Он – самый юный артист детско-юношеской лиги ПараАртийского Центра «Иван да Марья». Его любимые песни – «Мой дедушка герой», «Я вернусь победителем».

Сегодня Дима ученик 2-го класса. Мальчик очень скромный, любезный, трудолюбивый – всегда участвует в субботниках, проводимых в коллективе Центра. Участник различных конкурсов и фестивалей, их лауреат, дипломант. Неоднократно получал звание «Приз зрительских симпатий». Ученик педагога дополнительного образования Елены Исаевой. Дважды Лауреат Артиады народов России

Букет Артисту – Ветерану Великой Отечественной войны
Евгению Карташёву: «Спасибо за Победу!»

МОЯ СТРАНА – РОССИЯ

Диме Чурсинову

Моя страна – Россия,
Берёзки в ней красивы
И реки горные ревут,
А по морям ветра бегут
И тайны в космос нас зовут.

Моя страна – Россия,
Лишь в дружбе – наша сила!
У нас полным-полно чудес:
Снежинки падают с небес,
Как в сказках, оживает лес.

В России есть столица:
Мой город, словно – птица!
В нём от рождения я живу
И очень я люблю Москву!
Люблю во сне и наяву.

Страна моя родная,
Ты для меня святая.
Преодолела много бед,
Но краше и милее нет:
Хотя тебе так много лет!

Страна моя большая –
Одна лишь ты такая!
Тебя должны всегда беречь –
В руках мы держим щит и меч:
Мы не позволим мир поджечь!

17 октября 2010

Мария Веселовская-Томаш

ТО ОГНЕННАЯ КУРСКАЯ ДУГА...

В середине сентября 2002 года я случайно оказалась в гостях в городе Железногорске Курской области. Привела меня к незнакомой Нине Ярыгиной-Сутягиной... поэзия: познакомившись с моим творчеством, она пригласила меня погостить, я и поехала.

Показали мне город, отвезли на Горно-обогатительный комбинат. Очень интересной оказалась поездка. Я не предполагала, что под Железногорском есть такое памятное, святое место, которое всколыхнёт меня до глубины души...

Был когда-то посёлок с красивым названием Большой Дуб. Жили люди, работали, растили детей.

Осенним днём 1942 года фашисты окружили Большой Дуб, Звезду, Холстинку, Золотой, Погорельый и другие Михайловские посёлки. Автоматы наизготовку, овчарки рвут поводки. В обращении немецко-фашистского командования к солдатам говорилось: «Убивай всякого русского, советского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...». И они убивали.*

С 1974 года на территории музея-заповедника «Большой Дуб» находится стела с изображением карты Курской битвы с датой «1941-1945» и текстом на стеле: «В н.п. Михайловка с 15 августа по 5 сентября 1943 г. находился штаб Центрального фронта, командующим которого был генерал армии Рокоссовский Константин Константинович».

В пяти братских могилах на территории музея-заповедника «Большой Дуб» покоятся останки не только 44-х мирных жителей посёлка Большой Дуб, но также 75-ти жителей посёлка Холстинка (заживо сожжены 19 октября 1942 г.) и 31-го жителя посёлка Звезда (расстреляны 17 октября 1942 г.).

*за период немецко-фашистской оккупации на территории Михайловского района в населённых пунктах Веретенино, Холстинка, Погорельый, Звезда, Большой Дуб, Опажье, Бугры, Комарой, Рясник, Новая Жизнь, Медовый, Георгиевский, Михайловский, Толчёново, Макарово, Трояново, Студенок, Чистое были замучены, расстреляны и сожжены 624 чел.)

На территории мемориала (она равна 4,5 га – ровно столько, сколько занимал посёлок Большой Дуб) установлены чёрные, закопчённые срубы – символические основания домов, сожжённых фашистскими извергами. Эти срубы-символы поставлены на местах 14-ти сожжённых домов жителей посёлка Большой Дуб. Они хранили тепло, уют, человеческую радость... Надпись на них гласит: «Здесь был дом мирных жителей, зверски уничтоженных фашистами в 1942 году».

В каждом макете-срубе установлены символические печные трубы и колокола, звон которых раздаётся через 150 секунд, по числу жертв фашизма, погребённых на территории мемориала.

На мемориале находятся также 6 братских могил солдат, офицеров и партизан, погибших в ходе освобождения Михайловского района в феврале-марте 1943 г. и в ходе Курской битвы в июле-августе 1943 г. Имена погребённых увековечены на мемориальных плитах братских захоронений.

Мемориал стал Музеем партизанской славы «Большой дуб» в Курской области под открытым небом.

... Под золотым осенним солнцем на фоне бирюзового неба грустно стояли яблоня, груша-дичок и в багряных кистях рябина. Берёзки, словно часовые, замерли... Листва уже в позолоте. Яблоки с красными бочками и янтарные рясные (диалект – укр.) груши привлекали к себе внимание: они уцелели со времён войны... Веткигнулись под тяжестью плодов, плоды осыпались на землю. А рябина, как будто роняла капли крови.

Хранил тишину и осенний лес, с которого уже слетала листва. Он, кажется, просто настаивал: «Остановись! Не спеши! Прислушайся и ты услышишь голоса стариков, женщин и детей!». Едва уловимо стонали колокола.

Всю дорогу я молчала, и только губы беззвучно шептали: «Яблони и груши ... сожжённых и погибших души...».

Уже весной 2003 года песня «Сказ о Большом Дубе» («Не забывайте!») заняла Первое место на областном конкурсе Курской области. Музыку написал житель города Железногорска Ф. Хаиров. Фёдор Григорьевич позже скажет корреспонденту в интервью: «Я ходил замороженным много дней. Не знал, за какую ниточку ухватиться. Чувствовал, что автор стихов был на этом месте, слова не взяты из воздуха. Мне хотелось написать такую музыку, которой не писал до сих пор». И, действительно: родилась потрясающая, изумительная музыка!

Фото из архива музея

СКАЗ О БОЛЬШОМ ДУБЕ (Не забывайте!)

сл. М.Веселовой-Томаши

Музыкальный партитура для симфонического оркестра и голоса. Инструменты: Домра малая 1, Домра малая 2, Домра альт 1, Домра альт 2, Домра бас, Флейта, Кларнет, Труба, Баян 1-3, Баян 2-4, Малый барабан, Большой барабан, Тарелки, Синтезатор, Гусли, Голос, Балалайка prima, Балалайка секунда, Балалайка альт, Балалайка контрабас.

Музыкальные обозначения: *pp*, *f*, *sf*, *p*, *sfz*, *pp*, *ff*.

Музыкальные термины: *колокол*, *3*.

19

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-н 1-3
Б-н 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек.
Б. альт.
к/б

сле-зы и ве-тер кры-лья о-пу-стил, лес за-меря и не-по-дох - нет-ся, он

24

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-н 1-3
Б-н 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек.
Б. альт.
к/б

он-ра-ня-ет неч-ный сон, тех, кто к нам боль-ше не по-ст-ся. Лишь

D Gm

34 **3 piu mosso**

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-н 1-3
Б-н 2-4
М.б.
Б.б.
(Т-ка)
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек
Б. альт

38

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-н 1-3
Б-н 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек
Б. альт
Б. б/б

42

Д.м.1

Д.м.2

Д.а.1

Д.а.2

Д.б.

Фл.

Кл.

Тр.

Б.ч.1-3

Б.ч.2-4

М.б.

Б.б.

Т-ка

Синт.

Г.-ли

Голос

Б.прима

Б.сек

Г.-ли

К.к/б

еще - шу - га - фель рвут сте - ня - нья тут (ше) - да а - те - ты ис

45

Д.м.1

Д.м.2

Д.а.1

Д.а.2

Д.б.

Фл.

Кл.

Тр.

Б.ч.1-3

Б.ч.2-4

М.б.

Б.б.

Т-ка

Синт.

Г.-ли

Голос

Б.прима

Б.сек

Б.альт

Б.к/б

выст По кап- ле кровь в - леза по - ми - ни - нья для

48

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-п 1-3
Б-п 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек.
F-альт
Т.б.

4 3

СМ

51

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-п 1-3
Б-п 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек.
Б. альт
Б. к/б.

5 ff
FET как M2
90-10 mp
5 55
3. A...

СМ

55

Д.м.1

Д.м.2

Д.а.1

Д.а.2

Д.б.

Фл.

Кл.

Тр.

Б-н 1-3

Б-н 2-4

М.б.

Б.б.

Т-ка

Синт.

Г-ли

Голос

Б. прима

Б. сек.

Б. альт

Б. к/б

59

6

Д.м.1

Д.м.2

Д.а.1

Д.а.2

Д.б.

Фл.

Кл.

Тр.

Б-н 1-3

Б-н 2-4

М.б.

Б.б.

Т-ка

Синт.

Г-ли

Голос

Б. прима

Б. сек.

Б. альт

Б. к/б

63

Д.м.1

Д.м.2

Д.а.1

Д.а.2

Д.б.

Фл.

Кл.

Тр.

Б-н 1-3

Б-н 2-4

М.б.

Б.б.

Т-ка

Синт.

Г-ли

Голос

Б. прима

Б. сек.

Г. альт

к/б

67

Д.м.1

Д.м.2

Д.а.1

Д.а.2

Д.б.

Фл.

Кл.

Тр.

Б-н 1-3

Б-н 2-4

М.б.

Б.б.

Т-ка

Синт.

Г-ли

Голос

Б. прима

Б. сек.

Б. альт

Б.кб

71

Д.м.1
Д.м.2
Д.н.1
Д.н.2
Д.5
Фл.
Кл.
Тр.
Б.н.1-3
Б.н.2-4
М.б.
Б.б.
Т.ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б.прима
Б.сек.
Б.альт.
К/б

во - ен - ной ли - хо - де - ты

pp
pp
p
pp
p

76

Д.м.1
Д.м.2
Д.н.1
Д.н.2
Д.6
Фл.
Кл.
Тр.
Б.н.1-3
Б.н.2-4
М.б.
Б.б.
Т.ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б.прима
Б.сек.
Б.альт.
К/б

7

pp
p

71

- можно -
(речега, пврд)

(3) *pp*

32

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-н 1-3
Б-н 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек.
Г. альт
Б. б.

2 3

ТОМИНЪТЪ СЪНХОСЪНЪИХ И ПЪСЪНЪИНА СЪЩИ ТЪК КЪТОУМЪТЪ РЕЧЪ СЪТЪ СЪ МЪКЪНЪТЪ СЪ А. И.

37

Д.м.1
Д.м.2
Д.а.1
Д.а.2
Д.б.
Фл.
Кл.
Тр.
Б-н 1-3
Б-н 2-4
М.б.
Б.б.
Т-ка
Синт.
Г-ли
Голос
Б. прима
Б. сек.
Б. альт
Б. б.

колокола

Жителям сёл под названием «Большой Дуб» – под городом Железногорском Курской области – заживо сожжённым фашистами 15 октября 1942 года, и воинам, навечно оставшимся в той земле в 1943 году)

**Стихи Марии Веселовской-Томаш
Музыка Фёдора Хаирова**

Беда пришла к «Большому Дубу» –
Отцов сжигали и детей.
Беда в обличье душегу бов,
Карателей и палачей.

«Беда пришла к Большому дубу...» –
автор Анна Алфёрова

Как позабыть, когда пылали хаты,
Когда качались старики в петле,
Когда валялись малые ребята,
Штыками пригвождённые к земле?!..

«Как позабыть, когда пылали хаты...» –
автор Михаил Исаковский

Стреляли, варвары, по стонам,
Стреляли в песню, плач детей.
И лес Михайловский запомнил,
Навек запомнил палачей!

«Стреляли варвары по стонам» –
автор Николай Гончаров

СКАЗ О БОЛЬШОМ ДУБЕ (Не забывают!)

Стоят печальные берёзы,
Как в карауле, у могил,
Дожди роняют тихо слёзы
И ветер крылья опустил.

Лес замер и не шелохнётся:
Он охраняет вечный сон
Тех, кто к нам больше не вернётся...
Лишь колокольный слышен стон.

Дотла Холстинка вся сгорела,
Большого Дуба – больше нет.
Земля от горя поседела
От тех далёких, страшных бед.

Здесь нашу душу рвут стенанья.
Тут гнёзда аисты – не выют.
По капле кровь в день поминанья
Рябины гроздь скорбно льют.

Грустит задумчивая осень,
В пурпурных красках бабье лето,
«Не забывают, – всех нас просят –
Поры военной лихолетье!»

Сад уцелевший рассыпает
На землю яблоки и груши –
Так каждый год он поминает
Погибших и сожжённых души.

12 октября 2002

БЕДА ПРИШЛА К БОЛЬШОМУ ДУБУ

Беда пришла к Большому Дубу,
Отцов сжигая и детей,
Беда в обличье душегубов –
Карателей и палачей.

Беда полмира истерзала,
Детей и женщин не щадила,
Стреляла, вешала, сжигала –
Пытала силу у России.

Анна Алферова

СТРЕЛЯЛИ ВАРВАРЫ ПО СТОНАМ

Не выли бабы, не ломали рук,
Застыли мрамором от диких мук.
Сердцам их стало тесно:
Рванулась к солнцу песня.
Ей вторил детский крик
И таял в небе синем.
Забуть бы этот миг!
Забуть бы этот миг –
Суровый миг России...

С землей обнялись запевалы:
Каратели в упор стреляли,
Боялись: встанут, запоют,
Воскреснет в прахе мощный Дуб.
Стреляли варвары по стонам,
Стреляли в песню, в плач детей,
И лес Михайловский запомнил,
Навек запомнил палачей.

Сосна стонала вековая,
И звёзды падали в рассвет.
Береза русская седая
Стоит над пеплом сорок лет.
Стоят обугленные срубы,
Как и десятки лет назад.
Легенды у Большого Дуба
Рябиновым костром горят.

Николай Гончар

МСТИТЕЛИ

Уже промчались многие недели,
Но этот день никто забыть не мог...
Здесь даже сосны с горя поседели,
Здесь даже камни плачут у дорог.

Как позабыть, когда пылали хаты,
Когда качались мертвецы в петле,
Когда валялись малые ребята,
Штыками пригвождённые к земле?

Как позабыть, когда слепого деда,
В зверином исступлении своём,
К двум танкам привязали людоеды
И разорвали надвое живьём?

Забуть нельзя! И мы не позабыли,
Убийцам не простили ничего.
И пусть нам трубы сбора не трубили, –
На сбор пошли мы все до одного.

Мы собирались под столетним дубом
У стариков совета попросить,
И те сказали: племя душегубов
Земля не может на себе носить!

И под родным, под белорусским небом,
Мы поклялись за мёртвых и живых
И в ту же ночь в стальную книгу гнева
Огнём вписали вражьих часовых.

С тех пор злодеев полегло немало, –
Навек нашли убежище своё!
Повсюду гибель их подстерегала,
Хотя они не видели её.

Она ждала их в поле и в дубраве,
Глядела из-за каждого куста,
Она рвала мосты на переправе
И под откос пускала поезда.

Она косила псов из пулемёта,
И сколько их покошено – сочти!
Она вела их в топкие болота,
Откуда нет обратного пути.

Она их на ночь в хату приводила,
Поила водкой, клала на кровать;
Когда же солнце поутру всходило, –
С кровати было некому вставать.

Мы поклялись: и в летний зной, и в стужу
Им не давать покоя ни на миг.
Мы поклялись: не складывать оружия,
Пока живёт хотя один из них!

И мы своей не уронили чести,
Не позабыли славы боевой, –
И днём и ночью древо нашей мести
Над вражеской бушует головой.

1942

Михаил Исаковский

Меня долго не отпускает увиденное. И на этот раз, несколько лет спустя, я снова «вернулась» на то место к Большому Дубу: память пронзительно вела туда...

Потомки, достойными будьте

Стихи и муз. М. Веселовской-Томаш

First system of the musical score, showing the vocal line and piano accompaniment. The key signature is three flats (B-flat, E-flat, A-flat) and the time signature is common time (C). The vocal line begins with a whole rest, followed by a series of notes.

Second system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "За-вис над зем-лё - ю ту - ман, и". The piano accompaniment continues with chords and melodic lines.

Third system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "нет ни по-сад-ки, ни взлё - та. Ждёт рей-са ге-рой ве - те-". The piano accompaniment features a triplet of eighth notes in the vocal line.

Fourth system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "ран, го-рит ор - де-нов по-зо - ло - та. Вздрем-". The piano accompaniment continues with chords and melodic lines.

Fifth system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "нул он лишь на миг, и ви-дит яр - кий сон: са - лю-ты, фей-ер-". The piano accompaniment continues with chords and melodic lines.

Sixth system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "верки в честь по - бе - ды. И как жи-вых лю - дей ис-пе-пе - лял о - гонь, и". The piano accompaniment continues with chords and melodic lines.

Seventh system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "смерт-ный бой, ка - ко - го мир не ве - дал. То". The piano accompaniment continues with chords and melodic lines.

Eighth system of the musical score. The vocal line has the lyrics: "Курска-я ду-га, то Курска-я ду-га, то ог-нен-ная Курска-я ду - га.". The piano accompaniment continues with chords and melodic lines.

ПОТОМКИ, ДОСТОЙНЫМИ БУДЬТЕ

*Стихи и музыка
Марии Веселовской-Томаш*

Завис над землёю туман
И нет ни посадки, ни взлёта.
Ждёт рейса герой-ветеран:
Горит орденов позолота.

Припев:

Вздремнул солдат на миг и видит яркий сон:
Салюты, фейерверки в честь Победы...
И как живых людей испепелял огонь,
И смертный бой, какого мир не ведал:
То Курская Дуга, то Курская Дуга –
То Огненная Курская Дуга...

Заметно ресницы дрожат,
Сидит фронтовик, опечален:
О, сколько безусых ребят
За Родину жизни отдали!..

Припев.

Бессмертья великих солдат,
Потомки, достойными будьте!
Пусть совесть и память не спят, –
Героев войны не забудьте!

Припев.

17 ноября 2007

Старый солдат

Скрылось солнце

Стихи и муз. М. Веселовской-Томаш

Над Рос-си-ей за-пы-ла - ли вновь за-

ка - ты, про-во-жа-ют на-ших маль - чи - ков в сол - да - ты.

И у-хо-дят в бой не - рав - ный ба-таль - о - ны. Пла-чут ма-те-ри, не-

вес - ты, пла-чут же - ны. И бес-страш-ны-е маль-чиш - ки, дав при-

ся - гу, про-ры-ва-ют-ся вне - ред, на-зад ни ша - гу.

Э-хо гор-но-е раз - но - сит смер-ти хо - хот, зал-пы ты-ся-чи о -

ру - дий, взры-вов гро - хот. Скры - лось сол-нце яс-но-е за -

ды - мом. Раз - ры-да-лась мать над те-лом сы - на.

Го - ло-ву сы-ноч-ка дер-жит ма - ма,

и со-чит-ся кровь-ю а - лой ра - на.

Скры - лось солн-це яс - но - е за ды - мом.

Раз - ры - да - лась мать над те - лом сы - на.

Го - ло-ву сы-ноч-ка держит ма - ма, и со-чит-ся кровь-ю

а - лой ра - на.

Последние мгновения жизни Воина Евгения

СКРЫЛОСЬ СОЛНЦЕ

Посвящается Евгению Родионову¹

*Стихи и музыка
Марии Веселовской-Томаш*

Над Россией запылали вновь закаты:
Провожают наших мальчишек в солдаты,
И уходят в бой неравный батальоны...
Плачут матери, невесты... плачут жёны.

И бесстрашные мальчишки, дав присягу,
Прорываются вперёд, назад – ни шагу!
Эхо горное разносит смерти хохот,
Залпы тысячи орудий, взрывов грохот.

Припев:

Скрылось солнце ясное за дымом.
Разрыдалась мать над телом сына.
Голову сыночка держит мама,
И сочится кровью алой рана...

Громовые в небе слышаться раскаты.
Не дождаться милой девушке солдата:
Смертью храбрых пал жених её безусый, –
Родниковые глаза и волос русый.

Что же ты, война, с Россией сотворила? –
Растравила все народы, разлучила:
Полыхают над землёй моей пожары,
Да гуляет ветер смерти, ветер шалый.

Припев.

29 октября 1999

¹ Евгений РОДИОНОВ – принял смерть за Христа 23 мая 1996 года, в праздник Вознесения Господня, в селе Бамут в Чечне. День смерти его был в день его рождения, когда исполнилось 19 лет. Причислен Церковью к лику святых.

Святой воин Евгений

Мама Святого

ПЛЭЙКАСТЫ – ЭТО ТОЖЕ ПАМЯТЬ

Плэйкаст – оригинальный способ выразить себя в интернете, поделиться своими мыслями и настроением, сделать подарок своими руками, поздравить друзей. Соедините в единое творение стихи, фотографию, музыку – и получите свой уникальный маленький шедевр – оригинальную открытку.

Автор плэйкастов на тему войны Лариса Викторовна Иванцова, жительница далёкого города Ижевска Удмуртии. Она медик по специальности, но с талантом художника, неравнодушна, с чувством высокой любви к Родине и гордости за своих предков, которым также довелось прошагать по фронтовым дорогам навстречу Победе. Взгляните на великолепно созданные шедевры из рубрики «Никто не забыт, ничто не забыто!»! Они заставят вздрогнуть Ваше сердце.

1. «ГОДЫ ВОЕННЫЕ, ПОРОХОВЫЕ...»

Да возвеличится Россия! Русским Героям посвящается!

<http://playcast.ru/view/1769849/d48e8a167536989d7b-d624998256bea1f2429c26pl>

2. «ДО СИХ ПОР С ВОЙНЫ ИДУТ СОЛДАТЫ...»

Без вести пропавшим...

<http://download.playcast.ru/view/1043388/c21ed282acfa-b50ac6b9a259ffe2ca22052ffdfdpi>

3. «ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...»

Всем женщинам, в судьбе которых прозвучало слово «Война»

<http://www.playcast.ru/view/1113613/b85d9c8430cba34b6-b96338a6a1b3bb0039accebpl>

4. «ИЗ НЕВОЗВРАТНОЙ СТОРОНЫ...»

<http://playcast.ru/view/1834022/d25829944c7ef3b2d8387-f6ecf05c5a95550b4e2pl>

5. «НА БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ ...»

70-летие контрнаступления под Москвой

<http://playcast.ru/view/1703862/9c55edf2def9f0c9e12c036b63cee6afb889099fpl>

6. «О КАЗАЧЬИХ, О ДЕЯНЬЯХ... »

Под зарю вечернюю...

<http://playcast.ru/view/1680800/785d04c8dd3af16bd18527c7865882d501914a4dpl>

7. «РОССИИ СЛАВА НЕЗАБВЕННА!»

Посвящается 200-летию Отечественной войны 1812 года!

<http://playcast.ru/view/1962849/20b89704eae416d3acd857f52d402d6a320457f5pl>

8. «СЕКУНДЫ В ВЕЧНОСТЬ ПУЛЯМИ ЛЕТЯТ!»

<http://www.playcast.ru/view/1874112/e37e15ad29c9f3e14112-c9ac4fc5119b59aada21pl>

9. Я МЫСЛЕННО СВЯЗАН С ТОБОЙ

Всем, кого коснулась Великая Отечественная Война...

<http://www.playcast.ru/view/1139833/8870cf39df9ba357b5a1cd1368a4c74858c3df99pl>

10. «Я ОСТАЛСЯ ТАМ, НА ВОЙНЕ...»

Мальчикам всех войн посвящается...

<http://playcast.ru/view/1684238/a27c59277a57a071-f87a481a16ce0bd4fdd8cd3ep1>

Э П И Л О Г

ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПО ДАННЫМ МИНОБОРОНЫ

По уточнённым данным, потери Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. составляют 8 млн. 860 тыс. 400 военнослужащих. Об этом на заседании пресс-клуба Минобороны РФ сообщил начальник военно-мемориального центра Александр Кирилин.

Он пояснил, что при подсчёте потерь не учитывались данные госпиталей и паспортная перепись населения послевоенных лет. Всего, как отметил А.Кирилин, в годы войны погибли около 11 млн. советских граждан, принимавших активное участие в боевых действиях, – кадровых военнослужащих, ополченцев, партизан.

А.Кирилин уточнил, что в архивных карточках Министерства обороны содержится информация о 18 миллионах погибших. Однако, по его словам, эти данные не соответствуют действительности, поскольку они составлялись во время войны неквалифицированными работниками и неоднократно дублировались (на одного погибшего поступало несколько документов – из воинских частей, госпиталей).

Стоит отметить, что спор о потерях Советской армии в годы Великой Отечественной войны ведётся ещё с 1945 года. В 1946 году И.Сталин объявил, что общие потери (гражданские и военные) составили 7 миллионов человек. После этого данная цифра постоянно возрастала. Во времена Н.С.Хрущева она достигла 20 миллионов, а в годы перестройки – 27 миллионов.

В 1993 году были объявлены официальные данные по потерям военнослужащих, с которых был снят гриф секретности, – 8 миллионов 668 тысяч 400. С тех пор эта цифра также увеличивалась по мере деятельности поисковых отрядов и работы в архивах. Ещё не кончилась священная война, пока подснежники растут среди костей...

Я, Мария Веселовская-Томаш, автор-составитель Интернет-галереи «Алтарь Отечества», автор и литературный редактор многих рассказов и воспоминаний, счастлива, что не одинока в своих устремлениях помочь тем, кто не потерял надежды найти следы на земле своих родных и близких – они отдали жизнь за Родину. Мне по дороге с теми, кому дорог принцип достоверности, правдивости в исповеди каждого Солдата, кто жаждет вытащить из потаённых уголков человеческой памяти имя каждого простого Солдата, добывшего Победу. Негодую, если находится смельчак, который пытается перевернуть события тех кровавых лет и переписать страницу истории со своей «колокольни»: это кощунство и преступление против павших на полях сражений. Наш «мемориальный комплекс» никто не посмеет взорвать, перенести, надругаться над ним!

Работу по систематизации учётных данных документов о погибших воинах во Второй Мировой войне и последующих конфликтах ведёт «Корпорация Электронный архив «MEMORIAL OBD» www.obd-memorial.ru – это титанический труд. Основная цель проекта – дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения. В рамках проекта будет отсканировано и предоставлено в Интернет-доступ около 10 миллионов листов архивных документов, проиндексировано более 30 миллионов записей о солдатах и офицерах. Впервые вы сможете ознакомиться с реальными документами, самостоятельно провести поиск и исследование.

«Наша победа, день за днём» www.9mai.ru – проект РИА «Новости» Сводки Совинформбюро. Фронтовые истории, рассказы и фотографии, присланные посетителями. Плакаты, фотоленты. Песни войны. Цель проекта-акции: попытка пройти ещё раз последний год Великой Отечественной войны...

Рады, что организаций, школ, групп энтузиастов и просто отдельных людей, занимающихся поисковой работой, возвращающих имена пропав-

ших без вести, много. Рады вдвойне, что мы на одном пути с ними. Так как целью ПараАртийского Центра «Иван да Марья» является творческая реабилитация ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, труда и детства, то и сбор материала для Интернет-галереи и альманахов «Алтарь Отечества» www.paraartiada.com/altar – повод не просто вспомнить каждого Солдата, не просто вернуть имя героя, а сделать это именно с творческой стороны – вспоминая родных, написав рассказ, эссе, стихи, песни...

ПАМЯТЬ

В чёрных зрочках оружейных стволов
Виделись судьбы живых и погибших,
Слёзы сирот, одиночество вдов,
Павших героев, в скульптурах оживших.

Память и слава, венки и цветы,
Почеть салютом и праздник Победы...
Строк с адресами всё больше пустых
В списках познавших лишенья и беды.

Помним ушедших и тех, кто живой –
Жизнью развеявших жуткие тени,
Красное знамя над ЦЕЛОЙ страной...
Радуюсь жизни, преклоним колени.

Владимир Мелешкин

*Закончилась проклятая война, воркуют голуби.
Фото Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*

НА ТО МЫ И ЛЕНИНГРАДЦЫ...

*К 70-летию разрыва блокадного кольца
вокруг Ленинграда 18 января 1943 года*

Дрожали от холода руки,
От голода не было сил,
И душу терзали муки,
И враг Ленинград бомбил.

Но всё пережить сумели –
Терпением и трудом
Все беды преодолели,
Чтоб выжил наш Отчий дом!

На то мы и ленинградцы.
В блокадном лихом году
Младенцы, юнцы и старцы
Смогли победить беду

И мы несказанно рады –
По-прежнему над Невой
Наследники Ленинграда
Встречают рассвет весной!

Не требуем, чтоб фанфары
В День памяти ради нас
Звучали. И мемуары
Не пишем, но ради вас

Во вражьем кольце блокады
Сквозь слёзы, и смерть, и кровь
И долгие дни осады
Смогли сохранить Любовь!

Живите во славу града,
Коль недруг забудет вдруг
Разгром свой под Ленинградом,
Напомнит им Петербург!

18 января 2012

Любовь Бикбаева-Занозина

ГИМН КАДЕТА

Полоской алой в линию лампас,
Как солнце – медь начищено сверкает.
Открыты двери, ждёт учебный класс.
Кадетский корпус сыновей встречает.

Хоть детство подпоясано ремнем,
Не по годам в душе живёт отвага.
Кадета с честью звание несём,
Не посрамив Святой Отчизны флага.

Нас будни ждут, не легкие, порой,
Учёба грудью полною задышит.
И только сниться будет нам покой –
Ведь на пагонах знак курсанта вышит.

Словам присяги клятвенно-верны,
Поставленную выполним задачу.
Как истину запомнить все должны:
«Мы воины, а воины – не плачут!»

Мы будущее Родины – БРОНЯ!
Чеканя шаг походкой строевою,
Пройдём сквозь жизнь, традиции храня,
И – с высоко поднятой головою.

Вадим Вознесенский

САША ИЗ КАНДАГАРА

Я свободен... В пространстве зияет дыра...
Меж времён не ущелье, а пропасть...
Бог играет лучами, в одном из них – я...
Вертолёта прострелена лопасть...

Поднимаюсь всё выше, почти к ледникам...
И...не чувствую снежной прохлады...
И зачем она мне, если близкие – там...
Счастье их – это всё что мне надо.

Я мгновенен в желаниях и невесом...
Миг – и я у родного порога...
Но не слышу я скрип, что до боли знаком...
Нет и боли... одна лишь тревога...

Захожу ветерком и у двери стою...
Сквозь меня свет закатный струится
Боже, дай мне сказать, что безмерно люблю...
Боже, дай невозможному сбыться!

Только голоса нет... Я кричу что есть сил!
Слышит эхо в горах Кандагара...
Это я... Я любил!...Только этим и жил,
Нет на свете божественной дара... ара...ара...ра...а-а-а...

Я свободен... В пространстве зияет дыра...
Меж времён не ущелье, а пропасть...
Бог играет лучами, в одном из них – я...
Вертолёта прострелена лопасть...

Ольга Гуликина

СКОЛЬКО ЛИСТЬЕВ В МАЕ...

Слеза по небритой катилась щеке
и сердце щемило...
Победа! Мой дед в горьком том далеке...
Давно это было.

Победа ценою убитых солдат
и их миллионы,
как листьев, что зеленью майской горят,
а души их стонут...

И плачут живые за павших друзей
и горечь полыни
скользит по улыбке... «Увидим детей
и к небу подкинем!

Обнимем любимых, заплещется вальс,
как пенное море...
Но как же нам больно смеяться без вас,
не выплеснуть горе...»

Ничком на траву и прошепчем земле –
«Так будь же им пухом...».
Но ночью на небе зажгутся во мгле,
кто вечно жив духом!

Они нам теперь зажигают рассвет,
целуют лучами,
хранят на Земле Богом данный нам свет
и плачут дождями...

Ольга Гулинкина

БАЛЛАДА О БАБУШКЕ АНИСЬЕ

Этой боли сносу нет, помним и сегодня.
...Хате больше сотни лет, бабке скоро сотня.

Весь народ подался в лес, никого в деревне.
Немцам что за интерес в этой бабке древней.
Да фашисты – вот беда! – хату занимают
И старуху никуда выйти не пускают.

Бабка забралась на печь, с глаз подальше вражьих...
Слышит вдруг родную речь, видит: двое наших.
Без шинели каждый, бос и в бинтах кровавых.
Каты начали допрос – ужас, боже правый!

Режут раненых враги и огнем пытаются.
Те глотают языки: “Не скажу... Не знаю...”
Так у бабки на глазах умерли герои.
Что тут бабкина слеза, горе-то какое...

...Фрицы на ночь завели ставни и запоры,
шнапсу выпили, легли, захрапели скоро.
У старухи ж нету сна – не до сна ей было.
Керосин взяла она, хату окропила –

Пусть уж нечисти такой ад отныне снится!
Потянулась за свечой бабушка Анисья.
И сама в один момент вспыхнула как свечка!
Этой боли сносу нет и не будет вечно.

Павел Горшков (1924 - 1977)

* * *

Народ войны не ожидал
Тем мирным летом, в сорок первом,
Но предрассветный час настал –
Зловещий взрыв плеснул по нервам...
Фашистов полчища пришли,
Взялись коричневой чумою
На зелень нежную земли,
Ступив железною пятою.
Да не учили: не та страна,
Чтоб ей навязывать порядки.
И всенародная волна
Прошла от Бреста до Камчатки.
И стар, и млад в солдатский строй
Плечом к плечу вставали рядом,
Единой связаны судьбой
И гордым, непокорным взглядом.
Ожесточенные бои
За честь, за Родину и славу
Против захватчиков вели
Сыны Отечества по праву!
Когда ж окончилась война
И тишина на землю пала,
Победу, праздную страна
И ликовала, и рыдала...

Валерий Илюшкин (1948 - 1996)

АХ, КАК ШУМЯТ ДОЖДИ...

Жертвам трагедии Беслана

Ещё не все цветы примяты
От ливня, прошумевшего вчера.
Ещё надежды не распяты,
Не окунулась в кровь ещё заря...

В гирляндах-бомбах смерть застыла,
Свернулась у шахидок в поясах.
Вдруг пуля чей-то плач сразила –
Разбушевался гнев-протест в сердцах!

Но Ангел Чёрный закружился –
Рассеять смерть его сам дьявол звал!
Крылами Белый Ангел бился:
Он в души жизнь вдохнуть не успевал.

Роняет небо дождь сквозь слёзы
На новые могильные кресты –
Распластанные птицы-грёзы,
На скорбные осенние цветы.

Ах, как шумят дожди по всей России,
Огнём суровым молнии цветут!
И, обезумев в страхе и бессилье,
Невинные с мольбой спасенья ждут!

Для всей Вселенной время быстротечно,
На город Ангелов упала мгла.
Хор детских голосов беззвучен, вечен.
Тревожна над Бесланом тишина...

01 сентября 2004

Мария Веселовская-Томаш

ОБ АВТОРЕ-СОСТАВИТЕЛЕ

Мария Максимовна Веселовская-Томаш – родилась на севере Молдавии в селе Шапте-Бань. Педагог-филолог, поэт. Окончила Бельцкий государственный педагогический институт имени А.Руссо (1966). С 1976 года проживает в Москве.

Общественной деятельностью занимается с 1989 года.

Девятикратный Лауреат Артиады народов России, член Международной Ассоциации Писателей и Публицистов и Международного союза славянских журналистов; вице-президент НАК России, Президент ПараАртийской Лиги Национального Артийского Движения России, член Мирового Артийского Комитета, Президент Региональной общественной благотворительной организации инвалидов ПараАртийский Центр «Иван да Марья».

Автор поэтических сборников «В плену у грусти» (1999, 2003), «Два крыла» (2003); музыкально-поэтических – «Прикасаюсь к Пушкину» (1999), «Зажгите свечи» (2000, 2003), «Притихли фанфары, труба заиграла» (2006); документально-художественной повести «Неиспитая чаша любви» (Спецприз Конкурса «Спасибо за жизнь!» 2005); поэзия и проза – сборник «Вкус счастья» (2009).

Автор-составитель книги и видеофильма «Иван да Марья – 10 лет: вопреки и благодаря», а также 1 тома альманаха «Алтарь Отечества» (2010, лауреат Международного Интернет-конкурса «Страницы семейной славы» (2010) и тома 2 (2012).

Соавтор 20 поэтических сборников, в том числе «Планета поэтов-5».

На стихи написано композиторами более 30 песен: песня «Сказ о Большом Дубе» Ф. Хаирова заняла 1 место на областном конкурсе к 60-летию Курской битвы (2003). Авторская песня «Москва» – получила 2-е место Московского фестиваля на лучшую песню о Москве (2009). Лауреат Фестивалей творчества ветеранов ВОВ и членов их семей и многих других фестивалей и конкурсов.

Медаль «Лауреат–Фестиваль–55 лет Победы» (2000). Медаль «Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина» (2010). Общественная юбилейная медаль «75 лет Северному флоту» (2008) – за стихи, посвященные мужеству и героизму подводников подлодки «Курск» (2000).

Девиз: Важно прожить не «Сколько», а «Как!».

Идеалы: Самоотверженность, подвижничество Матери Терезы; Безграничное мужество, сила духа Хелен Келлер.

Публикации о биографисте: Биографический инновационный справочник «Кто есть кто. Русское издание» (изд. 11-13, М., 2008– 2010); Люди для людей. – М., Центр «Социальное партнёрство», 2003, 2012; Л.Лежнёва. Наследники Павла Корчагина. – М., 2006 и др.

Проекты: Издание музыкально-поэтического сборника и CD диска «Прикасаюсь к Пушкину...»; издание последующих томов альманаха «Алтарь Отечества»; выпуск CD диска «Мы твои сыновья, Россия»; открытие на сайте рубрики «Белый Ворон» (Несломленные судьбы).

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

АЛЬМАНАХ

• ВОСПОМИНАНИЯ •
• ДОКУМЕНТЫ • СТИХИ •
• ОЧЕРКИ • РАССКАЗЫ • ПЕСНИ •

ТОМ III

Автор-составитель

Веселовская-Томаш Мария Максимовна

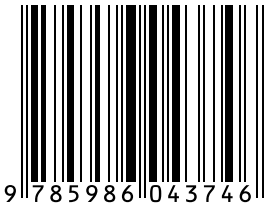
Формат 60x84/₁₆. Печать офсетная.

Подписано в печать 28.10.2012.

Объем 13,9 усл. печ.л.

Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-98604-374-6

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru